

БЫТЬ РУССКАГО НАРОДА.

ЧАСТЬ V.

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ОБРЯДЫ:

- I. ПЕРВОЕ МАРТА.
- II. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.
- III. КРАСНАЯ ГОРЕА.
- IV. РАДУНИЦА.
- V. ЗАПАШКА.
- VI. КУКУШКА.
- VII. КУПАЛО.
- VIII. ЯРЕНО.
- IX. ОВЖИНИ.
- X. БАВЬЕ ЛѢТО.
- XI. БРАТЧИНЫ.

Сост. А. Терещенки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВОЕННО-УЧЕБНИХЪ ЗАВѢДЕНІЙ.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 16 апрѣля
1846 года.

Ценсоръ С. Кутора.

СОДЕРЖАНІЕ.

V. ЧАСТИ.

I. ПЕРВОЕ МАРТА.

II. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Веснянки. — Марема или мара. Кличка весны. — Встрѣча перваго дождя. — Первый громъ.

III. КРАСНАЯ ГОРКА.

Красная горка у разныхъ народовъ. — Обрядное при-
дѣтствіе красной горки. — Забавы и поминовеніе родныхъ. —
Разное отправленіе обрядовъ, во время красной горки. — Выо-
ишницъ.

IV. РАДУНИЦА.

Значеніе радуницы. — Отправленіе радуницкихъ поми-
новеній.

V. ЗАПАШКА.

Набожное дѣйствіе земледѣльца. — Запашка. — Помо-
чи. — Опашка. — Постѣвъ.

VI. КУКУШКА.

Древнее вѣрованіе въ голоса животныхъ. — Манари-
ки и завиваніе вѣсковъ. — Крещеніе кукушекъ и кумо-
ванье.

УІІ. КУПАЛО.

Почитаніе огня и воды. — Общее употребленіе Ивановаго дня. — Очистительный огонь. — Обрядъ празднованія купалы, общій между Славянами. — Поклонники небесныхъ свѣтилъ и водъ. — Купанье и хороводные круги. — Аграфена купальница. — Мѣстное совершеніе купальныхъ огней. — Свойство купальскихъ и чародѣйныхъ травъ. — Заключеніе.

УІІІ. ЯРИЛО.

Темныя свѣдѣнія объ ярилѣ. — Чествованіе ярилы.

ІХ. ОБЖИНКИ.

Приношеніе первыхъ плодовъ во храмъ. — Жатинки въ Бѣлоруссіи. — Жатвенное дѣйствіе въ русскихъ и литовскихъ жатинкахъ. — Причитанія у Словаковъ и венгерскихъ Славянъ: на посѣвъ, сорваніе и скиманіе хлеба съ полей. — Жатвенныя пѣсни въ Сербіи. — Обжинки и обжинки въ Малороссіи. — Обжинки въ Черной и червонной Россіи. — Пожинки и имяниники. — Госпожинъ день, осенины, овсяница, дежень и спасовъ день. — Дожинки и обжинки въ Россіи. — Страда или страдная пора. — Помочь и другія ея названія. — Уборка. — Овниъ и овянные имянины. —

Х. БАБЬЕ ЛѢТО.

Семень день. — Пиво варить. — Похороны мухъ и жгальніе таракановъ. —

ХІ. БРАТЧИНЫ.

Значеніе братчинъ. — Михайловская и Никольская братчины. — Кононь. — Сыщины, юровой день, Никольщина и холки. — Посидѣлки. — Супретки и дожинки. — Досѣтки и вечерницы.

I.

ПЕРВОЕ МАРТА.

Мѣсяцъ мартъ былъ посвященъ Римлянами Марсу, ^{Первое марта.} богу войны, который считался отцемъ Ромула, основателя Рима (755 л. до Р. Х.).—Тамъ же въ Римѣ существовало обыкновение въ мартовскіе дни, чтобы отправлять поминование по усопшимъ.

У многихъ нѣмецкихъ и славянскихъ племенъ, остались слѣды праздниковъ въ честь мертвыхъ. — Въ Богеміи, Польшѣ, Силезіи, Лузаци и Саксоніи, народъ ходилъ съ разсвѣтомъ дня, на кладбища съ зажженными факелами, и приносилъ жертву усопшимъ. Въ Россіи начинаютъ, съ перваго марта, посѣщать могилы родныхъ, и продолжаютъ это съ обряднымъ поминованиемъ за упокой, до честнаго семика. Это первая весеннія поминки, осенними же заключается народное прощаніе со всѣми умершими: родными и знакомыми. Есть мѣста въ Россіи, гдѣ самые радостные дни въ жизни, сопровождаются прощаніями надъ могилой. — Въ смоленской, олонеккой, вологодской, тверской, костромской губерніяхъ и въ другихъ, невѣста и женихъ, за нѣсколько времени до вѣнчанія, ходятъ на могилу поклониться праху родителей, испрашивая у нихъ благословенія на вступленіе въ бракъ. Если невѣста сирота, то она, въ сопровожденіи своихъ подругъ, отправляетъ

ся ночью на могилу, за день до вѣнчанія, чтобы проститься съ родителями. Стоя на колѣнахъ, она испрашиваетъ у нихъ благословенія на свой бракъ, говоря : *родимые батюшка и матушка, не надо мнѣ ни золота, ни серебра, надо мнѣ родительскаго благословенія,—благословите родимые!* и потомъ помолившись, лобзаетъ ихъ надгробный крестъ и отправляется съ утѣшеніемъ.

II.

ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Съ весною наступаетъ отрадная жизнь, съ весною Встрѣча весны. все оживаетъ и радуется, все веселится и услаждаетъ себя: и согбенные старостью лѣтъ, чувствуютъ тогда свое перерожденіе. — Они забываютъ даже, что отжили свой вѣкъ, умерли для удовольствій. А вѣчно, безпечная и игривая молодость, не размышляя, что ждетъ ее, — предается всѣмъ упованіямъ безотчетной веселости: оживляетъ летучія свои насланденія восторженными порывами, и уносится въ нескончаемую даль цвѣтущей жизни, забывая невольцо, что радость изсякнетъ, въ свое время; что ея восторги такъ же замрутъ въ свою очередь. Молодость не разсуждаетъ, не вѣритъ и забываетъ даже свое настоящее, — а это забвеніе утѣшительно для жизни.

Во всѣ вѣки и у всѣхъ народовъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ, всегда привѣтствовали весну особыми обрядами. У Грековъ и Римлянъ, учреждены были особые празднества, сопровождавшіеся играми и пѣснями. Тамъ въ честь Флоры, богини весны и цвѣтовъ, воспѣвали торжественныя гимны и пировали по нѣскольکو дней сряду. У нихъ начиналась весна 3 марта, по-

тому игры ихъ назывались *цвѣтными*. (*) Женскій полъ, увѣнчанный цвѣточными и древесными вѣнками, веселился въ продолженіи пяти дней, до изступленія: обнимался и цѣловался съ мужчинами, при обоюдномъ сладострастныхъ пѣніяхъ, которыя рѣдко оканчивались одними скрытными поцѣлуями: игры цвѣтныя тревожили строгую нравственность Катона. Онъ многократно покушался запретить *бѣснованіе*, какъ онъ выражался; но всѣ ~~его усилія оказались тщетными~~. Порча нравственности сдѣлалась, уже въ его время, повсемѣстною.

По разрушеніи римской имперіи, многія забавы и увеселенія перемѣшались съ обрядами разнородныхъ племенъ; и ~~встрѣчались, управляясь ими уже по своему обычаю~~ ~~и въ~~ ~~и пѣли~~ ~~радостныя пѣсни~~ ~~подъ~~ ~~пальцу~~. Почти такое же отправление встрѣчаемъ между нѣкоторыми славянскими племенами.

Въ *Богеміи* встрѣчалъ весну *причитаніемъ*:

Giz nesem smiert ze wsy,
Nové léto do wsy.
Witny leto libezno,
Obiliczko zelene.

Уже несемъ смерть изъ сохи, а новое лѣто въ село.
Здравствуй милое лѣто, зеленый посѣвъ! (**).
Словяки и Венгры понынѣ приносятъ весну,
лѣтней пѣснью:

Лѣто, витнѣ лѣто,
Кдѣсь такъ дугѣ боло?
Сидни си на лавицѣ,
Намогло си мѣ намъ, прииди! (**).

(*) Lud florales.

(**) Union. Wets. über der alten Slawen Ursprung, S. 71.

(***) Kollar: Nowodn. Zpiew. т. I с. 224.

Едва начинается стернать, дѣвушки оставляютъ ра-<sup>Веснян-
ки.</sup>боту и выходятъ на улицу; каждая садится подлѣ своей хаты, и кто вышелъ прежде, тотъ заводитъ весеннюю пѣснь. Голосъ ея далеко разносится. Подруга, услышавъ знакомый напѣвъ, отвѣчаетъ ей другимъ куплетомъ, той же самой пѣсни. Наконецъ, всѣ дѣвушки начинаютъ перекликаться, потомъ собираются и вмѣстѣ зацѣваютъ веснянку. —

Въ Малороссіи встрѣчаютъ весну особыми играми и пѣснями, извѣстными подлѣ именемъ веснянокъ. Онѣ поются во время хороводныхъ игръ, и при встрѣчѣ весны и лѣта: (*)

Розылися воды
На чотыре броды
У первому броду
Соловейко щебетавъ,
Зелѣны сады розвивавъ.
У другому броду,
Возулька ковала,
Литечко казала.
У третьему броду,
Коничекъ заржавъ
Винъ дороженьку потувъ.
А въ четвертомъ броду,
Та дивчина плаче:
За не любого идучи,
Соби лихо чуючи.

—
Свѣти зорю, на все плече;
Поклинь мѣсяць зыйде;

(*) Веснянокъ весьма много, но здѣсь приводятся только изъ
экзотическаго для прицѣла.

Покимь до мене милииий,
 Вечераты прїйде.
 Оа чи прїйде, чи ни прїйде
 На вечерю тую;
 А я ему ранесенько,
 Сиидаты зготую.

Цвили лозы при дорози,
 Синесинькимъ цвитомъ:
 Ишовъ козакъ зъ улицы,
 Билесинькимъ свитомъ:
 Не жаль тому козаченьку,
 Посидаты дати.
 Що винъ иде зъ улицы,
 Якъ стане свитаты.

Нема лёду, нема лёду,
 Нема й перейду.
 Коли тобі любя мида,
 Бреди й чревь воду.
 Перебрела дви риченьки,
 И половину ставу.
 Не вводь мене козачиньку,
 Въ великую славу.
 Ой, самажъ ты, дивчиненько,
 Себе въ славу вводишь,
 Що визненько, не раненько,
 Зъ улицы ходишь.
 Ой, якъ мини козаченьку,
 Та равьше ходыти?
 Якъ возмеиъ ты за рученьку,
 Немусишь пустити.

Въ Польшѣ веснянки почти забыты, а въ Россіи мало извѣстны. Въ малороссійскихъ краяхъ, кромѣ пѣнія веснянокъ, носятъ еще чучело по деревнямъ и полямъ, одѣтое въ женское платье, которое называется

марена или жара (припарить). Эту жару провожают толпа дѣтей, парней, дѣвушекъ и молодыхъ, пригромкомъ пѣнии. Въ украинѣ носятъ сдѣланную изъ дерева ласточку, и поютъ пѣсни въ честь весны. —

Марена или жара.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи веснянки извѣстны только въ явленіяхъ духовъ, которыхъ представляютъ въ женскомъ видѣ, и думаютъ, что онѣ появляются весной, какъ жинянки зимою, осенью или обняжи осенью. —

Весну встрѣчаютъ еще окликаніемъ. Въ смоленской губерніи дѣти, дѣвицы и пожилыя женщины, взлѣзаютъ на крышки домовъ, скотныхъ сараевъ, или сходятъ на гору и кличутъ весну. —

Кличка весны.

Красная весна,
Что намъ несешь?

Другія имъ отвѣчаютъ :

Красное лѣто,
Теплое лѣто.

Кличка весны измѣняется по мѣстностямъ. Въ XVI вѣкѣ существовалъ обычай, какъ видно изъ Стеглава: по утру рано жгли солому и клыкали мертвыхъ. Во многихъ мѣстахъ Польши окликаютъ весну рано по утру, въ великій четвертъ, и въ этотъ день купаются до солнечнаго восхода, чтобъ здоровьемъ быть на весь годъ. Такое повѣрье существуетъ и въ Малороссіи: кто успѣлъ выкупаться до солнечнаго восхода, тотъ оставался въ полномъ убѣжденіи, что къ нему не пристанетъ никакая зловредная болѣзнь. Въ дѣревнѣ Сосновскѣ (чистопольскаго уѣзда — казанской губер.), когда зацвѣютъ первые пѣтухи; тогда дѣвушки и

парни бѣгутъ зачерпнуть воды, даъ рѣчки Бахгъ, иже
вороне, на обмкнулъ съ мѣд. крыла, и м. тымънаются этой
родаю. Въ убадахъ: Буйскѣ и Сольгаличѣ (мострою-
ской губ.), посадниа погружаются три рава, къ воду
и кувыркнувшись на воду, стѣлко, же рава, вайзаны
потомъ на уголь избы и поють пѣсню: въ честь: вес-
ны, или екають черезъ, плетешь оторода, и лаять въ
дерева, вертятся около стоговъ: ойна, кувыркаюся
катаются по зеленой травѣ и поють:

Весна, весна, красная!
Приди, весна, съ радостію.
Съ радостію, радостію,
Съ великою милостію:
Уроди лѣтъ высокій,
Рожь, овесъ хорошій. —

Въ Буйскѣ, когда не вскрылись еще рѣки, дѣвуш-
ки схватясь за руки, вертятся около проруби и при-
говариваютъ: весна, красная весна! приди весна съ ми-
лостью, съ милостью, съ великою благодатью; или вхо-
дятъ въ воду по поясъ, плещутъ водою и, взявшись
за руки, говорятъ: вода веселая, здоровая! дай намъ
здоровья! Многие больные нарочно приносятся въ
лѣній четвертъ къ ручью, и ихъ лечитъ вѣнчикъ во-
ды, полагая, что она излечитъ ихъ. Въ оломенской гу-
берніи весна начинается довольно поздно, перваго мая.
Въ это время тамъ встрѣчаютъ весну съ оломеннымъ
чучеломъ, утвержденнымъ на шестъ, и ставятъ его на
возвышенномъ мѣстѣ. Тутъ приготовлены пироги, раз-
ныя кушанья и водка: садятся около чучела и пив-
руютъ; потомъ зажигаютъ его и пашутъ вокругъ, по-
ка онъ не сгоритъ. Въ калужской губерніи зазываютъ
весну, собираясь на холмахъ или полянахъ, и въ чоты

ея поють пѣсни. Въ тульской губернии асликають весну, съ еоминной недѣли. Предъ возождеиіемъ солнца собираются поселяне обоого пола, на бѣлжнѣй холмѣ или пригорокѣ, оборачиваются лицомъ къ востоку, читають про себя молитву и потомъ стѣнуются въ хороводъ. Избранная запѣвальщица, держащая въ одной рукѣ хлѣбъ, а въ другой красное яйцо, распоряжается хороводомъ.

Весна красна!
 На чемъ пришла?
 На чемъ прѣхала?
 На сошечкѣ,
 На бороночкѣ. —

Потомъ всѣ начинаютъ пѣть хороводную пѣснь:

Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
 И всѣ красныя на широкой;
 Одной дѣвки нѣтъ:
 Сидитъ она во теремѣ,
 Ширинку шьетъ золотомъ,
 Узду вяжетъ тесьменную. —
 Ахъ, горе великое!
 Кому то достанется? —
 Достанется моему буженному,
 Моему ряженому. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаютъ первый весен- Встрѣча
перваго
дожда.
 ній дождикъ, съ особою радостью. Многіе нарочно вы-
 ходять изъ домовъ, чтобы имъ ороситься, думая, что
 въ это время сила его такъ животворная, что мгновен-
 но укрѣпляетъ тѣло и предохраняетъ его отъ многихъ
 недуговъ. Въ Малороссіи причитають надяють слухай:

Дощику, дощику!
 Милый дощику.
 Кроши жутко,
 Щобъ було чутко;
 Вовникъ здорову,
 Безъ позору:
 Якъ та осина,
 Що гнеться та стоить.
 Подай дощику,
 На дидову рижь,
 Дивчачій лань,
 Батькивъ овесь,
 И на все добро,
 Поливай ведромъ.
 Гони хмару
 И всяку мару,
 А очи молодичи,
 Якъ чаровничи,
 Не хай отъ тебе
 Що краше буде.
 Лице биле,
 Косу довгу;
 Шю и вижку,
 Нехай умые.

Подобнаго почти содержанія припѣвъ, сохраненъ въ
 Нерехотскомъ уѣздѣ (костромской губерніи.)

Дождь, дождь!
 На бабину рожь,
 На дѣдову пшеницу,
 На дѣвкинъ ленъ,
 Поливай ведромъ.

Въ Шуѣ (владимірской губерніи) существуетъ пританіе къ дождю: *Мать Божая! подавай дождя на насъ*

ячмень, на барской хмль, а когда дождь пойдетъ большой: ужъ ты дождь дождемъ, поливай ковшемъ, на нашъ ячмень, на барской хмль. Тамъ же къ зарѣ, послѣ перваго весенняго дождя: зоря зоряница, красная дѣвица! ты по лѣсу ходила, ключи потеряла; мѣсяцъ видѣлъ, солнце скралъ.

Въ Сербіи и Валахіи приносили жертвы богу Папалугу, чтобы онъ посылалъ дождь на хлѣбный посѣвъ. (*)

Венгерскіе Словаки, обращаясь къ солнцу, съ испрошеніемъ у него животворной силы на посѣвъ хлѣба, говорятъ причитаніе:

Дай Боже сляца,
До новаго грица.
Ветъ ти го ми даше,
Кдѣ са найграше. (**)

Въ Галиціи, собравшись деревенскіе мальчики въ хорошую, лѣтнюю погоду, — поютъ въ честь солнца:

Świeć, świeć słoneczko!
Dam ci jajeczko,
Jak kureczka zniesie,
Na dębowem lesie.
Weźmie jajo do raju,
Wszystkie dusze radują. —
Ino jedno nie radą,
Ojcu matce łajala:

(*) Gebhard. Fortsetz. der Allgem. Weltgeschichte. der neuen Zeit, ч. 33. с. 254., ed. 1789 г.

(**) Kollar. Národn. Zpiew. ч. I. с. 274.

Złoty że się mocny Bole!
 Nie dopuść ja na Madejów łozę (*).

Первый
громъ.

Существуетъ повѣрье, что при первомъ громѣ надобно выбѣжать изъ избы и подпирать спиною плетень, домъ, дерево или другое что либо, въ томъ предубѣжденіи, что этотъ громъ даетъ тѣлу крѣпость и оживляетъ растѣнія, до того времени еще безжизненные. Въ послѣднемъ случаѣ предрасудокъ имѣетъ, въ своемъ основаніи, физическую справедливость.

Электрическая сила грома, дѣйствуя благотворно на природу, оживляетъ зелень полей и крѣпитъ все растущее; но съ тѣмъ вмѣстѣ она и опасна: дѣйствуя болѣею частью сокрушительно, она убиваетъ человѣка, и часто зажигаетъ зданія.

Когда падаетъ при громѣ дождь, тогда спѣшать умыться имъ, или собираютъ его въ чаши, моютъ больныхъ и даютъ его пить.

(*) Мадей славился страшнымъ разбойничествомъ. Когда его словили, тогда приготовили для него постель въ аду, изъ однихъ иглъ раскаленныхъ, посему эта постель прозвана мадеевскою. Мадей успѣлъ однако ускользнуть изъ ада.—Постель мадеевская обратилась въ пословицу:

Przyjdiesz na Madejowe łozę.

Gdzie są same brzytwy i noże.

Żeg. Paul, Piesn ludu polsk: w Galic. c. 31-32.

III.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Наступала весна, и съ нею повсюду была радость. По ^{Красная} ^{горка.} селам собираются на горку, и съ нею приветствуют наступающія весеннія забавы. Юная природа оживаетъ тогда еще болѣе молодость и веселыя дѣлушки, одушевленные новой жизнію, не довольствуются воспріиманіемъ животворной весны: онѣ встрѣчаютъ ее жароводными играми, поздравляютъ съ непритворной радостію, какъ дорогую гостью, возвращающуюся къ нимъ съ небельяго зеленаго холма, который по имени называется *красною горкою*. Это обыкновеніе во всеобщемъ употребленіи. Она начинается съ еомкидова воскресенья, которое въ восточной церкви именовалось *домомъ*, а въ западной *блуждымъ воскресеньемъ*. —

У Славянъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ, однимъ словомъ у всѣхъ народовъ были священные горы, горки и крутицы. Тамъ стояли истуканы, горѣли огни для жертвоприношеній и совершались разные священныя обряды и моленія. У кievскихъ Славянъ были поклонныя и лисыя горы, у прочихъ, какъ то: польскихъ, богемскихъ, моравскихъ и силезскихъ; священныя, красныя, русыя, черныя, червоныя и грѣмучія. — На красныя собирались духи мужескаго, а на лисыя женскаго пола.

Обряд-
ное при-
вѣтствіе
красной
горки.

По всей Россіи встрѣчается большое множество на-
званій красныхъ горъ и урочищъ, но для игръ изби-
раются преимущественно красныя горки, по своему при-
ятному мѣстоположенію. Толпа поселянъ обоого по-
ла, сдѣлавъ привѣтствіе весѣ, идетъ съ горы съ пѣні-
емъ и потомъ начинается хороводъ, или другого рода
забавы и игры, но эти забавы не вездѣ сопровождают-
ся единообразно. Въ слободахъ Переяславля-зальскаго
(владимірской губер.) поселяне собирались въ еоміно
воскресенье, послѣ обѣда, съ поздравленіями къ тѣмъ,
у кого въ прошедшемъ году были совершены свадьбы,
и приговаривали имъ: *выюнъ, выюнница! отдай наши яй-*
ца. Молодые ихъ дарили яйцами, куличами, поили
пивомъ и виномъ. — Въ костромской губер. подходятъ
къ окну домохозяевъ, и поютъ: *выюнъ да выюнница, да-*
вай яйцо; а не дашь яйца, придетъ вѣтрица. Если по-
здравленіе происходитъ подъ окнами новобрачныхъ; то
они угощаютъ ихъ пирогами, яйцами и пивомъ. Такое
поздравленіе извѣстно тамъ подъ именемъ *выюннества*:

Что значить выюнъ, выюнница и выюннество? Долж-
но думать, что это испорченное въ простонародіи сло-
во *юниъ*, молодой; *выюнство* молодость, *выюннество* —
оказъ поздравлять молодость, особенно молодыхъ су-
пруговъ. Последнее заключеніе изводу изъ того, что
въ Галичѣ (костромской губер.) во время *радомыя*
(еоміной недѣли), поселяне распеваютъ пѣсни подъ
окнами молодыхъ: *юнница, молодница! подай яйцо въ*
перенечу. — Или поютъ:

Ой лелю, молодая, о лелю!
Ты выюная, о лелю!
Ты по горницѣ пройди, о лелю!
Покажи свое лице, о лелю!
Да въ оношечко, о лелю!

Понажи вамъ молодца, о лелю!
 Своего-то выюнца, о лелю!
 Да пожалуй-ко личко, о лелю!
 Еще красенькое, о лелю!
 Что на красномъ блюдѣ, о лелю!
 И при добрыхъ людяхъ, о лелю.

Молодые угощаютъ ребятъ перепечью, калачами, канканками, ладышками, пивомъ и виномъ, а дѣвицъ красными яйцами и пряниками. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рязанской губерніи, дѣвушки и женщины одѣваются въ черное и бѣлое платье, и послѣ обѣдни идутъ на кладбище, съ запасомъ разнаго кушанья и питья; плачутъ надъ могилами своихъ родныхъ и близкихъ къ ихъ сердечному воспоминанію, и поднимаютъ такой страшный вой, что мертвымъ не даютъ покою. Понаплакавшись вдоволь, садятся пить и ѣсть на могилахъ; остатки бросаютъ нечистымъ духамъ, чтобы они не тревожали усопшихъ, а оставшееся вино льютъ на могилы, изъ предубѣжденія, что оно предохраняетъ гробы отъ зловредныхъ духовъ. По окончаніи этого обряда, возвращаются домой: тамъ переодеваются въ праздничныя одежды и выходятъ на красную горку. Здѣсь начинаютъ уже разныя хороводныя забавы. — Въ смоленской губер. празднество, которое совершается на красной горкѣ, называется *толпищемъ*, соответствующее древнему славянскому обряду *стадо*, сопровождается пѣніемъ пѣсней и играми.

Въ иныхъ мѣстахъ горка составляетъ гулянье на св. Недѣлѣ, въ другихъ въ еоминный понедѣльникъ, а въ иныхъ въ Юрьевъ день, въ который выгонъ скота въ поле, сопровождается служеніемъ молебней, для предохраненія его отъ всѣхъ недуговъ, а потомъ радостными пѣснями и ночнымъ хожденіемъ около стада,

Забавы
и поминание
родныхъ

Разное
дѣйствіе
о бра-
дѣхъ, во
времъ а
красной
горки.

въ томъ мѣстѣ, что этимъ дѣйствіемъ притворяется нечистая сила, которая въ то время обливаетъ самую злую, и чрезмѣрно портитъ скотъ. Въ другихъ мѣстахъ время красной горки, почитается благоприятнѣйшимъ для свадебъ. Вообще красная горка есть первый весенній праздникъ, и она, смотря по мѣстности, начинается то дѣтской игрою, то хороводами (*).

Нельзя опредѣлить, даже указать на игры и хороводы, какія именно совершаются въ это время. Все зависитъ отъ образа жизни и наклонности поселянъ къ забавамъ. —

Вотъ образецъ встрѣчи красной горки, въ пензенской губерніи. Въ этой встрѣчѣ перемѣшаны игры и забавы, принадлежащія или собственно одной игрѣ, или одному хороводу. —

Въ восьмой день праздника послѣ свѣтлаго воскресенья, называемаго Оуминнымъ воскресеньемъ, начинается у дѣвушекъ первое весеннее гулянье, известное подъ именемъ красной горки: — Вечеромъ собираются дѣвицы и составляютъ хороводъ; къ нимъ присоединяются молодайки (молодая женщины). Раздѣляются на двѣ половины и становятся другъ противъ друга въ два ряда, на нѣсколько саженей отъ друга. Первая половина, подходя къ другой, поетъ:

(*) Есть еще объясненіе, что съ окончаніемъ весны, одинъ изъ мужчинъ наряжается кобылою и пугаетъ ребятишекъ. Это дѣлается для того, чтобы они боялись своихъ отцевъ и матерей, и когда онѣ заплачутъ или не слушаются ихъ, тогда стращаютъ: *вотъ придетъ кобыла, вотъ идетъ кобыла, и ребенокъ смиряется.* — Пугаютъ еще для того, чтобы ребятишки не просили спорошного въ постные дни.

А мы съѣху чистилин,
Чистилин;
Ой диди—ладу, чистилин,
Чистилин!

и дошедши до другой, она возвращается назадъ и становится на свое мѣсто.

Потомъ другая половина, танцъ же подходитъ къ первой, поетъ:

А мы проса сѣяли,
Сѣяли;
Ой диди—ладу, сѣяли,
Сѣяли!

И такимъ образомъ продолжаютъ пѣть попеременно, и потомъ отходить на свое мѣсто.

Перв. А мы проса полози,
Полози;
Ой диди—ладу, полози,
Полози!

Втор. А мы просо вытопчемъ,
Вытопчемъ;

Ой диди—ладу, вытопчемъ! 2.

Перв. А мы копей выловимъ, 2.

Ой диди—ладу, выловимъ! 2.

Втор. А мы копей выкушимъ, 2.

Ой диди—ладу, выкушимъ! 2.

Перв. А чѣмъ же вы выкупите? 2.

Ой диди—ладу, выкупите! 2.

Втор. А мы дадимъ сто рублей,

Сто рублей.

Ой диди—ладу, сто рублей! 2.

Перв. Не надо намъ тысячи,

Тысячи;

Ой диди—ладу, тысячи! 2.

Втор. А мы дадимъ дѣвицу, 2.

Ой диди—ладу, дѣвицу! 2.

Перв. За дѣвицу слова нѣтъ,

Слова нѣтъ,

Ой диди—ладу, слова нѣтъ! 2.

Втор. У насъ въ полку убыло, 2.

Ой диди—ладу, убыло! 2.

Церв. У насъ въ полку прибыло, 2.

Ой диди—ладу, прибыло! 2.

Въ продолженіи этой пѣсни, дѣвицы приближаются радостно другъ къ другу и потомъ отступаютъ.

По окончаніи этой забавы, набираютъ нѣсколько дѣвочекъ и мальчиковъ, разсаживаютъ ихъ на небольшое, другъ отъ друга разстояніе; окружаютъ ихъ, сцепившись рука съ рукой, и ходя вокругъ ихъ, поютъ:

Маки, маки, маковочки,

Золотыя головочки!

На горѣ былъ макъ,

Подъ горою такъ,

Такъ, былъ макъ,

Сякъ, былъ макъ.

Пропѣвши это, спрашиваютъ у сидящихъ: поспѣлъ ли макъ? — Тѣ отвѣчаютъ: еще только поспѣялъ. — Потомъ опять поютъ тоже, и послѣ опять спрашиваютъ: поспѣлъ ли макъ? Тѣ отвѣчаютъ: цвѣтеть. — Еще разъ слѣвши тоже самое, спрашиваютъ: поспѣлъ ли? И когда будетъ отвѣтъ: поспѣлъ, — тогда начинаютъ сидящихъ мять, коверкать и трясти. Если эта игра наскучитъ дѣвицамъ и имъ захочется поплясать; то всѣ онѣ становятся въ большой кругъ, а двѣ изъ нихъ побойчѣе, выходятъ на средину, начинаютъ первыя пѣть и плясать, а за ними поетъ и пляшетъ весь кругъ:

Во лужахъ, лужахъ,

Зеленыхъ лужахъ!

Выросла трава шелковая,

Разцвѣтали цвѣты лавровые, —

Понеслись духи малиновые.

Ужъ я въ той травѣ, выкормлю коня,

Выкормлю, ужъ я выкормлю, и выглажу с

Поведу я коня къ батюшкѣ:

Батюшка, ужъ ты батюшка, родимой мой!

Ты прійми слово ласковое,

Ты прійми слово пріятливое. —

Не давай меня за стараго замужъ:

Старый мужъ не ровня мнѣ,

Со старымъ гулять я не пойду!

Пляшущія, притопывая ногами, приговариваютъ еще: гоцъ! гоцъ! гоцъ!

Уставъ отъ пляски и пѣсень, дѣвицы заводятъ другую игру, — дергать рѣдку. Она совершается такъ: здоровая изъ дѣвушекъ садится на лугу; на ея колѣнахъ садится другая, которую она обхватываетъ и держитъ подъ руки; на колѣнахъ другой, третья, и такъ далѣе, пока изъ нихъ образуется довольно длинный рядъ. Одна подходитъ къ сидящей въ корнѣ, и говоритъ: кума! продай рѣдечку. — Та отвѣчаетъ: поди, выдержи на томъ концѣ. — Покупательница идетъ на другой конецъ, берется выдергивать послѣднюю изъ сидящихъ, и начинаетъ тащить ее. Если вытащить, хорошо; а нѣтъ, такъ опять идетъ къ первой и жалуется ей, что рѣдка слишкомъ туга: не велитъ ли она выдернуть изъ середки? Та отвѣчаетъ ей, что она не хочетъ портить грядки, а хочешь, такъ дергай съ конца. Послѣдняя опять подходитъ къ концу, и уже здѣсь непременно вытаскиваетъ одну, за ней другую, и такъ

далѣе до послѣдней, которая, *будучи вѣнчанъ свѣтъ*,
тащить всѣхъ за собою.

У крестьянскихъ молодушекъ есть положеніе: *проиграть первый вечеръ, до блага свѣта*.¹ Надобно или поплясать, или пѣсенки попѣть. Одна поопытнѣе изъ нихъ начинается:

Зайчика, гдѣ ты былъ, побывалъ?

Стрицькой, гдѣ ты былъ, побывалъ?

Былъ я, былъ я, парень мой;

Былъ я, былъ я, сердце мое;

У трехъ дѣвушекъ въ гостяхъ.

Зайчика, ты не знаешь, какъ зовутъ?

Стрицькой, ты не знаешь, какъ зовутъ?

Знаю, знаю, парень мой,

Знаю, знаю, сердце мое.

Какъ Катюха да Марюха,

И третья Дуня удала.

Зайчика, тамъ встрѣчали ли тебя?

Стрицькой, тамъ встрѣчали ли тебя?

Встрѣчали, парень мой,

Встрѣчали, сердце мое:

Какъ Катюха у дверей,

А Марюха у стѣнъ;

И третья Дуня удала,

Во гореньку провела.

Зайчика, тамъ сажали ли тебя?

Стрицькой, тамъ сажали ли тебя?

Сажали, парень мой,

Сажали, сердце мое:

Какъ Катюха на лавку,

За столъ меня провела.

Зайчика, тамъ кормили ли тебя?

Стрицькой, тамъ кормили ли тебя?

Кормили, парень мой,

Кормили, сердце мое,

Какъ Катюха полѣтишь,
 А Марюха калачомъ,
 И третья Дуня удала,
 Каши съ маслинками дала.
 Занька, тамъ дарили ли тебя?
 Сыринькой, тамъ дарили ли тебя?
 Дарили, парекъ мой,
 Дарили, сердце мое:
 Какъ Катюха полѣтишь,
 А Марюха платкомъ;
 И третья Дуня удала,
 Съ рукъ перчаточки дала.
 Занька, провожали ли тебя?
 Сыринькой, провожали ли тебя?
 Провожали, парекъ мой,
 Провожали, сердце мое:
 Какъ Катюха изъ дверей,
 А Марюха изъ сѣней;
 И третья Дуня удала,
 Вдоль улицы провела. —

Вообще думаютъ, что съ наступленіемъ красной горки, впервые начинаютъ горѣлки и запѣваютъ хороводную пѣсню *просо съли*. —

Нѣкоторые изъ нашихъ писателей составили особый <sup>выюниш-
никъ.</sup> праздникъ, подъ именемъ *выюнишника*, потому только, что онъ совершается въ Семеновскомъ уѣздѣ (нижегородской губерніи), на святой недѣлѣ въ субботу, и тамъ поютъ пѣсни молодымъ супругамъ, бракосочетавшимся въ прошедшемъ году. Я не считаю это за отдѣльный праздникъ, ибо выюнишникъ поется въ одно время съ красною горкою, и пѣсни его одного почти содержанія, наприм:

Ты вставай-ка молодецъ,
 Ты вставай-ка нашъ выюнецъ!
 Ты расчесывай кудри,

Костянымъ гребешкомъ.
 Ужъ ты взгляни въ окошко косящатое!
 Тебѣ пѣсню поемъ,
 Тебѣ честь воздаемъ.
 Награди-ка насъ подаркомъ,
 Сладкимъ пряникомъ,
 Билымъ сахарнымъ. —

Вьюнишникъ употребляется еще для молодыхъ, вмѣ-
 сто застольной пѣсни. —

Какъ въ деревнѣ во Ильинской,
 У Ефима молодца,
 Что стоялъ тутъ теремъ
 Со крутымъ верхомъ,
 Со косячатымъ окномъ. —
 Противъ краснаго крыльца,
 Выросло дерево трехугольное.
 Что въ томъ ли терему,
 Дубовы столы стоятъ,
 Дубовы столы стоятъ,
 Бранныя скатерти лежатъ.
 На тѣхъ ли на столахъ,
 Медвяныя яствы стоятъ ;
 За тѣми ли столами,
 Князья, бояре сидятъ,
 Сахарныя пята пьютъ.
 Катайтесь, бояре,
 Со высока терема;
 Не спшибите деревца ,
 Трехугольного.
 Еще первая угода ,
 Подъ корень деревца ;
 А другая угода,
 Посередь деревца ;
 А третья-то угода,
 Подъ вершину деревца. —

Подъ вершинку дерева
 Соловей гнѣздо вѣсть,
 Онъ и яйца нестѣ,
 Молодыхъ дѣтокъ ведѣть.
 Посередѣ дерева,
 Пчелы ярыя шумѣть,
 Много меду наносѣть.
 Подъ корень дерева,
 Кровать нова тесова,
 Перинушка пухова.
 На той ли кровати
 Ефимушка лежить,
 Съ молодой своей женой
 Съ Оксиньюшкой душой.
 А у нихъ въ головахъ,
 Звончаты гусли лежать.—
 И кому въ гусли играть?
 Кому тишатся?
 Играть въ эти гусли,
 Ефиму молодцу:
 Ему тишить, утѣшать,
 Молоду свою жену,
 Оксиньюшку душу.
 Чѣмъ васъ молодецъ,
 Станутъ жаловати?
 Пивомъ, ендовой, или склянницей вина?
 Или золотой казной? —
 Ничего намъ не подашь,
 Мы со двора пойдемъ,
 Мы осердимся.
 Три бѣды мы сотворимъ:
 Первую бѣду,
 Ворота мы разтворимъ,
 Коней пару уведемъ.
 А другую то бѣду:
 Избы двери разтворимъ,
 Мы гостей ознобимъ.

Третью то бѣду :
 Во теремъ зайдемъ,
 Мы заслонъ унесемъ,
 Печи остудимъ.
 Гостей охолодимъ,
 И вась молодыхъ,
 На стыдъ наведемъ.

Молодые подчуютъ ихъ виномъ, закусками или даять чѣмъ нибудь. Они благодарятъ:

Еще здравствуй молодой,
 Съ молодой своей женой,
 И спасибо тебѣ хозяинъ,
 На жалованьи,

Отходя отъ нихъ :

Вьюнецъ, молодецъ, молодая, (4 раза).

Потомъ молодежь обходитъ прочихъ новобрачныхъ, съ вьюншиникомъ или поздравленіемъ. Къ вечеру собираются въ питейный домъ, пьютъ на собранныя деньги и закусываютъ полученнымъ отъ молодыхъ (*).

(*) Снег. Руск. простон. праздни. вып. III. с. 214-214.; Сах. Сказ. русск. нар. т. I. с. 261., см. русск. обрядныя пѣсни, подъ статью: пѣсни радуницкія. — Онъ ошибочно причисляетъ къ радуницкимъ, славующія три :

1. Ой лелю, молодая, о лелю!
2. Ты вставай-на молодецъ.
3. Какъ у доревит у Ильинской.

Вся онѣ собственно поздравительныя или ласкательныя вьюншиныя.

IV.

РАДУНИЦА.

Въ разныхъ мѣстахъ называется радуница различно, ^{Значеніе раду-} какъ то: *радовничею, радуницею, радоницею и навій день*. ^{ница.} Все это воспоминаніе за упокой, и во многомъ сходствуетъ съ тризною и стравою. — Радуница не вездѣ приходится въ одно время: большею частію бываетъ въ *Оминъ* воскресенье, *Оминъ* понедѣльникъ или въ десятый день отъ пасхи, во вторникъ, — послѣднее часто всего празднуется въ сѣверо-восточной Россіи. Въ Малороссіи она называется *провѣдами, гробками и могилками*, потому что тамъ, въ *Оминъ* понедѣльникъ, совершаютъ поминаненіе по умершимъ. Радуница превратилась въ послѣдствіи въ *родительскую субботу*. — Радуница происходитъ отъ слова *радоваться*, а *навій* отъ древняго славянскаго слова *навъ*, означающее покойника, мертвеца. Народъ, поминая въ это время родителей, думаетъ, что они радуются съ ними. Не безъ основанія исторіографъ Карамзинъ замѣтилъ, что радуницею назывался какой нибудь языческій праздникъ у Славянъ, и бывалъ въ началѣ апрѣля, потому что пасха приходилась въ то время марта 28. (*)

(*) Кар. Ш. Р. Р. т. 5. прим. 26.

Изъ поминальныхъ дней особенно замѣчательна родительская суббота. Поминовение родителей такъ важно, что считаютъ за грѣхъ заниматься работою во время поминокъ, и что тогда не должно поминать ихъ блинами. По этому приносятъ на могилы: пироги, калачи, кашу, кутью, яйца и разныя жаренныя и вареныя кушанья. Суевѣріе заставляло часто священника снимать съ себя ризы, или эпитрахиль, и постилать на могилѣ при совершеніи литіи; по совершеніи литіи, священникъ съ причетомъ и поминавшіе съѣдали все принесенное. — Въ прежнія времена народъ поминалъ умершихъ съ языческими обрядами: совершивъ надъ могилами усопшихъ поминовение, оставлялъ сродниковъ плакать и рыдать. — Женщины и мужчины, вспоминая добрыя качества покойника, наполняли воздухъ плачевнымъ воемъ; потомъ сажались на могилу, угощали другъ друга пивомъ, виномъ, пирогами, блинами, яйцами и проч.; остатки бросали злымъ духамъ. — При питіи вина, отливали часть на могилу, а послѣднее сами выпивали. —

Радуницкія поминки всегда сопровождались чрезмѣрнымъ упоеніемъ, отъ того вошло въ поговорку: *выпили пиво обѣ масляницѣ, а съ похмѣлья домало послѣ радунини.*

Отправ-
леніе ра-
дунинъ
или по-
минове-
нія.

Въ Ооминъ вторникъ толпы народа съ узелками, идутъ по утру на могилы своихъ родителей, совершать по нихъ поминовение, и тамъ, оплакивая ихъ смерть, пируютъ цѣлый день. Тогда считается за великій грѣхъ, если кто не служитъ панахиды. Многіе думаютъ, что души умершихъ встаютъ во время поминовений изъ *темницъ* (изъ гробовъ), радуются и слушаютъ поминальную обѣдню въ церквѣ, за олтаремъ. Тѣ же родители, коихъ дѣти не пришли помянуть, плачутъ тогда весь день. — Самая поминальная пища,

которая должна состоять преимущественно изъ кутьи, пироговъ, сырниковъ и яицъ, раздѣляется будтобы мертвыми, выходящими невидимо изъ темницъ, и присутствующими съ живыми до солнечнаго захода.—Такое мѣтніе господствуетъ даже между простолюдинами въ Петербургѣ.—Тутъ одинаково совершаютъ обрядныя дѣйствія въ Ѧоминъ вторникъ, называющійся *радуницею*, а самое дѣйствіе поминovenія *христосованіемъ съ родными*; потому непременно берутъ окрашенныя яйца, и кладутъ ихъ на могилу. Нѣкоторые зарываютъ окрашенныя яйца, въ нарочно выкопанныя надъ могилой ямочки. Вѣрятъ еще, что если въ радуницу случится предстаненіе свѣта, то вышедшіе изъ темницъ, предстанутъ прямо въ рай съ поминающими ихъ.

Въ пермской губерніи, во вторникъ на Ѧоминой недѣлѣ, ходятъ по утру на кладбище поминать усопшихъ, запасаясь крашенными яйцами, блинами и разными кушаньями; остатки раздаютъ нищимъ; весь день проводятъ въ гуляньи и прогулкахъ. —

Въ другихъ мѣстахъ послѣ пиршества оставляютъ на могилахъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, крашенныя яйца, которыя у нихъ изображали умиловительныя жертвы по умершимъ. Водится изстари обычай, что женихи и невѣсты ходятъ на могилы своихъ родителей: просить у нихъ благословенія на брачный союзъ, и въ знакъ ихъ согласія, оставляютъ яйца на могилахъ. —

Стоглавъ осуждалъ оклички на радуницы и въюницы, но обычай удерживаетъ ихъ донынѣ.

Нигдѣ родительскія поминки не производились и не производятся, съ такою веселостію, какъ въ Малороссіи и въ Бѣлороссіи. Въ Кіевѣ сходились, и теперь сходятся на гору Щековицу не только простой народъ, но

почетнѣйшіе граждане. Тамъ сначала отырапливаютъ свѣчи надъ умершими, а потомъ каждое семейство, сѣвъ въ кружокъ близъ родственной могилы, поминаетъ родителей, родственниковъ, друзей, знакомыхъ и все, что дорого для ихъ сердца. Ъдятъ и пьютъ за упокой, желаютъ усопшимъ царствія небснаго, за ихъ добрыя дѣла; прощаютъ нанесенныя имъ обиды, не желая препятствовать имъ идти прямо въ рай, — и просятъ ихъ не препятствовать имъ. Когда немножко поразгуляютъ, тогда заставляютъ семинаристовъ или учениковъ бурсы, пѣть духовнаго содержания стихи, но печальнымъ и погребальнымъ напѣвомъ. — Это такъ растрогиваетъ настроенную ихъ чувствительность, что они, для удержанія своихъ слезъ, запиваютъ горе виномъ, произнеся: *о, якъ оце жалостливо! сховаєш ридного и ридненьку, хтожъ мене приголубе? Чи чуєшъ ви, мій батеньку и моя матусенька? Чи вамъ тамъ лучче, чи тамъ тутечки?* После многихъ возгласовъ, старшій изъ поминальщиковъ обращается къ плачущимъ, и говорить: *давайте жъ скорій чарку горилки, — утѣлимъ горе!* Когда и это не помогаетъ, тогда обрываются къ скрипачамъ, и говорятъ: *музыка! ну, жемъ заиграйте, да такъ, щобъ плакало усе на взрыдь.* Скрипачи играютъ заунывные или похоронныя пѣсни, и всѣ плачутъ. *Годи! чи перестанете жъ играти? Не бачете, якъ вси взрыдали; мене съ цього ридного хоромють.* Скрипачи начинаютъ играть веселыя, и всѣ, забывъ горе, бросаются въ присядку. Поминки обращаются въ безотчетной разгулъ, который иногда продолжается во всю ночь. — На другой день говорятъ только: ой, болитъ моя головцыка. — Чтобы прогнать головную боль, похмѣляются; похмѣлье иногда длится нѣсколько дней сряду. — Почти тоже самое происходитъ въ полтавской, черниговской и харьковской губерніяхъ.

Въ Бѣлорусіи также собираются на кладбище. Тамъ, на могилахъ родныхъ, катаютъ красныя яйца, которыя отдаютъ потомъ нищимъ. — На могилѣ, политой медомъ и водою, раскладываютъ кушанье, и при- вѣтствуютъ покойниковъ: *святые радзицили! хадзице къ намъ хлѣба и соли кушаць*. Потомъ старые и малые разсаживаются по мѣстамъ. Кушанья должны быть нечетныя: пять, семь, девять и т. д., и безъ подливки (соуса). — Необходимо, чтобы тутъ находились: медъ, творогъ, блины, гречаники, колбаса и свинина. Кто бѣдный, тотъ проситъ у зажиточнаго, который всѣмъ надѣляется его. — Остатки отдаютъ нищимъ. По окончаніи угощенія, обращаются къ покойникамъ: *мои радзицили! выбачайцѣ, недзивицѣ; чимъ хата богата, тимъ и рада*. Послѣ отправляются въ корчму, и тамъ поютъ и танцуютъ. — Радуницу отправляютъ здѣсь еще весною, когда растаеваютъ земля, и думаютъ, что тогда родителямъ тепло, потому разговаривая съ ними, желаютъ имъ: «дай вамъ Богъ, легко въ землѣ лежати, и Христа въ очи видати». (*) — Обычай, посѣщать могилы родительскія, есть языческій: онъ былъ извѣстенъ всѣмъ народамъ на востокѣ, оттуда перешелъ въ Европу. Поговорка у Римлянъ: *de mortuis aut bene aut nihil* т. е. объ умершемъ или хорошо, или ничего, конечно произошла изъ благовѣйнаго воспоминанія по умершемъ; но мѣста вѣчнаго жилища, постоянно напоминаютъ живымъ утрату сердечную, и потому служатъ предметомъ посѣщеній, слезъ и священныхъ поминовений.

(*) Goleb. Lud polsk. jego zwyc. i zabob. ч. 2. с. 269.

ЗАПАШКА.

При восмѣхъ хлѣба и началѣ жатвы, поселяне <sup>Набож-
ное со-
дѣйстви-
е зем-
ле-
дѣльца.</sup> соблюдаютъ особыя свои обряды. Не начинаютъ ни орать, ни сѣять, ни косить, ни жать, не помолившись сначала Богу, и не спросивъ у Него благословенія на свой трудъ. Земледѣлецъ обращается въ ту сторону, въ коей, по его примѣтамъ, благоприятны предзнаменованія: чистое небо и тихій вѣтерокъ. — Набожно онъ кланяется на всѣ четыре стороны. Потомъ, постоявъ нѣсколько времени на своей полосѣ, онъ осматриваетъ вокругъ себя, поднимаетъ глаза на небо и замѣчаетъ на немъ движеніе облакъ; наблюдаетъ полетъ и крикъ птицъ, слѣдитъ и первую поступь лошади и быка, когда впрягаетъ подъ плугъ, и потомъ, перекрестясь, говоритъ: *благослови Господи Иисусе Христе! и помилуй насъ*. Сколько предчувствій волнуютъ въ то время его душу! Предзнаменованія устрашаютъ его, онъ не вѣритъ и въ самыя счастливыя примѣты, которыя часто обманывали его. — Онъ беретъ плугъ, закидываетъ его на свою ниву, и съ словомъ: *помощи Боже!* начинаетъ пахать. — Запашка его пошла удачно и скоро. Во время работы погода стояла хорошая, небо было чистое и свѣтлое, зелень повсюду пробивалась и изъятыхъ примѣтъ онъ выводилъ предзнаменованіе о богатомъ урожаѣ. — Его работа приходитъ къ концу, и онъ ра-

дуются вдвойнѣ. Всѣ предвѣстія благопріятныя, уско-
ряютъ его трудъ, и наконецъ настаетъ послѣдній день
запашки, уборка. Онъ и ее счастливо окончилъ, —
вотъ его радостный праздникъ. —

Помочи. Издавна существуетъ обычай помогать другъ дру-
гу въ вспахиваніи поля, и это называется *помочи*, отъ
слова помочь, пособить. Это обыкновеніе есть общее
между крестьянами и помѣщикамъ. Каждый житель
деревни, имѣя большія поля и не успѣвая убрать ихъ,
извѣщаетъ околотовъ о поданіи ему помочи. Это дѣ-
лается въ праздничный день. — Нива покрывается по-
селынами; трудъ ихъ облегчается пѣснями, а въ одинъ
день оканчиваютъ то, что хозяину пришлось бы сдѣ-
лать въ мѣсяцъ. Въ продолженіи помочей, хозяинъ уго-
щаетъ обѣдомъ и нѣсколькими ведрами пива; потому,
съ наступленіемъ вечера, всѣ тянутся гужемъ въ домъ
хозяина, который благодаритъ ихъ ужиномъ. Тутъ вы-
нимаютъ прощальный ковшъ пива домашнего, и расхо-
дятся по избамъ весело.

Олашка. Не вслѣдъ вспахиваніе полей извѣстно подъ однимъ
именемъ запашки. Мѣстами она называется *олашкою*. Не-
достаточные хлѣбопайцы вспахиваютъ поля по очере-
ди: одному мужику помогаютъ другіе, на одной надѣ-
лѣ, а тотъ еще въ свое время, такъ что у трудяю-
щихся мужиковъ, полевыхъ работы идутъ рука объ
руку. — Въ деревнѣ варятъ тогда брагу и пиво, и по
окончаніи работъ, угощаютъ взаимно. При заставѣ
ярового хлѣба, женщины готовятъ начинку и пируш-
ку; по обычаю онѣ пируютъ сами. (*) Въ праздничный

(*) За то, съ окончаніемъ тканья, мужчины обливаютъ жен-
щинъ водою, а иногда купаютъ ихъ въ рѣкѣ, чтобы согнать
съ нихъ дѣнь.

день сходатся поселяне въ деревню, отслушать благодарственную молебень; другіе приносятъ въ паркевъ на освященіе, часть баранины или две пшуды или птицу, особенно чернаго пѣтуха и хлѣбъ. Послѣ молебни берутъ съ собою мисное, оставивъ салбы священнику; варятъ и жарятъ, и приглашаютъ на общий пиръ свѣдѣнника, своихъ родственниковъ, а также сосе-ихъ соудей, чтобы отпраздновать опарку или запашку. Не повсюду въ употребленіи эти празднованія: много совершаютъ запашку безъ угощенья.

Засѣвъ полей производится, болѣе или менѣе, съ священными обрядами. Въ юго-западной части Россіи, священники окропляютъ водою поля, и благословляютъ земледѣльца на посѣвъ. Мужикъ, поившись на рѣю котыку, или торбу съ зерномъ, беретъ горстью зерно и сѣетъ въ одну сторону, сначала, преимущественно тѣмъ зерномъ, которое сохранилось отъ перваго урожая, когда дѣти ходили по домамъ; поздравляя хозяиновъ съ новымъ годомъ и посыпая зерномъ. Малороссыяنینъ говорятъ при посѣвѣ: *ради Боже и осени!* *лчмень и гречку, хоть всего по тарашницѣ; ради Воже лхъ и женолю; на всѣхъ християнскій миръ.*

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи мужикъ засѣваетъ первоначально ржаной-просварюю, той самой, которую онъ получалъ въ день Благовѣщенія.

Посѣвъ называется въ Литвѣ, Бѣлароссіи и Малороссіи, *засѣвками*; въ западно-сѣверной Россіи *засѣвками* и *посѣвками*; въ восточной части, *засѣвъ*. Послѣдній день сѣянія, называется *досѣвки*; въ Малороссіи *досѣвки*. Вездѣ окончаніе посѣва, есть радостный день для хлѣбопашца, и потому въ иныхъ мѣстахъ бываютъ угощенія. — Нарочно варятъ пиво и закалываютъ свинью, если это бываетъ яровой посѣвъ, или пекутъ калачи и пироги, если озимовый.

Во многихъ мѣстахъ сѣвера-восточной Россіи, существуютъ пощивочныя предрассудки. По отелуженіи молебня, подъ открытымъ небомъ, прикладскій священникъ читаетъ заклинательныя молитвы, изгоняетъ лютыхъ духовъ и потомъ благославляетъ поселянъ. Между тѣмъ одна здаровая и крѣпкая баба, и непременно должна быть баба, пощѣловать крестъ, схватившихъ священника: поперегъ, во всеѣ его облаченіи, и перебрасывать черезъ себя три раза; потомъ а простодушны принимаютъ катать его по нивѣ, не смотря ни на грязь, ни на жучки. Если бы священникъ воспротивился такому обряду, то мужики замѣчаютъ ему съ неудовольствиемъ: говоря: ты батюшка, вѣрно не желаешь намъ добра; не хочешь, чтобы у насъ былъ хлѣбъ; а ты же, маинъ отецъ, кормишься нашимъ хлѣбомъ. — Священникъ повозможно долженъ покориться невѣжественному предрассудку. — Хорошо, если нива сухая. По совершеніи обряда, толпой отправляются домой, угощаютъ священника совѣтъ его причетомъ; и всѣхъ своихъ сосѣдей. Если пиръ проходитъ безъ всякихъ раздоровъ, то предзнаменованіе благопріятное. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершаютъ еще такъ: когда довольно взойдетъ хлѣбъ, тогда народъ проситъ священника отслужить молебенъ въ полѣ. Потомъ угощаютъ его обѣдомъ; послѣ обѣда женщины катаютъ священника съ причетомъ, по зеленому хлѣбу.

VI.

КУКУШКА.

Вѣрованіе въ таинственные голоса животныхъ, изъ ^{древнее} ^{аэроа-} ^{ніе въ} ^{голоса} ^{живот-} ^{ныхъ.} коихъ выводили предзнаменованія для жизни настоящей и будущей, существовало на востокѣ съ незапамятныхъ временъ, и нѣтъ сомнѣній, что отсюда оно распростра-
нилось по Греціи, особенно оно господствовало въ вы-
сшей степени у Римлянъ, среди ихъ жрецовъ и птице-
годателей, которые нерѣдко останавливали важныя го-
сударственныя дѣла, если священная птица, во время
гаданій, кричала голосомъ неблагопріятнымъ. Въ числѣ
таковыхъ извѣстна была Римлянамъ *кукушка*. (*cuculus*). — Ея названіе сходно со многими иностранны-
ми словами: у Индѣйцевъ она называлась *кокила*, у
Грековъ *кукосъ*, у Англичанъ и Французовъ *куку*, у
Нѣмцевъ *кукукъ*, у Литовцевъ *кукулка* и *зогула*, у Поля-
ковъ *кукулка*, у Чеховъ *кукачка*, *жежугулка*, у Мало-
россіянъ *зогула*, въ Россіи *кукушка*.

Въ древней части свѣта и во всѣхъ странахъ Евро-
пы, кукушкѣ приписывалось предвѣщательное свойст-
во. Если она прокричала куку надъ домомъ, то ду-
мали, и теперь думаютъ, что кукушка предсказываетъ
смерть кому либо изъ домашнихъ. Вышій голосъ ея

наводилъ страшное уныніе на весь домъ. (°) Если кто услышитъ ее въ первый разъ, имѣя при себѣ деньги, тому быть богатымъ. Услышитъ ли дѣвушка, имѣя при себѣ деньги, быть ей за мужемъ за богатымъ. Поселянинъ, начинающій въ перыиѣ разъ свою работу при куканіи, увѣренъ, что его трудъ не останется безъ вознагражденія. — Донынѣ господствуетъ мнѣніе, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, что когда кукуетъ кукушка, надобно предлагать ей вопросы о долготѣи своей жизни, и сколько разъ она прокричитъ, столько лѣтъ жить на свѣтѣ. — Случалось слышать, что самые старики, стоящіе одной ногою во гробѣ, спрашивали у кукушки: кукушка, кукушка! скажи: сколько

(°) Къ числу вдовствующихъ птицъ принадлежатъ: ворона, грачъ, сивачъ, сова, филинъ, пугачъ и сорока. Названіе вдовствующей птицы получило изъ дикій и прозаическійихъ криковъ, напр. пугачъ или лѣсной филинъ воютъ среди глухой ночи голосомъ отдаленнаго человека, зовущаго къ себѣ на помощь или кричаго ребенка, иногда же хохочутъ, стовутъ и ржутъ. Суевѣры носятъ при себѣ когти филина, чтобы отбратить отъ себя зло. Если ворона или другая такая птаха набудетъ изъ вдовствующихъ птицъ, прокричитъ на кровлѣ, то быть въ домѣ покойнику...

Въ Москвѣ сохранилось поварье о сорокѣ, будтобы предавшей боярыня Кучку. Известно, что Москва основана на мѣстѣ убійства Кучки, и когда онъ, желая избѣгнуть своихъ убійцъ, спрятался подъ бѣлиныи кустомъ, тогда сорока своимъ свистомъ указала несчастнаго Кучку, который умирая проклялъ ее. Отсюда, родилось изреченіе, что сороки изгнаны навсегда изъ Москвы. —

Разсказываютъ еще, что Марія Мишенинъ, жена самозванца Дмитрія, была вѣдьма, и когда убили ее мужа, тогда она перекинулась въ сороку и вылетѣла въ окно изъ своего терема. За это были прокляты всѣ сороки. — Охотники до варьваній утверждаютъ еще, что она проклята однимъ волшебнымъ старцемъ за то, что одна сорока унесла послѣдній кусокъ его сыра...

лѣтъ мнѣ жить на свѣтѣ? — Она бывало прокричитъ разъ сорокъ; старики радуются и разсказываютъ объ этомъ встрѣчному и поперечному. — И кто не хочетъ жить! Но оказывалось, и весьма часто, что пророчество кукушки было недѣльное, какъ ворожеевъ: старики не переживали поклода. Молодые дѣвушки, и все неопытное, любятъ спрашивать у кукушени. Случалось, что на вопросъ о ихъ долготѣи, кукушка прокричитъ разъ пять или два раза. Сколько тогда горестей отъ ея зловѣщаго голоса! — Но молодые, на перекоръ вѣщанію, жилали до глубокой старости. — Въ Малоросіи дѣвушки, услышавъ кукушку, останавливаются съ трепетнымъ волненіемъ и спрашиваютъ: зозуля, зозуля! скажи: чи багачко осталось мени жити? Зозуля молчитъ; она вновь притворяетъ вопросъ; зозуля не отвѣчаетъ; она сердится, но спрашиваютъ, и вдругъ она какъ нарочно, прокукуетъ одинъ разъ; тогда разсерженные бросаютъ на нее землю, сгоняютъ съ дерева, говоря: бреше зозуля! — Когда лѣстятъ намъ, тогда мы вѣримъ и самой лжи. — Въ народѣ осталась пѣснь на кукушку:

Прилипла зозуленька,
Зъ темнаго лисочку;
Сила, пала, ваковала,
У зеленымъ садочку.
Ой, якъ вышла Дулячка,
Въ ней запытала:
Скажи мени, зозуленько,
Чи довго буду въ батька?
Будешъ, мила Дулячко,
Весь день до вечера,
Бодай же ты, зозуленько,
Симъ лѣтъ на ковада.

Що ты жети, молодешкой,
Правды не сказала. — (')

Во многихъ малороссійскихъ думахъ и пѣсняхъ, отразился пророческій голосъ кукушки; на примѣръ въ думѣ о гетьманѣ Наливайкѣ, по возстаніи его противу Польши (въ 1596 г.) (**).

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала.
Що вона кувала, про межъ святыхъ чувала,
Що вона кувала, тому й бути статъ.

Въ думѣ: походъ на Поляковъ, за смерть Павлиюка, (1639 г.);

Закриче воронъ, стеномъ летючи;
Завлаче зозуля, лугомъ скачучи;
Закуркуютъ кречеты сны,
Да все усе по своихъ братахъ;
Загадаются орлики сны,
Да все усе по своихъ братахъ,
По буйныхъ товарищахъ козакахъ!

Мандри-
ки и за-
вваляе
вѣяковъ.

Въ Малороссіи существуетъ повѣрье, что если кричитъ кукушка, послѣ дней Петра и Павла, то это значитъ, что не будетъ изобилія въ хлѣбѣ. — Въ день св. Апост. Петра и Павла пекутъ изъ творогу, на маслѣ и яйцахъ, круглые небольшіе сырники, которые называются мандриками, и ѣдятъ ихъ, въ томъ вѣро-

(*) Сахар. Сказ. Русск. нар. изд. 1841 г. т. I см. малороссійскія пѣсни, подъ статью Троицкія с. 272, причислилъ ее къ троицкимъ пѣснямъ. — Ее поютъ во всякое время, и она сочинена на счетъ гадающихъ, особенно, когда дѣлають загадки кукушкѣ.

(**) Максим. Украин нар. пѣсни с 24—28, изд. Моск. 1834 г.

ваніи, что кукушка не будетъ кричать болѣе. Если послѣ этого времени кукушка кричитъ, то она кукуетъ уже такъ, какъ будто бы чѣмъ нибудь подавилась, почему и говорятъ: зозуля подавилась мандрикою. У Нѣмцевъ такъ же есть повѣрье, что если кукушка перестала кричать, послѣ Иванова дня (іюня 24); то навѣрно будетъ голодъ въ томъ году. — (*)

Въ орловской губерніи на праздникъ Петра и Павла, дѣвицы и молодые мушны ходятъ въ лѣсъ завивать вѣнки. Съ собою берутъ яйца варенныя, пироги и короваи: печеные на яйцахъ, маслѣ и молокѣ; угощаютъ другъ друга. При плетеніи вѣнковъ поютъ хорошеводныя пѣсни. Боятся заходить далеко въ лѣсъ, вѣря, что русалки скрытно качаются на зеленыхъ вѣтвяхъ, нападаютъ на людей и зашекочиваютъ ихъ до смерти.

Во многихъ мѣстахъ совершается поселянами крещеніе кукушекъ, въ третье, иногда въ пятое, шестое или седьмое воскресенье по Пасхѣ, а болѣе въ день женъ мирносецъ. — Женщины идутъ въ лѣсъ. выбираютъ тамъ двѣ молодыя кудрявыя березки, и нагнувъ ихъ, переплетаютъ вѣтвями; потомъ связываютъ платками и полотенцами, образуя изъ нихъ вѣнокъ, къ коему привѣшиваютъ два креста. Двѣ женщины, желающія жить въ дружбѣ, или какъ онѣ говорятъ: покумиться, ходя вокругъ вѣнка въ разныхъ направленіяхъ, цѣлуются крестообразно, три раза сквозь вѣнокъ. Прочія женщины поютъ между тѣмъ:

Ты кукушка ряба,
Ты кому же кума?

Крещеніе кукушекъ и кумовство.

(*) Объ этомъ я слыхалъ, когда я былъ въ Вильнѣ. Прогуливаясь по саду съ однимъ Нѣмцемъ, я услышалъ кукушку. Нѣмецъ немедленно заговорилъ со мною, что она крикъ въ это время, предвѣщаетъ неурожай.

Цокумимся кумушка,
 Цокумимся голубушка:
 Чтобъ намъ съ тобою не браниться.

За тѣмъ онѣ мѣняются крестами, именуется съ того времени кумушками и живутъ между собою въ дружбѣ. — Послѣ готовятъ женщины яишницу, пируютъ и пляшутъ подъ плясовые пѣсни. — Въ орловской губ. кумятся и мушины. Кумы, надѣвъ крестикъ на траву кукушку, кладутъ ее на разостланный платокъ, садятся вокругъ, мѣняются крестами и вступаютъ въ кумовство. Потомъ ѣдятъ яишницу. (*)

Въ Литвѣ, на третій день Свѣтлаго Воскресенія, собираются изъ деревни молодыя дѣвушки и мужчины, въ одинъ домъ. Тамъ поютъ сначала разныя пѣсни, и потомъ пляшутъ танецъ *гагули*. Дѣвица особой красоты, управляетъ этимъ танцемъ и называется *гозулюю* (*giegiely*). — Она садится на стулѣ съ завязанными глазами, — прочія дѣлаютъ около ея коло и пляшутъ. Послѣ каждаго круга подходятъ мужчины къ сидящей, и взявъ за руку, поютъ:

Царица кукушка, — куку, куку!

Она отвѣчаетъ:

Я твоя, братецъ, — куку, куку!

Царица, узнавъ голосъ, милый для ея сердца, развязываетъ свои глаза, избираетъ трехъ молодцевъ, и

(*) Броневск. Путеш. отъ Триеста до С. Петербур. 1810 г. ч. 1. и 2.

тамъ дѣлать съ ними; но преимущественно съ тѣми, кто ей ближе къ сердцу. При разставаніи съ ними, она даритъ каждому своей работы по постройкѣ кушану; молодцы дарятъ ее съ своей стороны. Съ этихъ поръ дѣвушка называетъ ихъ братьями, а они ее сестрой. Эта баба, вѣроятно произошла изъ народнаго преданія о сестрѣ и трехъ братьяхъ, которые, подъ начальствомъ неустрашимаго литовскаго князя Кейстута, пали на полѣ битвы противу рыцарей меченосцевъ. Сестра не могла перенести горести; она оставила родителъскій домъ, жила въ лѣсу и рыдала. Верховный литовскій богъ, сжалящійся надъ нею, превратилъ ее въ кукушку. —

Въ Россіи вдова и сирота называются простолюдинами, горемычною кукушкою, горькою кукушкою. Есть даже трава *кукушиски слезы*. (*orchis latifolia*) (*)

Въ народной сказкѣ *дѣвица красавица*, говорится, что она превращена чародѣйкою въ кукушку, по собственному ея желанію, чтобы жить не разлучно съ тремя убитыми на войнѣ ея братьями, которые всякую ночь являлись къ ней, и просили не разставаться съ ними. (**) Въ какомъ видѣ они являлись къ ней? — объ этомъ

(*) Смыслъ словъ 1836 г. №. 16.

(*) Въ вѣнцѣхъ народа сохранились преданія: о превращеніи, предложеніи и означеніи некоторыхъ предметовъ, о которыхъ онъ толкуетъ по своему. Представляема здѣсь нѣсколько образовъ.

Превращеніе Днѣпра, Волги и Двины (западной).

Днѣпръ, Волга и Двина, были прежде людьми: Днѣпръ, — братъ, а Волга и Двина, — сестры. Еще въ дѣтствѣ остались они круглыми сиротами, и не имѣя куска хлѣба, должны были скрывать пропитаніе дневной работою, не по ихъ силамъ. — Когда это было? Очень давно, говорятъ старыя люди, и дѣдѣды наши

ничего не говорить сказка, которая безъ сомнѣннй переслана изъ литовскаго повѣрья. — Самогитскія дѣвицы донынѣ поютъ:

не помять. — Выросли братья и сестры, а платья имъ одежать, какъ нять. — Каждый день, съ утра до вечера, все работа да работа и все изъ дневнаго пропитанія. Одежда у нихъ была, какую Богъ послалъ! Найдуть лоскутъ въ сору, и тамъ прикроютъ свое тѣло. Натерѣлись бѣдные холоду и голоду; надоело имъ житье, хуже горькой радьки! Одинъ разъ, послѣ трудной работы въ полѣ, сѣли они подъ кустъ, доедать послѣдній хлѣба кустъ; съѣвши его: доцлакали, потужили, думали и придумывали, какъ бы имъ прожить свой вѣкъ, и имѣть свой хлѣбъ; какъ бы имѣть одежду, и ничего не работая, кормить и поить другихъ. Вотъ придумали: отправиться по блуду свѣту искать тадану, а отъ людей привѣту; искать и отыскивать лучшихъ мѣстъ, гдѣ бы имъ можно течь большими рукави, — а это было тогда вещь возможная. Ходили они, ходили; не голъ, не два, а безъ малого три; и выбрали они мѣста и сговорились: кому гдѣ начать свое теченіе. Вся трое приословились: нечезать въ болотъ, но сестры были хитрее брата. Едва Дзвиръ уснулъ, онѣ встали потихоньку, заняли самыя лучшія и отлогія мѣста, и потекли. Проснулся по утру братъ, смотритъ и сладъ простылъ сестеръ! Разсердился онъ и побѣждалъ догонять ихъ; но на дорѣгу одумался, разсудивъ, что человекъ не можетъ бѣжать быстрее рѣки, ударился объ землю, и полился догонять рѣкою: по рвамъ, по буеракамъ, и чѣмъ бѣжалъ дальше, тѣмъ злился больше. — Не добывавъ за нѣсколько верстъ до моря, гнѣвъ его утихъ, и потомъ скрылся въ море; а дѣвъ его сестры, бѣжавшія отъ него во время его погони, разбѣжались по разнымъ странамъ, и ушли на дно моря. — Когда Дзвиръ бѣжалъ сердито, тогда онъ изрылъ крутые берега: отъ того онъ въ теченіи быстрее, чѣмъ Волга и Двина; отъ того онъ имѣетъ много рукавовъ и пороговъ.

Происхожденіе горъ.

Въ началѣ свѣта благоволилъ Богъ выдвинуть землю! Онъ позвалъ чорта, велѣлъ ему вырнуть въ бездну воданную, чтобъ бы достать оттуда горсть земли и принесть Ему. Известно, что

Сестрица дорогая,
Кукушка пестрая,

Чортъ всегда идетъ противу Бога.—Ладно, думаетъ себя сатана, я самъ сделаю такую же землю! Онъ вырнулъ, досталъ въ руку земли, и набилъ ею свой ротъ. Онъ принесъ Богу и отдасть, а самъ не произноситъ ни слова, потому что ротъ его былъ набитъ землею. Господь куда не броситъ землю, то она вдругъ является,—такая ровная, ровная! что на одномъ концѣ становишь, то на другомъ все видно, что делается на землѣ. Сатана смотритъ и все смотритъ; хотѣлъ что то сказать и перхнулся. Богъ спросилъ его: чего онъ хочетъ? — Чортъ закашлялся и побѣжалъ отъ испугу. Тогда громъ и молнія поражаютъ бѣгущаго сатану, и онъ, гдѣ приляжетъ, тамъ выдвинется пригорки и горки; гдѣ кашленеть, тамъ вырастетъ гора; гдѣ прискачетъ, тамъ высунется поднебесная гора. И такъ, бѣгая по всей землѣ, онъ изрылъ ее: надѣлалъ пригорокъ, горокъ, горъ и привысокихъ горъ.

Происхожденіе рака.

Ракъ, названное гадкое и прегадное, во первыхъ потому, что онъ есть созданіе чорта, а во вторыхъ, что онъ есть пугуба для земноводныхъ и водяныхъ существъ. По созданіи животныхъ, чорту стало завидно, что онъ ничего не создалъ. Сталъ думать. Онъ долго думалъ и выдумалъ прехитрую вещь, преродившую штуку: правда онъ сделалъ ее, да не зналъ назвать. Вотъ пошелъ онъ къ Богу и говорить: сделалъ я штуку да не знаю, какъ назвать — Отдай мнѣ, сказалъ Господь, я скажу, какъ назвать эту штуку. — Чортъ сталъ думать: чтожъ изъ того, что я сделалъ? я сделалъ, да не умѣю назвать: вотъ штука—то! такъ все равно, эта штука будетъ скитаться по всему свѣту; тамъ люди узнаютъ и скажутъ: эта штука, прехитрая штука, ничего какъ чорта! Подумалъ сатана и отдалъ на волю Господа Всемогущаго.—Богъ сказалъ: пусть эта штука будетъ ракъ, и бросилъ его въ воду въ омутъ. Чортъ бросился туда и кричалъ отъ радости: ракъ! ракъ! — Отъ того говорятъ доселѣ, гдѣ раки зимуютъ, тамъ чорти въ омутѣ, означая этимъ, что такой человѣкъ знаетъ все мѣста,

Ты кормишь
Братникъ коней;

что такой человекъ пройдоха, — Хитрецъ, хоть ничкомъ да ползкомъ, но доберется своего, — ракомъ.

Вся старообрядцы ни за что въ свѣтъ не станутъ ѣсть ракомъ. почитаю ихъ созданиємъ дьявольскимъ,

Черемуха, дятлина и медяница, запрещенныя для пчелъ.

Когда Богъ создалъ свѣтъ и человекъ не грѣшилъ еще, тогда Господь удостоивалъ своего лицеарвнѣя и разговора, каждое твореніе рукъ своихъ. Изъ всѣхъ созданий. Онъ любилъ пчелу. Испытавъ ее неутомимое трудолюбіе, Онъ хотѣлъ испытать варность ея, поэтому послалъ ее перечесть всѣ цвѣты, которые разсыпалъ Господь по землѣ, и хотѣлъ знать: которыя изъ цвѣтовъ годны для меда, а которыя для воска? — Пчела полетѣла по всей землѣ и перечла цвѣты, и очень обрадовалась, когда увидѣла въ первый разъ черемуху, дятлину и медяницу. — Коварная мысль скрыть ихъ отъ Бога, въ ту же минуту бросилась въ ея голову. Про эти три цвѣтка, думала она, я не скажу Богу, потому что если Онъ зачнетъ отнять у меня, всѣ другіе цвѣты, то будетъ довольно съ меня и моихъ товарищей, вѣтъ трехъ; у нихъ больше всего меду и воску. Вздумавъ такъ, она возвратилась предъ Бога, стала пересчитывать цвѣты, а объ черемухѣ, дятлинѣ и медяницѣ, не сказала ни слова. Но Богъ спросилъ: всѣ ли ты пересчитала цвѣты? — Възъ, Господи, отвѣтила она — Если всѣ, то итакоже ины, и онабшии люди медомъ, но до тѣхъ, которые ты утаила, не смѣю допротѣсать. — Если возьмешь медъ съ черемухи, то просидишь 12 дней слѣпою; если возьмешь съ дятлины, то ни сама не напишешь, ни въ улей не приносишь: ни меду, ни воску; если возьмешь съ медяницы, то сей же часъ умрешь. — Отъ этого пчелы не берутъ меду ни съ черемухи, ни съ дятлины, ни съ медяницы.

Смерть пчелы за ея вѣстность.

Когда человекъ потревожилъ, еще въ первый разъ, жилище пчелъ, отнявши у нихъ меду и соты; тогда пчелы такъ разсердились на человека, что повѣтили въ Богу. — Господи! ска-

Ты мотаешь,
Нити шелковые.

Этот ошъ, человекъ обижаетъ насъ: онъ отнимаетъ у насъ въ одинъ часъ все то, что мы собираемъ такое лето съ великимъ трудомъ, Ты, Господи, дай намъ жало, а мы да оныхъ поръ не делаемъ: на что употребить его! Позволя намъ ужаливать людей — Господь позволилъ имъ только защищаться отъ людей, своимъ жаломъ. — Въ наступившее лѣто, человекъ снова обидѣлъ пчелъ, не смотря на то, что онъ и кусалъ и жалилъ его, — Пчелы опять полетѣли къ Богу съ просьбою. Мы кушаемъ человека, говорили пчелы, но онъ весь вытанцалъ лишь медъ. Правда, тѣло его распухло отъ нашего ужаливанія, поэтому мы думаемъ, что жало наше стало быть лютѣе: пусть родъ нашъ такъ ужаливаетъ, чтобы человекъ умиралъ отъ жала нашего. — Вы очень злы, сказали имъ Господи, и въ наказание за вашу злобу, умирайте сами, когда ужалили человека или другое какое либо животное. — Съ тѣхъ поръ пчела, ужаливши человека, умираетъ сама. —

Птичка, сильно просящая пить.

Есть птичка, которая летая въ сухое время повсюду, жалко чиркаетъ и кричитъ: пиии, пить, и вымаливаетъ, чтобы дали ей пить. Люди рассказываютъ о ней съ собогизованіемъ. Когда Богъ создалъ землю и задумалъ наполнить ее морями, озерами и рѣками; тогда Онъ повелѣлъ итти сильному дождю; послѣ дождя собралъ всѣхъ птицъ и призвалъ ихъ помогать Ему въ трудахъ: чтобы онъ восполни воду, въ назначенныя имъ мѣста. — Вся птица повиновалась Богу, а эта несчастная, — мать; она сказала Богу: мнѣ не нужны ни озера, ни рѣки, а и на камушки, чапаюсь. — Господь разгнѣвался на нее, и запретилъ ей и ея потомству, даже приближаться къ озеру, рѣкѣ и ручейку, а позволялъ утолять жажду только той водою, которая после дождя, остается на шероховатыхъ мѣстахъ и между камнями. — Съ тѣхъ поръ бѣдная птичка безпрестанно надоедаетъ людямъ, жалобно проситъ пить, пить!

Скажи кукушка:

Скоро ль мнѣ за мужъ?

Колосъ прежній и тотъ, что нынѣшній.

Въ старину, а какъ давно, никто не помнитъ, рожь была не такая, какъ въ наши годы: съ корня одна солома, а на самой макушкѣ колосокъ, а тогда отъ корня до самого верху, былъ колосъ, да наливный колосъ, что твое яблочко наливное! Отъ чего рожь такъ наиѣнилась? — Отъ того, что у бабъ колосъ дологъ, да умъ коротокъ; отъ того, что народъ сталъ грабить съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе. — Одинъ разъ бабы, собравшись толпою, пошли жать рожь после дождя, а она еще не просохла после Божьяго дождя: она была полна воды и зеренъ, частыхъ зеренъ, какъ часты звезды. Бабамъ тяжело показалось жать; онѣ, чтобы помочь своему горю, стали бранить рожь на перерывъ. Одна говорила: чтобъ ты пропала, окаянная! другая: чтобъ тебѣ ни востоду, ни умолоту! третья: чтобъ тебя промлатую сдернуло съ низу до верху! — Последняя брань понравилась всѣмъ бабамъ, и онѣ въ одинъ голосъ закричали: чтобъ тебя проклатую сдернуло снизу до верху! — А Господь Богъ вездасущій, разгнѣванный ихъ ропотомъ, забралъ колосыя и началъ истреблять по одному. — Бабы стоять да смотреть. — Когда осталось Богу выдернуть послѣдній колосъ, нашъ колосъ сухощавый и щедушный; тогда собачи стали просить, чтобы Господь оставилъ на ихъ долю, скольконибудь колоса. Господь сжалился надъ ними, и оставилъ имъ колосъ, какой видимъ нынѣ.

Происхожденіе одежды.

До согрѣшенія Адама и Евы, они ходили нагими; не чувствовали ни зною, ни холоду и не знали стыда, потому что были праведные; тѣло ихъ, вмѣсто одежды, было покрыто бѣлою какъ эмаль, и мягкою какъ пухъ кожею, называемой чешуею. Но когда они согрѣшили, тогда Господь покрылъ ихъ стыдомъ, — обнажилъ ихъ, и въ воспоминаніе того, чѣмъ тѣло было покрыто, оставилъ на пальцахъ рукъ и ногъ, по маленькому значку, называемому нами ногтямъ, и съ тѣхъ поръ людямъ стала одежда необходимая.

Сколько прокукуетъ кукушка, чрезъ столько времени должно исполниться желаніе дѣвушки. (*)—Изъ всѣхъ этихъ преданій видно, что кукушка у иныхъ представлялась предвѣстательницею, у другихъ несчастною дѣвушкой или горемычною сиротою.

Въ Норвегіи празднуется *кукушкинъ день*, но у насъ на Руси не было кукушкина праздника. Безъ сомнѣнія, вѣрованіе въ голосъ кукушки, господствовало у насъ съ весьма давняго времени; однако оно никогда не было предметомъ поклоненія.

Въ народѣ есть повѣрье, что у кукушки нѣтъ самца, но его замѣняетъ ястребъ; что она кладетъ яйца въ чужія гнѣзда.—Жалобный голосъ ея, возвыщаетъ ее страданіе. Будтобы, во время Воскресенія Спасителя, когда всѣ птицы пробудились и прославляли возставшаго изъ мертвыхъ: одна кукушка опоздала, и теперь въ наказаніе, должна страдать и влечить жизнь одинокую. — Думаютъ, что кукушку можно словить безъ всякихъ хитростей: стоитъ только, когда она кукуетъ на деревѣ, опоясать его поясомъ, и тогда она нигде не улетитъ.

(*) Сынъ отеч. 1836 г. № 16.
Часть V.

VII.

КУПАЛО.

Поклоненіе огню и водѣ, очищеніе огнемъ и водою, <sup>Почита-
ніе огня
и воды.</sup> возжиганіе огня и перескакиваніе чрезъ нихъ, все это употреблялось въ глубокой древности на востокѣ у всѣхъ народовъ.

Индѣйцы поклонялись огню и водѣ, но Персы особенно чествовали огонь. Гвебры, доселѣ слѣдующіе ученію Зороастра, видятъ въ огонь бога или духа повсюднаго. Греки и Римляне, держали во храмахъ очистительные огни. Во храмѣ богини Весты, безпрестанно горѣлъ предъ ея истуканомъ неугасимый огонь, который былъ столь священъ, что если онъ нечаянно погасался; то Весталку погребали живою въ землю. На праздникахъ Цереры, Палесы или Весты, и Палии, скакали чрезъ зажженные огни, для очищенія себя отъ грѣховъ. Овидій говоритъ, что не только поселяне, но и скотъ перепрыгивалъ чрезъ огонь три раза, и окроплялся омоченою въ водѣ лавровой вѣтвію. Татары переводили свои стада чрезъ огонь. Представлявшіеся хану обязаны были прежде пройти чрезъ огонь, и потомъ поклониться тумирамъ. Подарки, какіе приносилась ему, очищались огнемъ. Князь черниговскій Милантъ, когда прибылъ въ станъ къ Моголамъ (1246 г.), не хотѣлъ вступить въ шатеръ

Батыевъ, чрезъ разложенные огни. Тогда волхвы и блюстители суевѣрныхъ обычаевъ, требовали, чтобы онъ шелъ чрезъ разложенный предъ ставкою огонь, и поклонился священному кусту, огню и кумирамъ. Онъ отринувъ ихъ требованіе, сказалъ: «христiанинцъ не служить ни огню, ни глухимъ идоламъ.» Ему объявили гнѣвъ Батыя, и что онъ долженъ повиноваться, или умереть. «Да будетъ такъ» отвѣчалъ князь. «Возьмите славу міра, хочу небесной.» Убійцы бросились на него по данному знаку и мучили; наконецъ одинъ изъ нихъ отсѣкъ ему голову. (*)

Общее
употреб-
леніе ог-
ня.

У Нѣмцевъ долгое время существовалъ древній обычай переходить черезъ ивановскій огонь, и переводить черезъ него свои стада. Оставшіеся угли, клали въ хлѣвъ и стойла, для предохраненія скота отъ всякой заразы; золу бросали на поля и огороды, для истребленія вредныхъ насѣкомыхъ.

Ивановскіе огни въ употребленіи почти во всей Германіи, Россіи, Польши, Богеміи, Моравіи, Далмаціи и другихъ славянскихъ странахъ. Это остатокъ древняго языческаго обыкновенія, но навѣрное нельзя сказать, кто изъ нихъ отъ кого позаимствовалъ.

Скаканіе имѣетъ свое особое знаменованіе. У иныхъ оно означаетъ освобожденіе отъ колдовства и болѣзней; у другихъ, когда высоко скачутъ, предзнаменуетъ изобиліе льна и долгую жизнь. Скакали еще черезъ огонь на лошади, или бросали въ пылавшій костеръ лошадиную голову, чтобы воспретить появленію колдуновъ. (**)

(*) Кар. Н. Г. Р. т. IV. с. 33-35. прим. 41. изд. 1817 г.

(**) Ueber die alten Slaven, т. I. с. 86.; Ant. Tkany; Mythol. II. с. 43.; Kollar. Národn. Zpiew. ч. I. с. 426-427., ed. Budn. 1834 г.

Варроу, (*) пишетъ, что поселяне, натаскавъ кучу сѣна и соломы, зажигали и скакали для очищенія себя. Квинтилианъ Цицеронъ, въ письмахъ къ своему брату, знаменитому Марку Туллію Цицерону, говоритъ, что Бритты праздновали лѣтнее солнцестояніе, подъ именемъ *Гранія*, бога солнца. На камуфъ солнцестоянія, они раскладывали огни по горамъ и холмамъ. Женщины, дѣти и стада животныхъ, перепрыгивали черезъ огонь въ честь божеству. Толпа народа хранила таинственно-глубокое молчаніе, пока не показывалось солнце на небосклонѣ. И едва оно появлялось, тотчасъ приветствовали его радостными восклицаніями. (**)

Многіе идолопоклонническіе обряды, смѣшавшись въ Европѣ съ христіанскими, отражали долгое время суетныя празднованія. Надобно было великихъ усилий, чтобы измѣнить ихъ, но это не могло послѣдовать прежде смягченія нравовъ. Не ранѣе XVI в., когда просвѣщеніе восторжествовало надъ грубостію нравовъ, начали примѣтно отставать отъ языческихъ праздниковъ, но все они остались въ воспоминаніи.

Почти во всей Европѣ празднуется Иванъ Купало, и онъ совпадаетъ съ лѣтнимъ солнцестояніемъ. Въ средней Германіи это время называется переходомъ солнца (*Sungihite*). Ивановымъ днемъ (*Иваннѣг*), Ивановымъ огнемъ (*Иоханнѣfeuer*), въ Саксоніи поворотомъ солнца (*Sonnen-wende*). въ Даніи и Англіи пол-лѣтнею ночью (*midsummersnat*, *midsummerseve* и *midsummersniht*) и праздникъ св. Ивана (*Sanct Hans Aften*); въ Италіи Сабатина (*sabatina*). Въ Силезіи, Богеміи и Польши

(*) Opera Varronis., ed. Bipon. 1788 г. in 8

(**) Guthrie: Disserti Sur les antiquités de Russie, c. 75. ed. S.-Peterb. 1795 г.

собошми и *собоутки*. Нѣкоторые производятъ это слово отъ *собица*, пособлять, а другіе отъ бога *Собоши*. Въ Силезіи былъ много *Собиши*, который стоялъ на горѣ *Собишино*. У венгерскихъ Словаковъ: *святотоянскій огонь*, *святко*, *святло*, *святнокъ* и *субатка*. *Ваянко*, *валуно* у Словаковъ, значить чинъ большой огонь. Если Словани видятъ большой огонь въ кучѣ, то онъ обыкновенно говоритъ *бо кладѣтъ такоо вајанно?* Къ чему разводили такой большой огонь?—Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ писателей выводили ивановскій огонь, отъ сожженія Іоанна Гусса, знаменитаго богемскаго обвинителя напеченныхъ злоупотребленій, и что будтобы Чехи и Моравы, вслѣдъ за ними всѣ прочіе Славяне, установили годичное торжественное поминованіе по его смерти. (*) У Сербовъ и Иллирійцевъ, *Иванъ*. У Сербовъ господствуетъ мнѣніе, что въ Ивановъ день солнце останавливается три раза на своемъ теченіи. Тутъ зажигаютъ еще факелы и бересту, и обходятъ съ ними хлѣва и пастбища; потомъ идутъ на горы, и сожигаютъ при пляскахъ факелы и бересту. Истрійскіе Славяне кормятъ чурбанъ хлѣбомъ, потомъ бросаютъ его въ огонь. Сербы, въ Ивановъ день, вѣшаютъ еще вѣнки на кровляхъ, домахъ и хлѣвахъ, для удаленія злыхъ духовъ. У Кротовъ и Краинцевъ называется Ивановъ огонь *кресъ*,—отъ слова кресать (доставать огонь чрезъ кремень); въ Усмокѣ у Далматовъ *колада*. (**).

(*) Іоаннъ Гуссъ сожженъ на Констанскомъ полѣ, 1415 г. іюля 6., между тѣмъ богемскій ученый, Гаскъ, говоритъ въ своемъ сочиненіи 1383 г. объ ивановскомъ огнѣ за нѣсколько лѣтъ до смерти Гусса. Онъ замѣчаетъ еще, что въ его время жгли въ Прагѣ святоянскіе огни.

(**) *Kollar Narod. Zpiew.* ч. I. с. 425-429.; *Pauli* : — *Pieśn. ludu polsk. w Galicyi*, с. 19-25, *Lw.* 1838 г.; *Goleb: Lud. polsk.*

У наших предков совершалось большое празднество въ честь Ивана Купала, какъ бывъ въ воспоминаііе неугасимаго огня. Остатки этого древняго обряда, до нынѣ соблюдаются у простаго народа на всей Россіи, особенно въ Малороссіи; и всегда приходится іюня 23 предъ Рождествомъ Іоанна Предтечи (24 іюня). Въ западно-южной Россіи онъ называется Иваномъ; а въ сѣверо-восточной, предъ именемъ мученицы Аграфены (23 іюня), Аграфены купальницы.

Откуда же перешелъ Купало въ Россію? На это нельзя отвѣчать утвердительно, но можно сказать, что это восточныхъ народовъ празднованію, имѣнное въ-ками въ разные названія и обряды. Намъ извѣстно, что еще съ VII в. по Р. X, строго воспрещалось раскладывать огни, скакать чрезъ нихъ и отправлять разные забавы, которыя совершались всякій разъ при рожденіи новаго мѣсяца. (*) Но въ Россіи никогда не было бога Купала, какъ нѣкоторые считаютъ его богомъ земныхъ плодовъ. (**) Въ писаніяхъ XVII в. мы

(*) Maciejow. Pamiętn. o dziejach plem. i prawod. Słow. ed. 1899. ч II. д. 83 — Нѣкоторые изъ писателей видятъ въ Купалѣ индійское божество. — Dubois. Moeurs constitutions et cérémonies des peuples de l'Inde, t. I. и 2. Par. ed. 1815 г.

(**) Такое же ошибочное мнѣніе имѣлъ Гизель въ сочин. Синодическа, ему послѣдовалъ св. Дмитрій Ростовскій, см. его четвѣмъ мнѣнію, и другихъ писателей славянской минеологии. — Въ наше время появилось странное мнѣнію о происхожденіи Купала, а именно г. Сабинина, см. журн. мин. нар. просв. на 1861 г. ч. XXXI. с. 21. Онъ говоритъ, что религія въ древней Россіи была славянская, а не олавянская; что Купало есть славянскій Бальдоръ, основываясь на томъ, сами народы, что Бальдоръ, бѣгъ-сожженъ на кораблѣ, уналъ въ воду, а потомъ чрезъ нѣсколько времени вышелъ Купаломъ изъ моря. — Вся статья Сабинина предположена невѣроятными выводами,

встрѣчаемъ имя Куваза. У Карпато-Россей и Литовцевъ, воютъ въ Ивановъ день пѣсни въ честь Ладо; украшаютъ сари ручки цѣпями и древесными вѣтвями; собираютъ травы, почитаемыя предохранительными отъ всякихъ болѣзней. Старо-Пруссъ или Борусы и Старо-Литовцы, зажигали предъ Ивановымъ днемъ огни: водъ липами, въ честь Лито, бога весны и посѣія. Во всю ночь шѣли и плясали, съ припѣвомъ: *лиго, лиго!* (*)

которые отчетливо разобраны Н. В. Савельевымъ-Ростиславичемъ, см. Славян. сборн. с. CXIV—CZII.

(*) Свєгнр Русск. прост. правд. и пр., выпускъ IV, стр. 27.; v. Rhesa: *Preußische Volkslieder*, ed. Königsb. 1809 г. Во многихъ русскихъ простонародныхъ пѣсняхъ, сохранились припѣвы: *Ой дядь-ладо, деди и люи*. Некоторые польскіе писатели, считая Ладо за ослепленное божество, приписали на счетъ близнецовъ Деди и Полеми. Нѣтъ никакихъ историческихъ памятниковъ, которые бы свидѣтельствовали действительность этихъ боговъ-близнецовъ. Припѣвы: *деди, поледи, делюя, делю и лело*, употребляемыя до нынѣ въ пѣсняхъ галиційскихъ, польскихъ и венгерскихъ Славянъ, Сербовъ и проч., не доказываютъ еще существованія боговъ: Ладо, Деди и Поледи. Они, какъ русскіе припѣвы: *ой дядь-ладо, ой люи, люи*, суть ничто иное, какъ общепринятая для обрядныхъ и хоропроводныхъ пѣсней окончанія. Въ Польшѣ съ давнихъ временъ употребляли въ пѣсняхъ, сходственное съ *люи, лелюи, леле-люи*.—Польскіе летописцы: Кромєрь, Стрыйковский и Гвашинь, говорятъ, что въ ихъ время, подгулявшіе на веселой бесѣдѣ Поляки, пѣли съ причитаніемъ въ каждому стиху: *лелюи, лелелюи*,—въ воспоминаніе на то на *лелю, ой лелю*. Въ Бѣлорусіи этотъ звѣгласъ обратился, въ концѣ XVI в., въ *лалє, лєлє*, и употреблялся даже при оплакиваніи умершаго. *Галєлє, лєлє! ой прочь-тѣй лєлє умарєлє, Ії за тѣй мамєлє, что єстє, алыбо питє? и прочь-тє умарєлє! Галєлє, лєлє! Ії за тѣй нѣмєлє красє, іє мєлєдєнєцє! Ії прочь-тѣй умарєлє! Ой-лєлє, лєлє!*

Купало всего кажется правильнѣе производить нежно отъ глагола купаться, потому что въ это время повсюду купаются въ рѣкахъ, и самыя пѣсни, напримѣръ малороссійская: купався Иванъ, та въ воду упавъ, или венгерская Славяна:

Яна, Яна, въ сватого Яна,
Купала се свата Ана и пр.

Эти выраженія подтверждаютъ значеніе Купалы. Нѣкоторые, противопоставляютъ этому слову: *куна* (*), *нопа-міе*, отъ копаяя кореньевъ и кладовъ, а наконецъ нѣкоторые ищутъ сходства купы въ индѣйскомъ *купаль*. (**)

Огонь, чрезъ который перескакиваютъ, знаменуетъ Очища-
тельный
огонь. Очищающие или священные огни, ~~на-~~ Очища-
тельный
огонь. зывались у Англо-Саксовъ *podtug*, у Датчанъ *midsum-merstaal*, у древнихъ Нѣмцевъ *anzufug*, *podfeuer* и *pet-feuer*, кои, по ихъ мнѣнію, предохраняли отъ заразы и болѣзней, и возжигались для умилостивленія усопшихъ тѣней. У Финновъ называли коко, т. е. костеръ, зажигаемый ночью среди лѣса, по большой части на горѣ. Въ Эстляндіи и Лифляндіи сохранилось имя вавнонскаго огня. Тамъ поселяне поютъ пѣсни хоромъ, при-

Ой леле, леле! — Для чего ты померъ? не доставало ли тебя чего ѣсть и пить? — Для чего же ты померъ? Ой леле, леле! Не ималъ ли ты прекрасную жену? И ты померъ! Ой леле, леле; ой леле, леле! — Paul Pieśn. lud. polsk. с. 3.; de Russor. et tartar. religione, ritu, etc. съ статьи: Meletii: de relig. et sacrificiis veter. Borussorum, с. 262. ed. 1582 г.

(*) Купа польское и малороссійское значатъ кучу. Поэтому производить Купалу отъ кучи хворосту, зажигаемаго въ то время.

(**) Сметир. Руск. прост. правд. и пр., вып. I. с. 59 и вып. IV, с. 19.

бавляя къ каждой строгѣ: насинке, кашинке. Въ VIII ст. господствовалъ, между турингскими Славянами, Яновъ огонь. На островѣ Мальтѣ рыцари мальтійскаго ордена Іоанниты, ходили вокругъ зажженнаго огня. (*)

Обрядъ
празднованія
Купалы, об-
щій нем-
цу Слав-
янамъ.

Съ древнихъ еще временъ многія юго-западные славянскія племена, праздновали день Купалы, какъ нынѣ. Дѣвицы плели вѣнки изъ дѣтвовъ, возлагали ихъ на головы, и ваявшись за руки, танцовали около огня. У Сербовъ ведется донынѣ ежегодное празднество, Иванье. Тамъ пастухи, на канунъ Иванова дня, жгутъ около хлѣвовъ березовыя и черешневые лыки. Въ сумерки зажигаютъ уже огни и веселятся. Сербскія дѣвушки плетутъ вѣнки изъ ивановской травы, кладутъ ихъ на крыши домовъ и въ стойла, чтобы предохранить скотъ отъ злыхъ духовъ и всякаго чародѣйства. — Нѣкогда купали истукава въ водѣ и обливали его водою. — При плетеніи вѣнковъ поютъ:

Иванено жистъ,
Иванъ я бере, те бере,
Майцы я бере у крыло,
А майка скрила на землю (**).

Въ Польшѣ съ давнихъ временъ употреблялись собутки. Польскій ботаникъ Мартинъ, который описываетъ собутки въ концѣ XVI в., говоритъ, что дѣвушки въ его время не оставляли этотъ языческій обычай: приносили травы въ жертву, дѣлали вѣнки и ими украшали себя. Въ этотъ дьявольскій день, какъ

(*) Снегир. Рус. прост. празд. и пр. выш. IV. с. 26 и 27.

(**) Раячъ: Ист. рус. слав. нар., изд. I. га. XXI мал. Вавское; Pauli: Pieśn. lud. polsk. w Galic, с. 24. ed. Lw. 1837 г.

онъ выражается, разводили огонь, который доставали чрезъ треніе досокъ, чтобы празднество было точно дьявольское, въ коемъ принимали участіе самые демоны. Пѣли сатанинскія пѣсни, скакали, и съ ними скакалъ отъ радости дьяволъ, которому онѣ молились и его восхваляли, а Бога забывали. Въ день св. Іоанна никого не бывало въ церкви, потому что все проводило субботу съ бѣсами со всякимъ безчинствомъ. Женскій полъ, до разведенія огня, ходилъ въ поле искать разныхъ травъ, и собранныя, въ этотъ день травы, имѣли чудесную силу. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ были: Иваногъ, цвѣтъ, лопухъ, богородицкая трава и медвѣжье ухо. Дѣвушки вили изъ нихъ вѣнки, пускали ихъ на воду и гадали по ихъ плаванію. Чей тонуть, той не выйдетъ за мужъ. Другія, сшивъ вѣнки изъ богородицкой травы, святили ихъ въ церкви и хранили у себя круглый годъ. Во время людскихъ болячекъ и скотскаго падежа, пили настои изъ тѣхъ же вѣнковъ. Такой обычай господствовалъ и въ червонной Россіи.

Въ XVI ст. мушкетеры и женщины, холостые и женатые, выходили изъ селенія съ радостными пѣснями; разводили огонь на горѣ или въ рощѣ при рѣкѣ, плясали вокругъ и скакали черезъ него. Дѣвушки часто пѣли гадательныя пѣсни, и замѣчали по разнымъ примѣтамъ: исполнятся ли ихъ сердечныя желанія?

Dwanascie dzlewek,
Jednako ubranych,
Bylyca opasanych,
Spiewac nauczone,
W tańcu nie zganione.

Ogień napalono na dworze,
Ciekano rannej zorze.
Od małek moly,

Ze na dzień ś. Jana,
Sobotka palana. (*)

Нынѣшніе поселяне удержали въ Польшѣ и Галиціи, почти тѣже самыя обыкновенія: тамъ донынѣ еще вѣрятъ, что тотъ, у кого болитъ голова и находился при огнѣ *собутки*,—пройдетъ немедленно головная боль. Богородицкою травой запасаются для того, чтобы во время жатвы не болѣлъ спинный хребетъ. Въ другихъ мѣстахъ въ день св. Іоанна крестителя, выходятъ поселянки до солнечнаго восхода, на лугъ, и растилаютъ по росной травѣ полотняные передники. Принесши ихъ домой, намоченные свято-ивановскою росой, выжимаютъ ее и хранятъ для употребленія. Думаютъ, что умытое лицо этою росой, придаетъ свѣжесть, красоту и прелесть. Ищутъ еще рано по утру двухъ сросшихся во ржѣ колосьевъ.— При танцахъ и другихъ забавахъ поютъ:

Ianie! Ianie! Święty Ianie!
Cóżeś nam przyniósł nowego?
Cóżeś nam przyniósł nowego?
Ianie! Ianie! Święty Ianie!
Przyniosłem ja rosę,
Dziewieckom dla krasy;
Także macierzanki,
Panienkam na wianki.—
Ianie! Ianie! Święty Ianie!

—
Ku Dunajowi, ku głębokiemu;
Oj ku lasowi, ku zieloniemu!
Oj palą, palą sobótkę,
I piją piwo i wódkę.—

(*) Golebow. Gry i zab. c. 293.

Kto na sobótce nie będzie, —
Glowka go boleć wciąż będzie

Чехи раскладывали ивановскіе огни въ собутки, которые называются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *купаломъ* (купаломъ). Они раскладывали не только по полямъ, но и въ городѣ, и нерѣдко приносили въ жертву дѣтей. Дѣвицы собираются теперь, на канунъ дня Іоанна крестителя, на Богушову гору: раскладывают тамъ солому, зажигаютъ ее лучинами и потомъ бѣгаютъ по горѣ: рѣзвятся, скачутъ, поютъ и ѣдятъ свои лакомства. — Приношеніе дѣтей купалъ у Богемцевъ, подтверждается еще старинной пѣсней:

Палиць суды къ тому свиде,
Около огня танцуйце,
Панны младенцумъ купадла давай,
А соседе добро вули мавай. —

Такой же обычай скаканія и въ славянской Венгріи. Пѣсни употребляемыя тамъ при этомъ случаѣ, сходствуютъ во многомъ съ прочими славянскими. Въ Шарискѣ (Saariske stolici) поютъ:

Яна, Яна, на сватого Яна,
Купала се свата Анна! —
Якъ она се выкупала,
Тамъ на Яна заводала:
Яне, Яне, дай ми ручку,
Небъ загинемъ при поточку.

—
Яне, Яне, святы Яне,
Осветнигъ ты висецко зеле:
И майрамъ и фялку,
Ійралтовску красну дынку.

Кто на тоту соботку не придзе,
 До рочка го глава болей будзе.
 Я на тоту соботечку пришла,
 До рочка я бубу фришна (здоровая).—

—

Кладземе мы соботечку,
 За розмарію шопотку.
 Кто на нашу соботку не прійдзе,
 До рока го глава болей будзе.
 Наша соботечка ясна,
 При ней чаладочка красна:
 А Генцовска такá тмава́,
 А при ней челадь плува.

Иногда дѣвушки и парни поютъ попеременно:

Дѣвушки:

Червенны по гаръ гори,
 Съ червеннымі ягодами:
 А кто же го гасиць будзе,
 Кедь тамъ парубки не будзе?

Парни:

Красна дѣвочка го гасна,
 У вѣточкахъ воду ноша;
 Кело въ тымъ вѣточку воды,
 Тело въ дѣвочцѣ цноты. —

Дѣвушки:

Червенны по гаръ гори,
 Съ червеннымі ягодами:
 А кто же го гасиць будзе,
 Кедь тамъ дѣвочскъ не будзе?

Парни:

Красны парубци го гасна,
У покретках воду ноша;
Кело въ тей покретке воды,
Тело въ паробкахъ свободы.

—

Яне, Яне, святы Яне!
Машъ ты гыру на колень,
Кебы се ти розпучила,
Соботку би загасила. —

—

На разтапе, на потоце,
Два голубки воду пію,
Такъ се они догвараю:
Кого они случиць (соединить) маю?
Есть у суседа красна дѣвка,
Треба бы то въ едно случиць.
Буде то се веритъ лубинь,
Веритъ, веритъ, потасинь,
О рокъ, о два, недаринь. —

При собираніи ивановской росы:

Тварь (лице) моя, тварь моя житни ми ружиц-
кой (розами).
Будемъ ти нмывать ту житной росичкой:
Ту житной росичкой, собраной зарана,
Кымъ слице не выйде на святого Ивана
(Пока не взойдетъ солнце на святого Ивана).

—

При рѣзаніи травы въ день св. Ивана:

Жала сомъ травичку, на Яна маичку,
Порезала сомъ са на мою ручинну:
Порезала сомъ са на маички пригтокъ (палецъ).
Хцела сомъ одрезать на шумпаве врштокъ.

Въ Зволенскѣ, горней Леготѣ, поютъ:

Свата Яна наля,
Черти мниховъ хваля. —

Тамъ думаютъ, что когда жгутъ огонь, тогда черти воскаляютъ своихъ доброжелателей-монаховъ. У многихъ южныхъ славянскихъ племенъ владычествуетъ повѣрье, что никто столько не дружится изъ людей съ чертами, какъ монахи. Это повѣрье родилось во время насильственного крещенія Славянъ, католическимъ монашествомъ.—Доминиканцы и лезуиты, вездѣ нетерпимые за низкія ихъ дѣйствія, въ великомъ презрѣніи у Славянъ. — Въ той же странѣ поютъ еще;

О Яна, Яна ваяна!
На прѣстрѣдъ зволена
Есть лѣшка зелена!
О Яна, Яна ваяна!
Дай добры часъ почать,
А лепше докончатъ.
О Яна, Яна ваяна!
О Яно, Янечко,
Зобудь ма ранечко.
О Яна, Яна ваяна!
Рано прѣдъ зорани,
Трома годинами.
О Яна, Яна ваяна!
Кравы подонти;
На пасу выгнати. *
О Яна, Яна ваяна!
На пасу зелену,
На росу студену.
О Яна, Яна ваяна!
Сватто Яна паля,
Пля дечковъ ама

О Яна, Яна ваяна!

Акы е текъ мѣсяцъ
Пекнѣ огродѣны. —

О Яна, Яна ваяна!

Пекныша вдовами.
Крайшима паннами.

Въ славянской Турціи и Липтовѣ:

Яно, Яно, ваянуо!

Прилетѣла голубка въ часъ рано;

Прилетѣла другая, ч

Зъ червепега круга;

Прилетѣла третья,

Зо заграды зъ квѣтя

Яно, Яно, ваянуо!

—

Ваянуо, ваянуо!

Или: Яно, мило Яно!

Зобудзай въ часъ рано,

Въ часъ рано ранничко,

Кедъ выйде слѣтѣчко.

—

Въ одномъ Липтовѣ:

Эй, Яне нашъ, Яне!

Кде ты палить маме?

На бобровекой странѣ,

Та ты палить маме.

Кого ожениме?

Дура Штъѣиновъ.

Кого же му даме?

Мару Калиновъ.

Въ Новоградскѣ :

Кабы я видѣла, кебы буде Яна,
 Вербы сомъ накладла, на три страды огна;
 Ъдонъ бы накладла одъ солнца восходу,
 Другы бы накладла моему милему,
 Моему милему, шугайку шварнему,
 (Пригожему молодцу).

—
 На сватега Яна,
 Кажди в пѣяна :
 Кедъ ми такъ будеме,
 Ай ми пѣякъ будеме.

—
 А я мою жену,
 Заженѣмъ на войну,
 На Сватега Яна,
 Кедъ буде ожрана (пѣяна).

—
 Тенъ тыдень, тенъ тыдень, по сватѣмъ Янѣ,
 Лежими, лежими, ма мила въ лѣѣ :
 Смылуй са, смылуй са, надъ ей душецкой,
 Ако са смылуе, коцуръ надъ мышкой.

Ивановскій день въ Ускокахъ (въ Далмаціи), начинается за десять дней до праздника Іоанна крестителя. Въ это время толпа поселянъ складываетъ можжевельникъ въ кучу, которая называется коледо, и зажигаетъ его, сопровождая танцами и пѣснями. Дѣти смотрятъ за огнемъ, чтобы онъ не погасъ, и чтобы дымился можжевельный запахъ. — Это продолжается постоянно до Иванова дня. — На канунъ этого праздника, который особенно отличается множествомъ огней, дѣвушки и молодые женщины отправляются въ сады собирать цвѣты и травы, изъ конхъ плетутъ вѣнки и

украшаютъ ими свои головы, въ томъ жнѣніи, что во весь годъ не будетъ болѣть у нихъ голова, и самыя опасныя болѣзни не пристанутъ къ нимъ.

Въ Силезіи въ день *soboty* или *sobotki* празднуютъ ивановскій огонь, который называютъ еще *огнемъ поворотомъ солнца*. Предъ днемъ св. Іоанна женщины жгутъ огни, танцуютъ, поютъ и совершаютъ молитвы и почести дьяволу. Приносимая ему въ жертву богородицкая трава, развѣшивается въ домахъ и хранится, какъ предотвратительное средство отъ несчастій. — Огонь добываютъ трѣніемъ досокъ. Сохранилась старая пѣснь, которую пѣли въ ивановскій праздникъ въ черномъ лѣсѣ (сендомірской губ.)

Gdy słońce raka zajrzewa,
A słowik więcy nie spiewa,
Sobótke jako czas niesie,
Zapalono w czarniem lesie,
Iako matki nam podały.
Same także z drugich miały,
Ze na dzień Świętego Iana,
Zawždy sobótka palona.

Поэтъ Кохановскій такъ описываетъ соботку:

Dwanastcie dziewek jednako obronych,
Bylicą opasanych,
Spiewaé nauczone,
W tańcu nie zganione,
Ogien napalano na dworze.
Czekano rannéj zorze.
Od matek miały, że na dzień S. Iana,
Sobótka palana.
Niemy ogień do switania,
Nie bez piosni, nie bez grania,
Skokiem tanice najszwudniejszy.
Kędy w bęben przybijają,

Wywar ty, coś ciagnał kota.
A na chwile puść się plota (*).

Обычай жженія огня, перешелъ сюда отъ другихъ Славянъ. Люнебургскіе Венды совершали языческія жертвоприношенія, долгое время по принятіи христіанской вѣры. При священномъ деревѣ они закладывали пѣтуха, съ обряднымъ возліаніемъ и окропленіемъ, потомъ предавались пляскамъ и пѣснямъ.

У дравскихъ Вендовъ (между Луковымъ, Доннебергомъ и Вельценомъ), въ высокомъ почитаніи дерева: *вънечное* (березовое) и *пѣтушиное* (Хаѣнбаум). Вънечное употребляется женщинами въ Ивановъ день. Онѣ однѣ только могутъ его рубить, возить и ставить въ землю. Всякая женщина, какъ бы она ни была дряхлая, едва могущая ходить на костылѣ, отправляется смотрѣть, гдѣ будутъ ставить дерево. Его рубятъ на канунъ праздника, снимаютъ съ него всѣ вѣтви, оставивъ одну только верхушку, на подобіе вѣнка. — Въ Ивановъ день берутъ женщины тѣлегу, сами въ нее впрягаются вмѣсто лошадей или воловъ, и отправляются въ рощу. Ни непогода, ни дурная дорога, не препятствуетъ имъ: онѣ идутъ черезъ болота, и въ воду по уши. Молодые и здоровыя женщины идутъ возмѣ тѣлеги: покоютъ и vessлятея, а ихъ матери везутъ. Какъ скоро появятся съ деревомъ въ селѣ, тамъ поднимаютъ радостный крикъ и спѣшатъ къ тому мѣсту, гдѣ стояло еще прошлогоднее дерево и срубливаютъ его. Хозяинъ, передъ домомъ котораго оно стояло, покупаетъ у нихъ, и даетъ имъ нѣсколь-

(*) Jan. Kochanowsk., над. Mostowskiego, т. I с. 122—143; Goleb. Gry i zab. ч. 3. с. 295.

ко денегъ на водку. Новое дерево становится при торжественномъ восклицаніи: оно увѣнчивается вѣнками и цвѣтами; потомъ выкачиваютъ нѣсколько бочекъ пива и освящаютъ празднество. Обычай ставить дерево, совершается ежегодно съ особыми почитаніемъ.—Любавбургскіе Венды праздновали Ивановъ день, въ ознаменованіе наступленія жатвы. Въ огонь бросали пѣтуха и лили пиво; потомъ плясали вокругъ дерева и окропляли скотъ жертвенной водою. (*)

Въ Россіи, по введеніи христіанской вѣры, упор- Поклон-
ники не-
бесныхъ
свѣтъ
и огня. ствовали многія племена въ уничтоженіи старыхъ обычаевъ. Въ пятинахъ вотской: въ Ижорѣ, около Ивангорода, Яма, Копорья, Ладоги, Невы до Кааніи и Лапландіи, на пространствахъ болѣе тысячи верстъ, еще были въ XVI в. обожатели солнца, луны, звѣздъ, озеръ, водъ, камней и горъ. Исповѣдуя христіанскую вѣру, они имѣли своихъ жрецовъ, *ардусовъ*; и не хотѣли отстать отъ кумировъ. Митрополитъ Макарій посылалъ сюда (1534 г.) умнаго монаха Илію, съ наставительною грамотою. Жители, увѣряя его въ своей ревности къ христіанству, говорили, что не смѣютъ коснуться идоловъ, оберегаемыхъ ужаемыми духами. Илія зажегъ священные ихъ лѣса, бросилъ въ воду кумировъ, удивилъ народъ, и проповѣдію довершилъ торжество Вѣры. Пятилѣтніе мальчики помогали ему сокрушать молельни.—Самые Русскіе усердно слѣдовали, въ XVI в., многимъ языческимъ обрядамъ. Жители псковской области праздновали день Куналы

(*) Kollar: Národn. Zpiew. ч. I с. 16—18. изд. Bud. 1834 г.; Paul. Pieśń lud. polsk. с. 19—21.; Jan Kochanowsk. см. dzieła jego; Gebhard. Fortsetz. der Allgem. Weltgeschicht. der neuen Zeit, ч. 33. с. 254., ed. 1789 г.

(іюня 24), съ не меньшимъ заблужденіемъ: они собирали травы въ пустыняхъ и дубровахъ, съ суевѣрными обрядами; ночью веселились, били въ бубны, играли на сопеляхъ и гудкахъ; молодыя жены и дѣвщцы плясали и обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе. Памфилъ, игумень елсазаровской обители, съ укоризною писалъ къ намѣстнику и сановникамъ Пскова (1505...г.) «Егда приходитъ день Рождества Предоточева, и прежде того, исходятъ *оавлицы*, мужіе и жены чаровицы, по лугамъ и по болотамъ, и въ пустыни и въ дубровы, ищущи смертныя травы и *приелточрева*, отъ травнаго зелія, на пагубу челоувкомъ и скотомъ; ту же и дѣла кореніа коплютъ, на потворенія мужимъ своимъ. — Сіа всѣ творять дѣйствомъ дьяволимъ, въ день Предоточева, съ приговоры сатанинскими. Егда бо прійдетъ праздникъ во святую ночь, мало не весь градъ возматется и въ селѣхъ возбесятся: въ бубни и въ сопели и гуденіемъ, струннымъ, плесканіемъ и плясаніемъ; *жонамъ* же и дѣвамъ и главами киваніемъ, и устнами ихъ неприязненъ кликъ, вся скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ виждѣніа, и ногамъ ихъ скаканіе и топаніе; ту же есть мужемъ и отрокомъ великое паденіе; ту же и женское и дѣвичье шептаніе, блудное имъ возрѣніе, и женамъ мужатымъ оскверненіе, и дѣвамъ растѣніа.» (*) Въ Стоглавѣ находится извѣстіе (1551 г.), что мушны, женщины и дѣти, предъ праздникомъ и на самой праздникъ Іоанна крестителя, ходили ночью по домамъ, улицамъ и водамъ; забавлялись безстыдными играми, пѣли сатанинскія пѣсни и плясали подѣ

(*) Кар. И. Г. Р. т. VII прим. 372.

гусли. По прошествіи ночи, шли въ рошу съ великимъ прикомъ и омывались въ рѣкѣ, какъ бѣшеные. (*)

Донынѣ близъ Антоніево-дымскаго монастыря, недалеко отъ Тихвина (новгород. губ.) простой народъ купается въ дымскомъ озерѣ, и въ немъ купаютъ больныхъ лошадей, почитая эту воду цѣлебною. Препод. Антоній, основавшій этотъ монастырь въ XIII ст., совершилъ на этомъ озерѣ чудеса, почему бываетъ ежегодно июн. 24 крестный ходъ. Въ томъ монастырѣ хранится желѣзная шляпа этого угодника, найденная въ дымскомъ озерѣ. — Около старой Ладоги производится купанье при огнѣ, раскладываемомъ на горѣ Побѣдницѣ. Въ новгородской губер. этотъ огонь называется: *живымъ, лѣснымъ, царь-огонь и лѣкарственнымъ*. Въ озерѣ клешинскомъ (владим. губер. уѣз. Переславля-залѣскаго), донынѣ купаются и водятъ по его береганъ хороводные круги съ пѣснями.

Купанье
и хороводные
круги.

Карпатскіе Славяне моются росой до восхожденія солища, и потомъ скачутъ чрезъ разложенные огни. — Нѣкоторые же карпатскія и судетскія дѣвушки, опоясываются цвѣтными перевязями, головы убираютъ вѣнками, сплетенными изъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ, и потомъ поютъ около огня хороводныя пѣсни. — Въ Литвѣ ходятъ за городъ мыться *росой*, а праздникъ Купалы, называемый тамъ *роса*, сопровождается зажиганіемъ огня. (**)

(*) Стоглавъ, гл. 41—44.: О Иванѣ днѣ и въ навечеріи Р. Х. и Крещеніи, сходятся мужи, жены и дѣвицы, на ночное плещованіе и на безчинный говоръ и на скаканіе, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растланіе... и егда ночь мимо ходитъ, отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ и умываются водою, и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходить въ домы своя и падаютъ аки мертвы, отъ великаго влѣкотанія.

(**) Narb. Dzieie nar. Litewsk. т. I.

Аграфе-
на ку-
пальни-
ца.

Въ сѣверо-восточныхъ мѣстахъ Россіи праздновали, вмѣсто Купалы, Агрипину купальницу. — Предъ собираніемъ хлѣба приносили ей жертвы и съ того же времени начинали купаться въ рѣкахъ, потому она прозвана купальницею. Молодые люди украшались вѣнками, раскладывали ввечеру огонь, плясали и пѣли въ честь купальницы. Въ архангельской губ. топятъ бани въ день св. Агрипины, настилаютъ полъ травою купальницею (лютика), а потомъ купаются въ рѣкѣ. Въ окрестностяхъ Москвы дѣвушки парятся въ баняхъ свѣжими вѣнками, связанными изъ цѣлебныхъ травъ, и готовятъ кашу. — Въ Петербургѣ встрѣчалось мнѣ видѣть, что старые люди, на канунъ Агрипины купальницы, парятся свѣжими березовыми вѣнками, съ смѣсью разныхъ жгучихъ и цѣлебныхъ травъ: крапивы, лютика, попоротника, богородицкой травы, Иванъ да Марья, ромашки, мяты и полыни. (*)

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ новгород. губ. (около старой и новой Ладogi и Тихвина) топятъ на Ивановъ день бани и парятся травою Иванъ да Марья. — Въ Нерехотскомъ уѣздѣ (костромской губ.) дѣвушки собираются, на канунъ Аграфены купальницы, къ одной изъ своихъ подругъ: *толокни въ ступѣ ячмень*, и это толченіе сопровождается веселыми пѣснями. На другой день варятъ изъ него кашу, которая называется кутьею, и ѣдятъ ее вечеромъ съ коровьимъ масломъ; потомъ берутъ переднія колеса тѣлеги, съ осью и оглоблями, возятъ сидящихъ на оси по селенію и по-

(*) Когда я спросилъ у одного старика: для чего это дѣлаютъ? — Э, баринъ, ты вишь и не знаешь, отвѣчалъ онъ, эти травы изгоняютъ всю телесную нечистоту, а Аграфена купальница заповѣдала то намъ.

лямъ, распѣвая до утренней росы, и въ заключеніе, умываются росою, думая что она приноситъ здоровье. (')

Въ другихъ мѣстахъ Россіи, производили иначе празднество купальницы и купалы. Въ день св. Агриппины собирали крапиву, шиповникъ и другія колючія растѣнія, клали въ кучу и скакали чрезъ нихъ, не только люди, но и рогатый скотъ, чтобы воспретить русалкамъ, лѣшымъ, вѣдьмамъ и злымъ духамъ, донѣть молоко, которое, по мнѣнію народа, засыхаетъ у коровъ послѣ ихъ доенія. — Ночью возобновляли зажженные огни, чтобы предохранить свои стада отъ порчи лѣшнихъ. (**)

Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, какъ Ижоряне праздновали въ окрестностяхъ Петербурга, ивановскій огонь съ особымъ отличіемъ отъ другихъ. — По рижской дорогѣ, въ 10 верстахъ отъ Петербурга, находилась липа, которой вѣтви сплетались съ вѣтвями другихъ деревьевъ, такъ что онѣ образовывали природную бесѣдку. — Петръ В. не разъ отдыхалъ въ ней. — Тутъ собирались Ижорки въ Аграфенинъ день, и проводили всю ночь при разложенномъ огнѣ, съ пѣніемъ и воплемъ. На послѣдокъ сожигали бѣлаго пѣтуха, сопровождая жертвоприношеніе скачками и плясками.

Въ другихъ мѣстахъ приносили Славяне жертву съ 24 по 29 іюня, *Купаль*, котораго боготворили подъ видомъ бога земныхъ плодовъ. Юноши, дѣвицы, мушны и женщины, украшенные вѣнками и опоясанные травяными и цвѣтными поясами, раскладывали огонь, плясали около него, взявшись за руки, и пѣли

(') Кар. И. Г. Р. т. 7. с. 187-189. прим. 371 и 372, т. I. с. 90-91 изд. 1817 г.

(**) Guthrie : Dissert. Sur les antiq. de Russie, с. 77,

пѣсни при перепрыгиваніи. Въ день Петра и Павла, становили качели, съ тѣми же обрядами; качались. пѣли, плясали и скакали на доскахъ. (*) Въ Москвѣ издревле празднуется на *трехъ зоряхъ* Ивановъ день. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разводили здѣсь огни и цировали.

Мѣстное
совер-
шеніе
купаль-
скихъ о-
гней.

Купальскіе огни разводятся по всей Россіи, съ нѣкоторыми мѣстными измѣненіями.—На Подолѣ и Волынѣ, дѣвицы сходятся въ то мѣсто, гдѣ поставлена убранныя вѣнками и цвѣтами верба, называемая *Купайло*, и ходя вокругъ ея, поютъ печальныя пѣсни.—Мушкеры и женщины стекаются на это зрѣлище, въ праздничныхъ одеждахъ; молодые парни бросаютъ полевые цвѣты на то мѣсто, гдѣ ходятъ дѣвушки, и потомъ бросаются на вербу, отнимаютъ ее у дѣвушекъ и обрываютъ вѣнки и цвѣты.

Простой народъ въ Литвѣ вѣритъ, что въ ночь предъ Ивановымъ днемъ, вѣдьмы высасываютъ молоко у коровъ; но чтобы воспрепятствовать имъ, втыкаютъ по угламъ хлѣбовъ вѣтви ласточьего зелья; надъ дверями вѣшаютъ убитую сороку и приколачиваютъ крестъ на крестъ, кусочки срътенской восковой свѣчи.—Другіе ходятъ въ полночь искать въ лѣсу папоротника. Желающій достать папоротникъ, отправляется одинъ въ глубину лѣса, чтобы не было слышно пѣнія пѣтуха, и пришедши на то мѣсто, гдѣ онъ растетъ, очерчиваютъ около себя кругъ рябиновой палкою и садится въ немъ. Едва покажется цвѣтъ, онъ долженъ немедленно сорвать его, но тотъ часъ вылетятъ изъ ада черти, будутъ его упрашивать, чтобы онъ отдалъ; если это не

(*) Чулковъ Абелева Русск. суев. см. *Аграфенинъ* с. 1. и Ку-
пало с. 228 изд. 1786 Москв.

склонить его, то начинают пугать, грозить, скрежетать зубами, быть пронзительно и страшно. Но онъ не дѣлаетъ выходовъ изъ своей черты и спокойно ожидать зари. Если онъ выйдетъ за черту круга, то у него вырвутъ паспортникъ, производящій чудесное дѣйствіе: владѣющій имъ дѣлается колдуномъ, знаетъ прошедшее и будущее. — Въ Ивановъ день солнце, по мнѣнію людей, выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ: серебряномъ, золотомъ и брилліантовомъ, къ своему супругу мѣсяцу; въ проѣздъ свой пляшетъ солнце и разсыпаетъ по небу огненные искры, которыя могутъ видѣть только при его восходѣ.

На канунъ субботки или Ивана Купалы, не выпускаютъ земледѣльцы въ поле своихъ коней, въ томъ мнѣніи, чтобы вѣдьмы не ѣздили на нихъ въ Кіевъ, на лысую гору, гдѣ въ то время бываетъ ихъ сборище.

Въ день Купалы складываютъ костеръ изъ поношенныхъ лаптей, онучъ и лубянныхъ вещей, и зажигаютъ ихъ; потомъ скачутъ и поютъ, пока весь не сгоритъ костеръ. Когда сгоритъ болѣе половины, тогда перескакиваютъ черезъ него парни, дѣвицы вдовы и женатые. — Женщины приносятъ съ собою вареники и водку, и угощаютъ веселящихся. — Вареники готовятъ изъ грешневой муки, и начиняютъ ихъ толченымъ коноплянымъ сѣмьянемъ и лукомъ. Послѣ начинаютъ танцовать около костра, бросая въ него березу и конопель. (*)

Въ Бѣлоруссіи вбиваютъ на канунъ Ивана, по солнечномъ заходѣ, колъ въ землю; обкладываютъ его соломою и коноплемъ, а на самый верхъ кладутъ

(*) Golebow. Gry i zabaw. ч. 3 с. 299.

пукъ соломы, называемый Купало. Когда смеркнетъ, зажигаютъ его а вокругъ бѣгаютъ поселяне и поселанки, бросая въ него березовыя сучья, и приговаривая:

Кобъ мой ленъ
Такъ великій бувъ,
Якъ етая фарасина!

т. е. еслибъ мой ленъ былъ такъ великъ, какъ этая хворостина. Дѣвушки, парни и молодыя женщины, поютъ нотомъ:

Купала на Ивана!
Гдѣ купала, начинала?
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Начевала у Ивана.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Шо у Ивана уживала.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана
Уживала варенище у алейще.
Купала на Ивана!
Купала на Ивана,
Рыбку зъ перцемъ,
Чеснокъ съ клейцемъ. —
Купала на Ивана!
Купала на Ивана.

Въ другихъ мѣстахъ собираютъ ночью, дѣвушки и молодыя женщины, лѣчебныя травы: лопань, былицу, яскеръ, полынъ, руту и разходникъ. Не участвовавшая въ забавахъ, по домашнимъ занятіямъ, предается грусти, и это очень хорошо выражено въ пѣсни:

Молодая, молодица,
 Выйди до насъ на улицу,
 Разложи купальницу.
 Николы мени выходиты,
 Бо дитя малое,
 Свекоръ лежить, не колыше,
 А свекруха сидеть, не дрымае.

Малая ночка,
 Купальничка!
 Не выпалася Гануся, —
 Змочила хустоньку,
 Слезы утираючи;
 Шукала шнуры сдвабны,
 Путала кони вороны.

Малая ночка,
 Купальничка!
 Не выпалася Парася, —
 Погнала волы хлипаючи,
 Змочила огонь котячи,
 Слезы утираючи;
 Шукала шнуры валовы,
 Путала шуры половы. (')

Въ мѣстечкѣ Гомелѣ (**), близъ города Бѣлицѣ (мо-
 гилевской губ.) поютъ:

У лана Ивана посередь двора,
 Стояла верба,
 На верби горли свичи.
 Съ той вербы капля упала,
 Озеро стало.

(') Goleb. Gry i zabaw. ч. 3. с. 298—301.

(**) Принадлежащемъ нынѣ фельдмаршалу графу Паскевичу-эриванскому, князю варшавскому.

Въ озерѣ самъ Богъ купався
Съ дѣтками, судитками. (*)

Въ витебской губер. на канунъ Иванова дня, называемаго *Яни день*, собираются по домамъ поселянки до солнечнаго восхода, и убираются въ самыя нарядныя платья. Молодыя дѣвушки надѣваютъ на голову *вайникъ* (родъ повойника изъ голубой матеріи, унизанный бисеромъ и вышитый узорами), поверхъ вайника вѣнокъ изъ травъ и цвѣтовъ. Въ косу, развѣвающуюся позади, вплетаютъ ленты, а шею повязываютъ цвѣтнымъ платкомъ, и все такъ прекрасно, что каждая изъ нихъ красавица. Нѣсколько десятковъ паръ сходится на лугъ и забавляются танцами, или отправляются попарно, при пѣніи пѣсней, къ дому помѣщика. Въ честь его и семейства поютъ поздравительныя пѣсни. Помѣщикъ со всѣмъ своимъ домою, долженъ встрѣтить ихъ и угостить. Отъ него онѣ идутъ съ поздравленіями къ другимъ, и весь вечеръ проводятъ въ пѣніи и играхъ, въ коихъ принимаютъ участіе и парни. — Иногда замужнія и молодыя обоюго пола, ожидаютъ солнечнаго восхода близъ зажженныхъ смолянныхъ бочекъ и пылающихъ костровъ, распѣвая:

Иванъ да Марья,
На горѣ купались.
Гдѣ Иванъ купався,
Берегъ колыхався;
Гдѣ Марья купалась,
Трава расцвѣталась.

Пѣсни раздаются до толѣ, пока солнце не заиграетъ на небѣ. Часто при разгулѣ поютъ подъ лудку:

(*) Paul. Piesń lud. polsk. с. 24.

Калижъ тая серида ирашла,
 Якъ илїеши на пригонъ пашла,
 Весь день жала, нялинилася,
 Злому войту накланилася.
 А цяпержа ни а чемъ тужиць,
 А войтъ пьяный у карчмъ ляжиць.

Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій. Рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣкъ бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ своихъ вѣтвей разговариваютъ между собою. — Утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папортникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія; можетъ видѣть, какъ расходятся дубы и составляютъ свою бесѣду: можетъ слышать ихъ разговоры про богатырскіе свои подвиги. — Кто сорветъ въ эту ночь *передетъ траву*, тотъ будетъ во всемъ счастливъ.

Въ Малороссіи: полтавской, черниговской, харьковской, кievской и въ смежныхъ съ ними губерніяхъ, гдѣ употребляется малороссійское нарѣчіе и малороссійскіе обычаи, собираются на камунѣ Ивана Купалы, молодыя дѣвушки въ праздничномъ нарядѣ, къ дереву маренѣ, черносливу или другому какому либо срубленному: головы дѣвушекъ тогда увиты вѣнками изъ травъ: кануферу, любистку, зирокъ, божьяго дерева, сѣкирокъ, бирвинчечекъ, васильку, мяты, руты, резеды и другихъ душистыхъ травъ; шапки молодцовъ, надѣтые на бекрень, украшаются ими любимую душистой травою. Когда сойдутся для празднованія, въ коемъ принимаютъ иногда участіе и молодыя женщины, тогда дѣвушки, послѣ взаимныхъ привѣтствій, берутся за руки, ходятъ вокругъ дерева и поютъ:

Ой мала ничка, Нетривочка,
 Не выспалась наша дивочка!
 Не выспалась, не нангралась,
 Съ козаченькомъ не настоялась.
 Къ чреди шла, задремала,
 На пеньки ноги позбывала,
 На шпички очи повыймала.
 Авже коровы у дубровы,
 Авже телята пасуть хлопьята,
 Авже вивцы на крутій гирцы.

За этимъ расходятся въ разныя стороны, и одна изъ дѣвушекъ беретъ соломленную, одѣтую въ женское пестрое платье, куклу, ставитъ ее подъ дерево; другія дѣвушки убираютъ ее голову лентами, очипкомъ и украшаютъ шею намистомъ. — Это чучело называется *Купалою*. Въ другихъ мѣстахъ ставятъ просто соломленное чучело съ деревянными руками, на кои вѣшаютъ вѣнки и женскія украшенія. — *Купалу* обкладываютъ кучей соломы съ крапивою, и зажигаютъ; потомъ, другъ послѣ другаго, перескакиваютъ чрезъ огонь и поютъ:

Ходыли дивочки, около мареночки,
 Коло мое водыла Купала;
 Гратыми сонечко на Ивана.
 Накупався Иванъ, та въ воду впавъ.
 Купала пидъ Ивана!

Въ махновскомъ уѣздѣ (кіевской губер.) ставятъ дѣвушки вечеромъ дерево въ землю, которое украшаютъ цвѣточными вѣнками и при пѣніи зажигаютъ вокругъ него огонь. — Въ полтавской губ. дѣлаютъ вечеромъ подъ Ивановъ день, чучело изъ соломы, называемое *мара* (призракъ), носимое и при началѣ весны. Его несутъ къ водѣ при пѣніи, или,

наложивъ груду жгучей красной, перескакиваютъ чрезъ нее босыми ногами, а потомъ раскладываютъ огонь и прыгаютъ черезъ него. Гдѣ есть поближе рѣка, туда бросаютъ чучело вмѣстѣ съ вѣнками, или развѣшиваютъ вѣнки на деревѣ. — Иныя несутъ домой свои вѣнки, вѣшаютъ ихъ въ комнатахъ и хлѣвахъ, для предохраненія себя и домашнихъ животныхъ отъ нечистой силы. — При перескакиваніи чрезъ огонь поютъ :

Купала на Ивана!
Купався Иванъ,
Та въ воду упавъ. —
Купала на Ивана!

Иныя скачутъ черезъ огонь въ вѣнкахъ. Домохозяйцы, съ ночи на Ивана Купала, оставляютъ теленокъ ночевать вмѣстѣ съ коровами, чтобы вѣдьмы не портили дойныхъ коровъ, а въ хатахъ кладутъ на окошкѣхъ жгучую крайиву, которая будтобы не пускаетъ нечистый духъ въ избы. — Когда несутъ или убираютъ Купала, тогда поютъ :

Та шли дивочки и тояго дочки,
Съ тѣмъ вода чорна хмара на долини пала.
На улицѣ Купала на Ивана!
А въ перивилочки нижки на велички,
Й на гору не зойде, на долини не стане,
Купала на Ивана!
Сего дня Купала, а завтра Ивана,
Чикъ мени, моя мати, торговаты?

Повезу я свенирка продавати,
Риднего батынька куповаты.
Здешевыла свекорка, здешевыла,
Риднего батынька не купыла!

Сего дня Купала, а завтра Ивана, —

Чимъ мени, моя маты, торговаты?

Повезу я свекруху продавати,

Рядну матыньку куповаты.

Здешевыла свекруха, здешевыла,

Рядней матыньки не купыла!

Сего дня Купала, а завтра Ивана,

Чимъ мени, моя маты, торговаты?

Повезу я диверка продавати,

Ряднего братынька куповаты!

Здешевыла диверка, здешевыла.

Ряднего братынька не купыла!

Сего дня Купала, а завтра Ивана,

Чимъ мени, моя маты, торговаты?

Повезу я зованицю (зодонку) продавати,

Рядную сестричку куповаты.

Здешевыла зованиця, здешевыла,

Рядной сестрицы не купыла!

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи сажають подъ срубленнымъ деревомъ марены, вмѣсто чучелы, дитя, которое убирають цвѣтами и вѣнками. Дѣвушки, убравъ его, развѣшиваютъ свои вѣнки на деревѣ, и потомъ взявшись за руки, ходять хороводомъ и поютъ.

Стояла ту поля, въ край чистаго поля,

Стій ту подынько, стій, не розвивайся!

Войцому витроцьку не поддавайся,

На нашей ту поли, чотыре сокола:

Первый соколко, молодой Иванко,

А другій соколко, молодой Николко,

А третій соколко, молодой Михайло,

Четвертый соколко, молодой Василько.

Ой! мушалоука купалася,
 Та на бережку сушилася,
 Тай тому люди дивовалися.
 Ой не дивуйтесь сему люди,
 Бо я бачила дивнйше:
 Щука-рыба красно ткала,
 А ракъ на буйракъ цавки сучить,
 А муха—горюха лижу шить,
 Комаръ пищеть, водицу несеть.

Пропѣвъ купалочныя пѣсни, бросаютъ марену въ воду. Когда же сами купаются, тогда топятъ марену въ рѣкѣ. Послѣ купанья угощаютъ другъ друга приготовленными закусками, и наконецъ возвращаются домой съ веселыми пѣснями.—Въ иныхъ мѣстахъ молодые обоого пола, купаются въ рѣкахъ предъ закатомъ солнца. Вечеромъ раскладываютъ огонь на поляхъ и на горахъ.—Дѣвушки и мужчины, побравшись за руки, прыгаютъ попарно чрезъ огонь. — Если при скаканіи не разойдется пара, то это лвая примѣта, что она соединится бракомъ.—Веселыя рукоплесканія сопровождаютъ скачущихъ, и непременно до послѣдней пары.—Потомъ поливаютъ огонь водою, и послѣ идутъ домой толковать о своихъ вѣнкахъ, не забывая пѣть дорогою:

Ой не стій вербо надъ водою,
 Та не пускай зилье по Дунаю.
 Ой Дунай, море розливае,
 И день и ночь прибувае,
 Въ вербо корень подмывае,
 А сверхи вершокъ усынае,
 Коло верби листьа опадае,
 Стань собі вербо на рыночку,
 У крищатому барвиночку
 У запашиномъ васильку.

Наши 'подоляне церковь збудовали,
 Не такъ збудовали, якъ мамалевали.
 Та мамалевали три місяцы яснихъ :
 Ой первый місяць, молодой Іваню,
 А другій місяць, молодой Василью,
 А третій місяць, молодой Михайло.
 Наше доляне церковь збудовали,
 Не такъ збудовали, якъ мамалевали —
 Та мамалевали три зирочки яснихъ,
 Три дівочки краснихъ —
 О перва зирочка, млада Маричка,
 А другая зирочка, млада Ганочка,
 А третья зирочка, млада Варичка.

Сонце сходе, играє,
 Іванко коника сидлає,
 На стрименочки ступає
 На сиделечко злегає.
 Тяжнучко, важничко вздыхає,
 А его батинько пытає :
 Що ты се, сыночекъ, гадаєшь?
 На що ты, коника, сидлаєшь?
 Що тобі батинько до сего,
 Сидлаю коника не твоего, —
 Пойду до тестя до своего.
 Пушу я коника по двору,
 Своему тестиві на хвору.
 Ой у моего тестя новый двіръ,
 И барвиночкомъ спили двіръ,
 И василечкомъ мели двіръ,
 Щобъ мене тещинка хвалила,
 Щобъ мене дивчина любила.—

Ой, чіе жито подъ горой стояло?
 Іванкове жито подъ горой стояло,
 Підъ горой зелененько, по місяцу виднисько,
 Молода Маричка ходы жыто жаты.

Якъ я тебе возьму, жыто жаты научу.
 Пидь горой зелененько, по нисямъ видненько,
 серденько.

—
 Ой вербо, вербо, вербиця!
 Часъ тобі, вербиця, розвивтця.
 Ой, ище ни часъ, ни пора.
 Часъ тобі, Іванку, женицься.
 Ой, ище ни часъ, ни пора,
 Еще жъ моя дивчина молода.
 Та не хай до лита, до Івана,
 Щобъ моя дивчина погулила;
 Та не хай до лита, до Петра,
 Щобъ моя дивчина підросла. (*)

—
 Іване, Івашеньку,
 Не переходь дороженьку.
 Іване, Івашеньку!
 Якъ перейдешъ, виновать будешъ.
 Іване, Івашеньку!
 Зроблю тобі у трехъ зильяхъ,
 Іване, Івашеньку!
 Прійшлось дивкамъ за Дунай плести.
 Іване, Івашеньку!
 Вся дивочки переплыли.
 Іване, Івашеньку!
 А сироточка утонула,
 Іване, Івашеньку!
 Дошли слухи до мачихи,
 Іване, Івашеньку!
 Та не жаль же мені дочки,
 Іване, Івашеньку!

(*) Снегир. Русск. простонар. прѣзд., вып. IV. с. 47-50. Эти пѣсни были сообщены ему профес. харьков. универ. г. Артемовскимъ-Гулакомъ, которому достоверно извѣстны, что онѣ поются на Івана Купала.

Та не дочки надтерицы,
 Иване, Иваненьку!
 Жаль плахотки крещаточки,
 Иване, Иваненьку!
 И запасочки синяточки.

Торохъ, торохъ, по дорози!
 Що за гомонъ по дуброви?
 Ой братъ сестру вбивать хоче!—
 Сестра въ брата прохалалася:
 Мій братечку, голубчику,
 Не вбивай мене въ лисочку;
 Убий мене въ чистомъ полі.
 Ой, якъ убьешъ, поховай мене;
 Обсады мене тремя зильями:
 Першимъ зильемъ гвоздичками,
 Другимъ зильемъ васильками,
 Третимъ зильемъ, стрилочками.
 Дівочки идуть, гвоздички рвуть,
 И мене зномянуть;
 Молодицы идуть, василечки рвуть,—
 И мене зномянуть;
 Наробочки идуть, стрилочку рвуть,
 И мене зномянуть. —

А въ борку на клинку,
 Чій же то лень, да не полотый?
 То Марусинъ лень та не полотый.
 Чомужъ вона та не винолола?
 То за снмъ, то за тымъ,
 То за сномъ товстымъ.
 Ой, чія жъ то синожать та не кошаная?
 То Грыцькова синожать та не кошаная.

То за снѣмъ, то за тѣмъ
То за сномъ товстымъ (*).

Ивановская ночь почитается въ Малороссіи страшной ночью. Тамъ думаютъ, что въ это время хаты и скотные загоны посѣщаются вѣдмами и вукулами (оборотнями). Для отвращенія ихъ посѣщенія раскладываютъ по окнамъ, порогамъ и стойламъ, жгучую крапиву или папоротникъ. — Одиѣ яги-бабы (*), колдуны и кіевскія вѣдмы, которыя собираются тогда во множествѣ, лѣтаютъ на помелѣ налысую гору или чортово берспище, находящееся подъ Кіевомъ, гдѣ онѣ совѣтуются на пагубу людей и домашнихъ животныхъ. — Въ Ивановъ день не выпускаютъ коня въ поле, думая, что чародѣйка заѣздитъ его.

Съ совершеніемъ купальскихъ обрядовъ не разлучаютъ нѣкоторыя травы, какъ предохранительныя средства отъ болѣзней и злыхъ духовъ, или какъ имѣющія особую силу заколдовывать и открывать тайну. Къ таковымъ принадлежатъ: колюка, папоротникъ или кочедыжникъ, тирличъ, плакунъ, дурманъ, адамова голова, болотный голубецъ, ревеня, одолень, земляника, переносъ, на-сонъ, разрывъ, перелетъ, Иванъ да Марья, будягъ — чертополохъ, подорожникъ, лопушекъ, купаленка, медвѣжье ушко, богатенька, чернобыльникъ, лютикъ, архилинъ, муравьиное масло, медяница или курячья слѣпота и петровъ крестъ.

(*) Максимов. Малор. пѣсн., с. 164-167 изд. 1827 г.

(**) У венгерскихъ Славянъ находится поговорка о яги-бабѣ :

Визн баба
Стара баба!
Ты маѣшь зубъ костѣны,
Дай ми за нѣ пелесны.

Колука собирается въ *Петровъ листъ*, въ продолженіи вечерней росы, съ великимъ раченіемъ не одними поселянами, но и чародѣями. Она засушивается и хранится въ коровьихъ пузыряхъ. Дается за великую тайну стрѣльцамъ, которые думаютъ, что окуренное колюкою ружье, стрѣляетъ всегда впопадъ и самая чародѣйская сила не можетъ заговорить его. —

Папортникъ или *кочедыжникъ*. Его срываютъ на канунъ *Иванова дня*, ночью, съ особенными обрядами и заговорами. Думаютъ, что онъ въ это только время цвѣтетъ, однажды въ годъ, и огненнымъ цвѣтомъ. — Я не слыхалъ, чтобы кто похвалился, что ему удалось отыскать этотъ чудесный, всемогущій цвѣтокъ, потому что онъ охраняется адскою силой. Это повѣрье основано на томъ, что папортникъ образуетъ невидимое цвѣтеніе. Кто отыщетъ разцвѣтшійся кочедыжникъ, тотъ величайшій счастливецъ. Онъ можетъ повелѣвать всѣмъ безъ исключенія: предъ нимъ безсильны цари и могущіе правители, и самыя нечистые духи въ его распоряженіи. Онъ можетъ знать, гдѣ скрываются клады, входить безпрепятственно въ сокровищницы, лишъ стоитъ ему приложить цвѣтокъ къ желѣзнымъ запорамъ и замкамъ, — все разсыпется предъ нимъ! Онъ можетъ открыть себѣ свободный входъ ко всѣмъ красавицамъ, принимая на себя образъ невидимки, или какой захочетъ, словомъ: нѣтъ ничего для него, чтобы не было ему недоступнымъ или невозможнымъ. — Какъ цвѣтетъ папортникъ и какія принимаются средства для полученія его, то объ этомъ такъ рассказываютъ знахари. Изъ широколистяннаго папортника является цвѣточная почка и поднимается постепенно: она то движется, то останавливается, и вдругъ зашатается, перевернется и запрыгаетъ, какъ живое. Иные даже слышутъ голосъ и щебетанье, и все это дѣлаетъ адская власть,

чтобы, пугая людей, не допустить ихъ до цвѣточка. — Когда сорветъ почка, тогда наступаетъ ровно 12 часовъ ночи: она разрывается съ трескомъ, вся покрывается огненными цвѣтомъ, что глаза не могутъ вынести — такъ пышетъ отъ него жаромъ! — Вокругъ и вдали разливается яркій свѣтъ, и только невидимая рука срываетъ его. Ищущій цвѣтокъ очерчиваетъ около пацортника кругъ, становится въ немъ, и произнося заговоръ, ожидаетъ полночи. Надобно, чтобы рѣшившійся на такую протупку, былъ неустрашимый и переносилъ безъ боязенно всѣ привидѣнія. Если онъ оглушится или годосъ или повернется къ призраку, то лишится жизни. Злой духъ сорветъ съ него голову, вышлето пацортника, и пошлетъ его душу въ адъ на мученіе, за то что дерзнулъ похитить цвѣтокъ, составляющій украшеніе ада.

Тирличъ срывается одѣями вѣдьмами и чародѣями на лесной горѣ (подъ Кіевомъ), только на канунъ Иванаова дня. Изъ тирлича вѣдьмы выжимаютъ сокъ и употребляютъ его для своихъ чаръ, особенно противу гнѣва властей. (*)

Плакуно достається въ Ивановъ день при утренней заре. — Тотъ можетъ наводить страхъ на всѣхъ, кто владѣтъ имъ. Его обыкновенно имѣютъ только чародѣи. Особенная сила его состоитъ въ корнѣ, который гонить не-

(*) Некоторые солдаты, чтобы отклонить отъ себя гнѣвъ своихъ отцевъ-командировъ, прибѣгаютъ въ слѣдующему предразсудку. Кладутъ въ сапогъ пучекъ соломы и носятъ его сутки, потомъ перевертываютъ пучекъ и носятъ еще сутки, наконецъ на третій день, вынувъ пучекъ изъ сапога, кладутъ солому на перекресткѣ, приговаривая: «какъ расходятся эти дороги на четыре стороны, такъ разойдитесь гнѣвные мысли противу меня, моего отца-командира.»

чистыхъ духовъ и смиряетъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ суевѣріе къ плакуну доходитъ до сумасбродства. Чародѣй, войдя въ церковь съ корнемъ, и ставъ у алтаря лицомъ къ востоку, произнеситъ заговорныя слова: «плакунъ! плакунъ! плакала ты долго и много, а выплакала мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь такъ страшенъ злымъ бѣсамъ, полубѣсамъ, старымъ вѣдамъ кievскимъ. А не дадутъ тебѣ искоринца, утончи ихъ въ слезахъ; а убѣгутъ отъ твоего позорища, зинки въ ямы преисподнія. — Будь мое слово при тебѣ крѣпко и твердо вѣкъ вѣкомъ» — Почитая корень за чудесную силу, суевѣры носятъ его при себѣ на крестѣ. Тогда человѣкъ, по ихъ мнѣнію, не попадетъ ни въ какое искушеніе дьявола и ни въ какіе недуги. Повѣсивъ посѣдѣнный изъ плакуна крестъ, на бѣсноватого, вѣрятъ, что этимъ способомъ можно изгнать поселившагося бѣса. Утверждаютъ еще, что бѣсвующіеся, увидѣвъ корень, вскрикиваютъ, мечутся во всѣ стороны и страшно ревутъ, когда надѣваютъ на нихъ крестъ изъ плакуна.

Дурманъ. Если кто срывая дурманъ, сдѣлаетъ какое нибудь странное движеніе, напримѣръ: перекувырнется, и потомъ броситъ его на наметку въ баню, то всѣ находящіеся въ ней станутъ перекувырливаться.

Адамова голова. — Растетъ кустомъ около болотъ, вышиною въ $\frac{1}{2}$ арш. Цвѣтъ этой травы синій, багровый и темножелтый; листья въ ладонь и шершавые. При срываніи крестятся и читаютъ молитвы: *Отче нашъ, помилуй мя Боже и Господи Іисусе Христе, оми не Божій, помилуй меня.* — Все это читается, пока не сорвется трава, которая по мнѣнію суевѣровъ, испорченныя и разрѣшаетъ роды. — По освященіи корня адамовой головы, надобно носить его съ собою, и тогда будутъ видимы дьяволы и колдуны. Кто бу-

детъ его носить на головѣ, тотъ будетъ получать подарки. — Для разрѣшенія отъ неплотія, варятъ корень въ козьемъ молокѣ и даютъ пить.

Болотный голубецъ. Онъ похожъ на крапиву, имѣетъ пушистый бѣлый цвѣтъ. Кто хочетъ ходить на медвѣдей, тотъ пей заваръ изъ голубца на топкѣ: съ уксусомъ и медомъ, тогда ни одинъ медвѣдь не набѣгнетъ охотника, а самъ охотникъ не будетъ бояться зѣбра.

Ревенька. Она стонетъ и реветъ по морямъ, отъ чего получила свое названіе. Растетъ подлѣ воды и часто въ самой водѣ, вышиною отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ арш. — Цвѣтъ ревеньки красноватый. Кто хочетъ хорошо плавать, и никогда не утонуть, тотъ держи при себѣ корень ревеньки.

Одолень. Онъ растетъ по каменнымъ мѣстамъ, близъ воды и рѣкъ; вышина его въ $\frac{3}{4}$ арш., цвѣтокъ темно-желтый съ бѣлыми листочками. Отваръ одоленя даютъ пить отравленнымъ и отъ зубной боли. Съ корнемъ одоленя пастухи обходятъ свое стадо три раза, и тогда стадо не разбѣгается. Даютъ еще пить отваръ тѣмъ, кого хотятъ заставить полюбить или привлечь кого либо къ себѣ.

Земляника. Кто хочетъ занимать деньги въ долгъ, тотъ положи въ карманъ травы земляники, и иди смѣло къ первому ростовщику, или къ кому хочъ — отказа не будетъ. Чтобы сдѣлаться отличнымъ охотникомъ и стрѣлкомъ, то надобно носить при себѣ эту траву.

Перенасъ. Чтобы быть честнымъ, то носи съ собою эту траву. — Перенасъ растетъ близъ рѣкъ, болотъ и пару. — Вѣка протекли, и никто не зналъ чудесной травы, могущей дѣлать людей честными! —

На-сонъ. Корень травы, называемый на-сонъ, нужно сварить въ водѣ и пить съ медомъ: отъ дурного

глаза, сонной грёзы и всякой скорби. — Травя на-сонъ имѣеть листки узенькіе, вверху стручки, корень бѣлый; растетъ на ровныхъ мѣстахъ.

Разрывъ, извѣстный у Нѣмцевъ подъ именемъ корня прыгуна (*Springwurz*), называется у насъ: прыгунъ, спрыгъ и скакунъ. Его отыскиваютъ въ Ивановъ день одни чернокнижники, и всякій можетъ достать его, у кого есть плакунъ и папортникъ. Свойство разрыва: разрывать желѣзные запоры, ломать сталь, серебро, золото и мѣдь на мѣлкіе куски, однимъ прикосновеніемъ къ нимъ. Искатели кладовъ покупаютъ разрыва у чернокнижниковъ за великія деньги, чтобы открыть сокровища, но проданный разрывъ не помогаетъ покупателямъ, и они никакъ не хотятъ думать, чтобы ихъ обманывали, и приписываютъ безсиліе внимательству дьяволовъ. — Повсюду носятъ рассказы, что въ ямахъ зарыты великія сокровища, хранимыя подъ желѣзными запорами, и что нечистая сила закрываетъ къ нимъ входъ своей спиною, усаженной иголками. — Для уничтоженія этихъ преградъ не достаточно человѣческой силы: надобно прибѣгнуть къ разрыву. — Рассказываютъ еще, что воры особенно употребляютъ эту траву: они подрѣзываютъ тѣло подъ ногтемъ пальца и кладутъ туда разрыва, и думаютъ, когда прикоснутся пальцемъ до запоровъ или замковъ, тогда непременно спадутъ запоры и отомкнутся замки. — Сохранилось повѣрье объ нахожденіи разрыва. Отыскавъ гнѣздо дятла, слѣдуетъ лѣтомъ вколотить гвоздь подъ деревомъ, потомъ разослать внизу дерева полотно. Понутру будетъ принесенъ сюда разрывъ самымъ дятломъ, и положенъ на полотно. Но бываетъ, что мужики подкашиваютъ разрыва. Это узнается тѣмъ, что коса, попавъ на траву, переламывается. Чтобы распознать чудесную траву, они собираютъ все скошенное и бро-

скаютъ въ воду: какая трава выплыветъ на верхъ, то разрыть.

Перелетъ трава или летающая трава, имѣетъ силу переноситься съ мѣста на мѣсто, и кто усѣнетъ сѣять цвѣтокъ, тотъ будетъ счастливъ во всю жизнь. — Цвѣтъ перелета состоитъ изъ радужныхъ красокъ, и ночью перою блеститъ какъ звѣздочка.

Иванъ да Марья. Кто хочетъ ускокать отъ погони или летѣть молодецки на клячѣ, тотъ носи при себѣ цвѣтокъ Ивана да Марья. — Иные даютъ пять сокъ, выжатый изъ этого цвѣтка, чтобы возвратить слухъ или потерянный умъ. —

Будиль-чертополохъ. Изъ стебля какой нибудь травы дѣлаютъ вилочки, и пришиваливаютъ ими чертополохъ къ землѣ, говоря: если стонишь червей съ моей скотины, то отпущу тебя. —

Подорожникъ (*plantago latifolia*, Lin.) Натри ноги подорожникомъ и никогда не устанешь, ходя пѣшкомъ.

Донушокъ. Кто хочетъ воровать ночью, чтобы даже и собаки не лаяли, то надобно носить донушекъ съ собою. —

Купаленку (*trollius europaeus*), *медвѣжье ушко* (*verba-scum*) и *богатенку* (*erigeron aere*), ищутъ новгородскіе поселяне въ лѣсу, и ими украшаютъ внутренность своихъ избъ: стѣны и образа, и загадываютъ: кому какъ долго жить на свѣтѣ? Чей цвѣтокъ въ избѣ завянетъ прежде, тому умереть въ тотъ годъ или быть хворымъ.

Чернобыльникъ отрываютъ простодюдины съ особыми заговорами. — Корень его стараются найти подъ землянымъ угольемъ. Корень и уголье, по мнѣнію народа, исцѣляютъ падучія болѣзни и черную немочь. —

Лютикъ, въ простонародіи купальница, собираемая

предъ днемъ Аграфены и употребляемая въ баннѣ для изгнанія нечистотъ, извѣстна еще подъ именемъ *лютаго корня* и *лютой травы*; ихъ собирають на кануны купалы и слывутъ цѣлебными.

Архиликъ растетъ при большой рѣкѣ и былъ извѣстенъ только нашимъ предкамъ. Объ немъ они оставили слѣдующее извѣстiе: кто рветъ его въ день Юанна крестителя, чрезъ золотую или серебрянную гривну и носить при себѣ, тотъ не будетъ бояться ни злаго человѣка, ни еретика, ни дьявола. —

Муравьиное масло. Оно вынимается изъ муравьевъ и сливается въ стеклянную посуду; употребляется какъ цѣлебное средство отъ многихъ недуговъ. — Муравейники и его сокъ предписываются самыми врачами, какъ лучшее средство отъ ревматическихъ болѣзней. —

Медяница или курячья слѣпота. — По мнѣнiю народа она срывается невидимой рукою и златарями; наводятъ мертвый сонъ на того, кто держитъ ее при себѣ, потому мстительные суетѣры даютъ пить съ него отваръ. Думаютъ еще, что она лишаетъ зрѣнiя, кто ее положить себѣ подъ голову. Нѣкоторые утверждаютъ, что медяница вырастаетъ изъ гнѣвiя зловредныхъ гадовъ; что она растетъ слѣною, получаетъ зрѣнiе только въ Ивановъ день, и когда увидитъ человѣка или другое животное, тогда бросается на него стрѣлою и пробиваетъ его насквозь. (*)

Въ одной сербской пѣснѣ объяснены семь чародѣйскихъ травъ, которыя производятъ чудесное дѣйствiе, но примѣчательнѣйшiя изъ нихъ это суть: трава колоперъ (кануперъ) и любистокъ (заря).

(*) Устные рассказы.

первая испытывает вѣрность женщины, а вторая вынуждена имъ постоянную любовь. Вотъ исчисленіе свойства травъ:

Милолица да ее ишлусмо,
 Колоперо, да не не атера;
 Любшине, да не свагда любя;
 Каранфила, да не не паразю;
 Чубра цвѣтя, да не добро чужа;
 Босцюка, да не смеете ока;
 А невена, да му срце вене.
 Самдокаса и околочена. (")

Петровъ крестъ, который такъ названъ потому, что корень его имѣетъ видъ креста и собираютъ его подъ Петровъ день. Онъ употребляется для отыскиванія кладовъ, и тотъ человекъ, который носитъ его при себѣ, бываетъ счастливъ во всю жизнь.

Растетъ еще какая то безименная трава, которую знаютъ одни только чародѣи и вѣдьмы, но они скрываютъ ее отъ людей. Свойство этой травы: кто носитъ ее при себѣ, тотъ знаетъ мысли каждаго, гдѣ бы онъ не находился, даже предугадываетъ, кто что замышляетъ.

Изъ собранныхъ свидѣній о купалѣ, видно, что празднество его сопровождалось зажиганіемъ огня, перескакиваніемъ чрезъ огонь, купаніемъ и собираніемъ цѣлебныхъ и предохранительныхъ травъ. —

Когда В. К. Владиміръ I. хотѣлъ окрестить въ одинъ день Славяно-русскій міръ, тогда предки наши не могли покинуть варагъ своихъ повѣрьевъ, и къ понятіямъ

Заключе-
 ніе.

христианскимъ. присоединили свои суевѣрныя, еще сильно тогда господствовавшія. Это есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему во всей Европѣ и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ силой вводили Евангельское слово, противопоставляли силѣ силу, и охотно оставались при старыхъ вѣрованіяхъ, какъ бы они ни были ложны, потому единственно, что такъ чтили ихъ отцы и праотцы.— Не уже ли наши дѣды были столько глупы, говорили проповѣдникамъ, упорствовавшіе въ идолопоклонствѣ, что они не знали во что вѣрили? Не хотимъ нововведеній, не хотимъ новой вѣры! Наши боги хранили насъ отъ всѣхъ бѣдствій, а вашего Бога мы еще не знаемъ.— Природа таинственная увеличивала ихъ рвеніе къ поклоненію небеснымъ свѣтиламъ и обыкновеннымъ физическимъ явленіямъ, для нихъ непостижимыхъ. Сильный жаръ солнца въ теченіи іюня и іюля, переходъ его чрезъ черту лѣтняго равноденствія, созрѣваніе плодовъ, цвѣтовъ и травъ, особенно тѣхъ, которыя собирались для врачеванія; рѣчныя и здоровыя воды, въ коихъ купались разслабленные; утрення и вечерняя росы, коею умывались для приданія свѣжести лицу и облегченія головныхъ болей, все это приходилось въ такое время, когда природа дѣйствовала цѣлбно на все живущее. Посему немудрено, что наши предки невольно изобрѣли особый праздникъ Купалѣ, который въ послѣдствіи измѣнился значительно. —

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Купало выходитъ изъ употребленія, а въ другихъ едва уже извѣстенъ, какъ темная память по усомнемъ. Въ Малороссіи, Бѣлороссіи, Литвѣ доселѣ въ употребленіи зажиганіе и скаканіе чрезъ огни, съ собственнымъ имъ цѣніемъ. Въ прежнія времена самая ивановская ночь была страшная и таинст-

венная; съ нею соединялись гаданія вѣнками, рѣшавшими судьбу дѣвицъ, а теперь онѣ служатъ для одной забавы: прежде оказывали Купалѣ чествованію, а теперь сожигаютъ его какъ чучело. —

VIII.

Я Р И Л О.

Остатки языческихъ празднествъ такъ затемнены мѣ- Толмаки
составили
объ Яри-стными измѣненіями, что трудно добраться до ихъ на-
чала — къ числу таковыхъ принадлежитъ Ярило. Въ
какое время онъ появился у насъ? Какія оказывались
ему почести? — на это нельзя отвѣчать положительно.
Извѣстно только, что онъ сопровождался буйными весе-
лостями въ костромской, тверской, нижегородской, ря-
занской, тамбовской и воронежской губ., быть можетъ
и во многихъ другихъ мѣстахъ. Въ всесвятское заго-
вѣнье или въ всесвятское воскресенье, составляли его
увеселеніе: кулачныя забавы, игры и ярмочныя сход-
бища (*)

Слово Ярило созвучно по окончанію со многими инозе-
мными словами: съ санскритскимъ *ари*, греческимъ *арисъ*,
означающія враждебный. Въ пѣснѣ *о полку Игоря*,
встрѣчается названіе *яръ туръ*.—Между иллирійскими и
венедскими божествами, находятся *яръ* и *Яровидъ*. (**)
Туръ у Грековъ, Скандинавовъ, Финновъ и Славянъ,
былъ идеалъ крѣпости и ярости. Если Ярило или Яри-
ло производить отъ собственнаго его слова, то онъ

(*) Труд. общ. любит. рос. слов. ч. XX.

(*) Кар. И. Г. Р. т. 1. с: 87 и 88.

выражаетъ ярого, буйнаго. Нѣкоторые думаютъ, что Ярило греческій Эросъ, богъ любви и страсти (*). Ярило, выражающій время ярости животныхъ, извѣстенъ былъ у Словаковъ, Чеховъ и Поляковъ, подъ именемъ ярь, который означаетъ такъ же зеленый и ранніе посѣвы хлѣбовъ: *яровой и ярина*, и соотвѣтствуетъ животворной веснѣ. Когда все растущее приходитъ въ ярь, т: е: покроется зеленою, тогда животныя *яря*тся. По сему неудивительно, что *Ярило* праздновался въ иныхъ мѣстахъ, какъ животворная сила природы: въ Славоніи, Богеміи и Польши, а въ другихъ какъ предметъ неукротимой страсти. — Изъ всего этого заключить можно, что онъ соединялъ въ себѣ свойства плодотворной силы. Откуда же онъ перешелъ въ Россію и въ какое время? Этого во все неизвѣстно. Нѣкоторые думаютъ, что Ярило есть идолъ *Ярунъ*. (**) Но изъ всѣхъ указаній на славянскія божества, мы не находимъ въ ихъ числѣ Яруна.

Чество-
ваніе
Ярилы.

Одно только мѣстное чествованіе могло считать его своимъ божествомъ, и это подтверждается тѣмъ, что доселѣ въ Костромѣ всесвятское заговѣнье и гулянье, называютъ *яриловымъ*. Изъ мѣстныхъ воспоминаній объ немъ, удерживались тамъ нѣкоторыя суевѣрныя и язычскія забавы, совершавшіяся въ честь Ярилы. Въ Костромѣ отправляли еще погребеніе въ честь *Ярилы*, на всесвятское заговѣнье. Тамъ старикъ, одѣтый въ изорванное платье, несъ во гробѣ куклу Ярилы, которая изображала мужчину со всѣми естественными его частями. Пьяныя женщины провожали ее съ рыданіями, и потомъ зарывали въ землю.

Я видѣлъ въ Малороссіи обрядъ, еще въ юношес-

(*) Снегиръ: Русск. прост. празд. вып. IV. с. 52.

(**) Макаровъ: Русск. праздн., изд. 1818 г.

кіе мои годы, который обращалъ на меня особое вниманіе. Послѣ всесвятскаго заговѣнья сходились по полудни женщины и казаки, чтобы погулять у шинка. Тамъ они вѣли и плясали до вечерней поры; потомъ, по заходѣніи солнца, выносили на улицу мужское соломенное чучело, со всѣми его естественными частями и клали во гробъ. Развеселившіеся отъ спиртуозныхъ паровъ женщины, подходили къ нему и рыдали: померъ онъ! померъ! Мужчины сходились на этотъ вопль, поднимали чучело, трясли и прокрикивали: *эй, баба не брешетъ! Она знае, що їй солодче меду.* — Женщины продолжали вопить: *якій же вінъ бувъ хороший, да якій услужливий.* Смотрѣли на него любово-страстно и говорили: *не встане вінъ більше! О якъ же намъ раставатися съ тобою! и що за жизнь, коли нема тебе.* — *Приподнимись хоть на часочекъ! но вінъ не встаетъ и не встанетъ.* Послѣ продолжительныхъ и многообразныхъ поговорокъ, уносили чучело и хоронили. Погребеніе заключалось закускою и попойкою.

Въ Галичѣ и Кинешмѣ, костромской губ., молодыя дѣвушки и парни забавлялись нѣкогда надъ упоенными старикомъ, представлявшимъ Ярилу, и въ то время хороводныя игры сопровождали ихъ забавы; но каждая дѣвушка, не прежде вступала въ хороводный кругъ, пока не отвѣсила пояснаго поклона старикъ Ярилѣ. (*) Въ рязанской и тамбовской губ., правленіе Ярилы приходилось тоже въ день всѣхъ святыхъ, или на другой день Петра дня; въ Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Тройцынъ день; въ нижегородской губ. іюня 24, въ день ярмарки. (**) Въ Твери оно начиналось

(*) Снегир. Руск. прост. правд. в. IV, с. 55. и 56.

(**) Труд. общ. люб. русск. слов. ч. I.

въ первое воскресенье послѣ Петрова дня, въ Троицкомъ саду, на рѣчкѣ Давурѣ. Молодые женщины, дѣвушки и парни собирались сюда плескаться *блажу*, подъ балалайку или торбанъ. *Блажма* особый танецъ, похожій на кадрили, и тутъ было раздолье влюбленнымъ. Матери охотно отпускали своихъ дочерей на ярилинъ гулянье, какъ они говорили: *поневоѣститься*. (*) Женки высматривали невѣсты, а невѣсты жениховъ, но однако происходили дурныя послѣдствія отъ понавоѣстванія. Въ время ярилинго разгула дозволялись обниманія, цѣдованія, совершавшіяся подъ вѣтвистыми деревьями, которыя прикрывали таинственныя ощущенія. Противу этого сильно возставали архіепископы: Мисодій и Амвросій, и ихъ только ревностію прекращены ярилины веселости. — Въ Воронежѣ существовало долгое время народное игрище, Ярило, (до 1763 г.). Оно совершалось предъ загорѣньемъ Петрова поста.

Такъ на канунѣ ярилина игрища готовились закуски и праздничныя одежды, и потомъ, въ разсвѣтъ дня, двигались толпы за городъ на большую площадь, разснопложенную вѣдь московской заставы. — Молодые дѣвушки наряжались, одна другой лучше: красные чоботы (сапоги), разноцвѣтная запаска съ широкими рукавами, бѣлая рубашка и пукъ разноцвѣтныхъ лентъ, вдетыхъ въ косу, водѣшали годовое и торжественное правленство. Молодцы также не упускали случая, чтобы выказать свои шегольскія одежды. — Пожилые и старые, равномерно принимали участіе въ предстоящемъ веселіи. Торговцы да благовременно разбивали на выгонѣ палатки, и раскладывали на столахъ лакомства, игрушки и мелочные товары. Это веселіе составляло смѣсь яр-

(*) Литерат. приб. къ Русск. изв. 1838 г. № 35.

мощно, съ шумными праздничными гуляньями. Пѣснями, плясками и музыка, сопровождали общее разгулье. Среди этихъ забавъ наряжали одного мушкетера въ пестрое платье, убирая его цвѣтами и навѣшивая на него ленты и бубенчики; на голову его наматывали высоненный бумажный, съ пѣтушковымъ султаномъ колпакъ, который раскрашивался фантастическими изображеніями; лицо его чернили или наводили румянами, въ руки давали побрякушки и молотушку. — Дѣти съ барабаннымъ боемъ, возвѣщали Ярилово шествіе. Толпа гулявшихъ стекалась къ этому зрѣлищу. Онъ переважно расхаживалъ на площадѣ и плясалъ; къ нему присоединялись другіе плясуны, которые угощали его пряниками, маковиками, пирогами, однимъ словомъ всѣмъ тѣмъ, что приносили для своего разгула. Когда все увлекалось веселіемъ, тогда составляли произвольныя игры; отъ нихъ переходили къ молодецескимъ, — къ кулачнымъ боямъ, которые весьма часто оканчивались смертоубійствомъ. Епископъ Тихонъ, называя эти забавы бѣсовскими, говоритъ, что былъ нѣкогда древній истуканъ Ярило; что праздникъ, въ его еще время, назывался игрищемъ, которое велось издавна, и что люди ожидали этого празднества, какъ годового торжества. — Оно начиналось въ среду или въ пятницу по сошествіи св. Духа, и оканчивалось въ первый понедѣльникъ. — Тихонъ, епископъ воронежскій, искоренилъ этотъ обычай. (*)

Во многихъ мѣстахъ Россіи совершаются понынѣ,

(*) Извѣстные извѣстія. — Митрополитъ Евгений : Опис. жизни и подв. Тихона, еписк. воронежскаго и елецкаго. — Описаніе игрища, см. еписк. Тихона проповѣди, говоренныя имъ въ воронежской епархіи. — С. П. Б. 1784 г. и 1794 г.

въ день всесвятскаго заговѣнья, нѣкоторые суевѣрные обряды и увеселенія, и это подало многимъ поводъ думать, что эти игры вѣроятно суть остатки Ярило-ва игрища, называвшагося бѣсовскимъ. Въ Стоглавѣ суевѣрныя игры названы *бѣсовскими потѣхами*, но изъ нихъ нельзя заключить, чтобы они относились къ Ярилу. Церковь называла все то *бѣсовскимъ, беззаконнымъ, сквернымъ*, что было противно христіанскимъ постановленіямъ и чистотѣ нравственной.

IX.

ОБЖИНКИ.

Обыкновеніе совершать празднество при созрѣніи хлѣба, было во всѣхъ странахъ свѣта, древняго и новаго. Наши предки Славяне, когда сдѣлались земледѣльческимъ народомъ, соблюдали долгое время жатвенные обряды, и даже отправляли ихъ съ торжественными угощеніями, особенно во время уборки хлѣба. Доселѣ остались слѣды отъ этихъ обычаевъ, и это доказывается тѣмъ, что понынѣ во многихъ мѣстахъ, во время и послѣ жатвы, приносятъ въ церковь для освященія: первые снопы и печеный хлѣбъ отъ перваго умолога; первые соты меда и первые созрѣлые плоды. (*) Въ Мадороссіи дѣлаютъ, при этомъ случаѣ, кутю изъ риса, которую украшаютъ цвѣтами и благоухающими травами, и приносятъ ее въ церковь для освященія съ плодами и медомъ. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ занимаются разведеніемъ пчелъ, вѣднётся обычаемъ въ обязанность, чтобы каждому хозяйну приносить въ церковь первые медовые соты.

Прино-
шеніе
первыхъ
плодовъ
и сохранъ

(*) Мойсей оставилъ Евреямъ въ священную обязанность, чтобы они приносили первые плоды. Кн. 3. Мойсеева, Левитъ гл. 23 с. 10-41.

То время, въ которое собираютъ тамъ медъ, называется *пасычнымъ* и *пасиковымъ*. (°)

Арконскіе Славяне, по уборкѣ хлѣба, приносили жертвы въ честь Святovidу. Въ день его праздника, народъ толпился у воротъ и вокругъ ограды храма Святовида. Верховный жрецъ закалалъ одного изъ домашнихъ животныхъ, и преподавалъ наставленіе народу. — На другой день отворялись двери храма и народу показывали рогъ Святovidовъ. Если меда убыло въ немъ, въ теченіи года; то предсказывали будущій неурожай, и собирали запасы на слѣдующій годъ. За тѣмъ жрецъ выливалъ остатокъ меда къ ногамъ истукана, и снова наполнялъ рогъ. Послѣ приносили испеченый пирогъ, въ ростъ человѣческій. Жрецъ, ставъ за пирогъ, спрашивалъ у народа: видитъ ли его? Если народъ отвѣчалъ, что его не видитъ, то жрецъ изъявлялъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году онъ могъ укрыться за пирогомъ, — это значило желаніе лучшаго урожая. — Жрецъ снова поучалъ народъ; потомъ наступало пиршество и всякаго рода забавы, въ коихъ умѣренность и воддержаніе, почитались стыдомъ. (**)

(°) Пасика, южно славянское слово, означаетъ мѣсто, въ которомъ пчелы производятъ медъ. На русскомъ языкѣ такое мѣсто именуется пчельникомъ, а время сбора меда, пчельнымъ. Пора созрѣванія зерновато хлѣба и плодовъ, называется въ простонародіи жнивномъ, т. е. жатвеннымъ временемъ.

(**) Булгар: Россія, ч. 2. с. 138—139., Кар. Ш. Г. Р. т. 1. — У древнихъ Болгаровъ пекли хлѣбы такой величины, что одного было довольно для накормленія десяти человекъ. — Епископъ болгарскій Теофилактъ, рассказываетъ, что одинъ человекъ былъ одержимъ такою прожорливостію, что десяти хлѣбомъ болгарскихъ не насыщали его. — См. Новый источникъ для бол-

Въ Бѣлоруссіи освящались, послѣ жнива; хлѣбы, ^{Заживки въ Бѣлоруссіи.} гумно и поля. Еще въ концѣ XVI. в. (1581 г.), совершались тамъ многіе языческіе обряды. — Одинъ со-временный писатель, бывшій свидѣтелемъ заживныхъ обыкновеній, передалъ намъ извѣстіе. Въ день Георгія осенняго (ноября 26), обитатели въ Поруссіи (нынѣшней Пруссіи), Самогичи, Литви, Бѣлоруссіи и Лифляндіи, приносили жертвы богу Пергрубію (Pergrubium), коего считали покровителемъ цѣлота, растѣній и хлѣбородія. Жрецъ, называемый Вуршайтентъ (Vurschayten), держа въ правой рукѣ чашу, наполненную виномъ, обращался къ божеству отъ имени благодѣтельныхъ духовъ; возносилъ его похвалами и говорилъ: «ты изгоняешь зиму и возвращаешь намъ радостную весну. Поля и сады, роши и лѣса, зеленѣютъ по твоей волѣ.» По окончаніи хвалебнаго пѣнія, бралъ зубами чашу, выпивалъ изъ нея вино и бросалъ сосудъ чрезъ свою голову на землю. Потомъ, онъ поднималъ его съ земли, наполнялъ вновь виномъ, давалъ всѣмъ присутствующимъ пить по порядку, и тогда всѣ пѣли хвалебныя пѣсни въ честь Пергрубія. Въ заключеніе пировали цѣлый день и забавлялись хороводами. По созрѣніи на поляхъ хлѣба, земледѣльцы собирались приносить жертву тому же Пергрубію, и это время называлось у Бѣлоруссовъ *заживками*, т. е: начало жатвы. По совершеніи жертвоприношенія, всякій осматривалъ жатву и приглашалъ къ себѣ на помощь сосѣдей или кого либо другихъ. Съ окончаніемъ

гарской исторіи IX в., помѣщ. въ Славянск. сборн. г. Савельева-Ростиславича с. 40-41 и 55. Въ новомъ источникѣ для болгарской исторіи, указано на открытіе, доселѣ вовсе неизвѣстнаго сочиненія, епископа болгарскаго Теофилакта, но только не рѣшено споръ: къ какому вѣку приписать должно? къ IX или XI вѣку?

жатвы, отправляли торжественное благодареніе въ честь оживокъ, состоявшее въ жертвоприношеніи хлѣбныхъ колосьевъ. У Поруссовъ приносили козла и жгли еще на жертвенникахъ янтарь. — Тамъ народъ, привезъ въ житницу козла, убивалъ его. Вуршайтенъ возлагалъ обѣ руки на жертву и зывалъ къ покровительствующимъ богамъ. (*), какъ бы присутствующимъ въ житницѣ. По возваніи поднимали козла вверхъ, и въ такомъ положеніи держали его въ продолженіи нѣвня; потомъ опускали его на землю. Тогда жрецъ произносилъ народу поученіе, и совѣтовалъ старшинамъ соблюдать этотъ обычай впредь, съ должнымъ благочестіемъ, и потомъ, кровью убитой жертвы, окроплялъ собраніе. Мясо отдавалось женщинамъ, которыя варили въ той же житницѣ. Въ это время мушины приготовляли, изъ крупчатой муки, лепешки, которыя не сажали въ печь, но ставъ вокругъ очага, перебрасывали ихъ черезъ огонь, пока онѣ не изсушивались. Къ приготовленному пиру собирались всѣ; день и ночь проводили въ забавахъ и пѣніи. На другой день рано утромъ выходили за городъ, на то мѣсто, гдѣ пировали, и остатки загребали осторожно, чтобы ни птицы, ни звѣри не пожирали ихъ. По возвращеніи домой, каждый снова повторялъ свой празденіи. (**)

(*) А именно: Оккопирву, богу неба и земли; Антримпю, богу морей; Гардстену, богу мореплавателей; Потримпю, богу рѣкъ и источнику; Пильту, богу богатствъ; Пергрубю (Pergrubium), богу весны; Паргну (Pargnum), богу громовъ и погоды; Киклю, богу ада и мрака; Покколю, богу воздушныхъ перемѣнъ; Путскету, богу священныхъ рощей; Авскету, богу чуждѣности и печали; Маркопполю, богу вельможъ и дворянъ; Барстукку, богу подземному.

(**) Melletii: De relig. et sacrificiis veterum Borussia. epist., c. 258—259, ed. Spiraе, an. 1582, in 4., помыш. въ соч. de Russar.

И въ наше время, когда поспѣваетъ жатва, зажиточный хозяинъ даетъ пиръ своимъ сосѣдямъ: угощаетъ водкою и пирогами, и проситъ ихъ помочь ему въ сборѣ ранин хлѣба. Многіе служатъ молебни, и потомъ окропляютъ поля и жнецовъ святою водою. Хозяинъ или священникъ, беретъ серпъ и дѣлаетъ начатокъ; первые снятые колосья, называются зажинками. Ихъ хранить до будущаго года.

Жатвенное угощение въ русскихъ и литовскихъ зажинкахъ

Посадяне, до начатія еще жатвы, дѣлаютъ свои замѣчанія о дороговизнѣ и дешевизнѣ хлѣба, по находящимся колосьямъ. Если рожъ цвѣтетъ снизу колоса, то утверждаютъ, что будетъ низкая цѣна на хлѣбъ; если съ середины, то средняя; сверху колоса, высокая или дорогая.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ обыкновеніи, что свекровь зажинаетъ молодую сноху, поступившую въ ея семейство только въ первый годъ жатвы. Свекровь накрываетъ снопу полотенцемъ и даетъ своей снохѣ вязать его, — тогда сноха будето *работающая*. — Если явятся во ржѣ заломы, т. е: заломленные колосья на нивѣ, то они производятъ большой страхъ между жнецами, которые далеко обходятъ ихъ и боятся прикоснуться къ нимъ. Залому этому виной колдунъ, который, не зная какъ отвязаться отъ нечистой силы, вѣчно проситъ у него работы, даетъ ей заламывать колосья ржи; потомъ усаживаетъ каждого чорта въ заломанный или перегнутый имъ колосъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы всякій изъ нихъ вошелъ въ душу человѣ-

Moscovit. et Tartaror. ritu. — Bergius, въ сочиненіи de statu ceclesiae et religione Moscovitor., ed. Lub. an. 1709. in 12, приписываетъ сочиненіе de Russor. Moscov. et Tartar. ritu, Одерборнію, извѣстному жизнеописаніемъ Царя Іоанна IV грознаго, коего онъ былъ современникомъ.

ка, какъ скоро кто дотронется до него. Эти вало́мы, по мнѣнію народа, страшны еще потому, что они ваводятъ бѣснованіе на всѣхъ, особенно на женщинъ, которыя безъ вало́мовъ подвержены бѣснованію. Кричатъ въ церквѣ, коверкаются, сумашедствуютъ и ругаются надъ святынею. — Чтобы изгнать злой духъ изъ перегинутыхъ колосьевъ, приглашаютъ на ниву священника, который, окруживъ ее народомъ, служить молебенъ и потомъ зажигаютъ ниву. — Колдунъ никакъ не можетъ вынести этого: онъ подходитъ къ вало́мамъ и вынимаетъ оттуда чертей, иначе они замучатъ его.

Литовскіе зажинки (pariūšene) были извѣстны тамъ съ самаго древняго времени. Хозяинъ, нажавъ снопы ржи, приносилъ его домой и ставилъ въ уголѣ; на другой день начиналась жатва. Нынѣ измѣнилось тамъ: одна изъ жницъ, захвативъ серпомъ пучекъ ржи, связываетъ и откладываетъ въ сторону; за нею начинаютъ потомъ жать всѣ прочіе. По окончаніи работы, первая жница укрывается полевыми цвѣтами и она впереди всѣхъ несетъ снопы съ торжествомъ, на хозяйскій или господскій дворъ. Тамъ ихъ угощаютъ всѣхъ. Въ послѣдній день жатвы, называемый дожинки (dārūšene), плетутъ изъ послѣдняго сжатого хлѣба вѣнокъ, перевиваютъ его травами и цвѣтами. Изъ среди жницъ выбираютъ молодую и на ея голову кладутъ вѣнокъ: толпа поетъ вѣсни и всѣ, при громкомъ вѣсніи, отправляются на хозяйскій дворъ. Хозяинъ встрѣчаетъ ихъ съ радостнымъ привѣтствіемъ. Жницу съ вѣнкомъ принимаютъ въ избѣ съ хлѣбомъ и стаканомъ пива на блюдѣ. Послѣ снимаютъ съ ея головы вѣнокъ и подаютъ хозяину, который хранитъ его въ своей избѣ до слѣдующей жатвы, какъ Божее благословеніе. — (')

Жатва сопровождается обыкновенно пѣніемъ радостныхъ пѣсней и дружной работою. У дунайскихъ Славянъ находится великое множество причитаній: на созрѣніе, жатву и уборку хлѣба. Въ то время тамъ угощаютъ жнецовъ пирогами и пивомъ. Словаки и венгерскіе Славяне, такое же соблюдаютъ обыкновеніе. Въ ихъ устахъ еще сохранились причитанія на засѣваніе поля, работу жнецовъ и снятіе хлѣба. Богатое и обширное поле жатвы, требуетъ многихъ жнецовъ, потому у нихъ говорится, при этомъ случаѣ:

Причитанія
Словаковъ на
посѣвъ,
созрѣваніе
хлѣба съ
полей.

Нашъ Патеръ са дива, чи са дожде нива ?
Дожне, акъ да женцомъ пироговъ и пива ;
Дожне, ай повяже, ай сноси до крижовъ.
Акъ слуби вязачомъ, винетка а слижовъ.
Винецко са уроби, кымъ не падне роса,
Акъ да работникомъ днесъ вечеръ ядома.

На широкую и засѣянную хлѣбомъ полосу :

Ланы мои, ланы, вы широкѣ ланы :
Пре чо ты шугайко кажды чловекъ гани ?
Требасть теба гани цѣлы широки светъ,
И ты рада, видожъ, шукай го бгы кветъ.
Нашъ : Требасть ты машъ дѣвчѣ пышнѣ цѣлы ланъ,
А я зень ту за градечку яко ланъ :
Не будешь ма,
Неи можна,
Тысь дѣвечка, тысь дѣвечка фалесна !

Пѣснь влюбленнаго, при жатвѣ хлѣба :

Эй лѹка, лѹка, зеленѣ лѹка !
Рѣдбыхъ са женить, не машь клѣбѹка.

Эй лавы, лавы, зелене лавы,
 Радбыхъ са женить, немамъ пенязи.
 Эй житко, житко, зелене житко !
 Подъ ме милá, зожнеме вшетко.
 Эй граштекъ, граштекъ, зелены граштекъ
 Подъме ма милá, тамъ на тень врштекъ.
 Эй вика, вика, пекна ярна,
 Залюбу сомъ ты шварна дѣвчина.
 Эй ячмень, ячмень, зелены ячмень!
 За тобой милá шелитьса зачнемъ.
 Эй овесь, овесь, зелены овесь!
 Въръ милы недбамъ, требасть са обесь.

Другая пѣснь влюбленнаго, проникнутая чувствомъ протосердечія и любви:

Кедь моя миленька въ поли житко жала,
 Я самъ шпелъ около ней, на мня заволала.
 Пыталъ сомъ са милей: чо хце се мной жати?
 Поведала же хце въ ласце сталеи се мной жити.
 Саднулъ чомъ си съ милой подла на ходничекъ,
 Слѣбовалъ семъ же тѣ будемъ верны мѣловничекъ.
 Кедь сме находничку, се дѣти застали,
 Дали сме си паръ губничекъ, ай руки подали.
 Якъ живъ семъ я не былъ въ такомъ потѣшеніи,
 Мислелъ семъ си же ве светъ ветши радость нѣни.
 Кдыжъ семъ адъ миленьки ужъ домовъ носилихалъ,
 Такъ то семъ си цѣлау често къ мему Богу здыхалъ:
 Поможъ Боже, поможъ зъ милой се себрати,
 Абы сме мы могли въ ласце вечнѣ сѣтрвати.
 Чо семъ си винішовалъ, чо семъ себе жадалъ,
 Досталъ семъ то шварнѣ дѣвче, ктерѣ самъ мѣловалъ.

Воспоминаніе влюбленной дѣвушки:

Влакомъ слуняцко, влакомъ,
 Пойдемо домо мракомъ.
 Я се мракомъ не боимъ,
 Ленъ си съ милымъ, постоймъ.

Мраку сонъ: се, небала,
Ленъ сонъ съ милымъ поседа!

При захожденіи солнца:

За горъ слунечке, за горъ,
За тень зелены яворъ
За тень найзеленѣйши,
Кде въ муй напичкѣйши.

Воспоминаніе дѣвушки объ отсутствіи своего милаго:

Кобы я мила: милаго дома;
Та домо, та домо!
Але я не мамъ милаго дома;
Не домо, не домо!
Але си пошлемъ коня враняго,
Оседланяго, пре мойго милаго.

Грусть о миломъ:

Соколе бѣлы птѣкъ! ты высоко лѣтаешъ,
Чи мойго милаго тамъ дадѣ не видашъ?
«Видамъ го я, видамъ въ томъ широкомъ полу,
Тамъ смутны сѣдѣва при чѣрномъ тополу!»

Пѣснь жатвенная:

Чіе же то яриѣ житко,
Подъ горѣми,
Подъ горѣми,
Подъ горѣми?
Выбили го вранне коне,
Подковами,
Подковами.

Зелена е поганочка (Гречиха)

Зелена е,

Зелена е,

Зелена е.

Трайже ю душа моя,

Вонява е, (пахучая).

Вонява е.

Скочила сомъ до заграда (въ садъ)

Скочила сомъ,

Скочила сомъ,

Скочила сомъ.

Отерла сомъ три ружички (ровы),

Воняла сомъ, (была получая)

Воняла сомъ.

Около мня шуганчко.

Около мня,

Около мня,

Около мня.

Ако птачикъ ярабачикъ.

Около пня,

Около пня.

При созрѣніи гречихи и проса :

Една жала татаречку, друга жала просо,

Една бола въ жлтыхъ чижмахъ, другá бола босо.

Една мала годбавъ одѣвъ, другá мала плáтно.

Една боло цифравано, другá лѣвця шварно.

Гречиха :

Въ зеленой пáганце седемъ паровъ воловъ :

Оставай на мила, съ милымъ паномъ Богомъ.

Просо :

Вылетѣла препенелка въ просо,
А я за ней бѣжала сомъ боса.
Идемъ са я моей машинкѣ рѣзывать,
Чи я макъ ту препенелку хытати.
«Хытай же ю діовка моя, хытай;
Ленъ же са ты хвостика не тыкай.»

Макъ :

А може то, ако сею макъ!
А то такъ,
Сею макъ. —

Когда цвѣтеть рожъ :

Зелено житко до колена,
Везми ма млы на колена.
Зелено житко заквитавъ,
Ужъ ма муй млы занехавъ.

Тоже :

Насяй сомъ житко, не будешъ го житъ;
Миловай сомъ дѣвца, не будешъ го братъ.
«Ленъ са ты шугай житко вожны,
Ленъ си ты шугай дѣвца везни.
Ленъ си ты шугай житко вымлаты,
Ленъ же мнѣ шугай сарца на враты.»

Рожъ и обѣтъ :

Поведай си же ма везишъ.
Кель на поли житко домишъ?
Ужъ си вожаи и повизаи,
Еще си ма предна не везаи. —

Готуй, пане таньаре,
 Иду домо вазаре,
 Еденъ вазаръ намъ досталъ;
 Главны болешъ досталъ: —

По оконаніи жатвы:

Будь похвалень, пане Богъ нашъ!
 Же помогай въ тепло часъ:
 Житко возжати, повязати,
 До стодола повязжати. —

По уборки хлѣба жнецы возвращаются домой торжественнымъ шествіемъ. Мальчикъ несетъ впереди ихъ изъ шелковой матеріи знамя; верхушка его украшается разными лоскутками, пучками полевыхъ цвѣтовъ и хлѣбными колосьями. Подаетъ него или за нимъ, идетъ дѣвушка съ вѣнкомъ на головѣ, который обыкновенно плетется изъ стебельевъ и колосьевъ, на подобіе короны; за нею идутъ поющіе жнецы. Они приходятъ или прямо домой или на хозяйскій дворъ. Вѣнецъ вѣшаютъ по срединѣ гумна или предъ его воротами, и остаются тамъ до новой жатвы. Потомъ поютъ на двѣ половины:

Кторей же днесъ, кторей, увіснє пенны?
 Той, ктору выбдє найкрайши младенєцъ.
 Кому же днесъ, кому даме нєсть заставу?
 Тому, чо тѣ пода свою ручку праву.
 Тєнь Овдринъ Славине, та Анна Благєє.
 Тобы боу пенны парь, нобы нмъ панъ Богъ давъ!
 Пани наши, пани, отворяйте браны,
 Нєсѣмє вамъ дарикъ, женцѣвъ пенны паринъ.
 Идѣ женщины зъ роли, прєствройте столы,
 Столы яворє, обрусы кєсєтєвє.

Другая пѣснь:

Нашего пани живо,
 Скоро се докончило,
 А суседово живо,
 На помы въ полу сгидло.
 Нашего пани живо,
 Теразъ се докончило,
 А суседово стои,
 Бо се го челады бон.
 Живо сме доконали,
 Пальце сме порезали.
 Треба бы намъ рентечки,
 Позавиѣць палечки.
 Наша пани не пышна,
 На врата ку намъ вышла,
 Богу се помодила,
 Же живо докончила.
 Несеме нану винокъ,
 А пани подарунокъ. —
 Панови до столомы,
 А пани до коморы (*)

Жатвен- У Сербовъ такъ же имѣются жатвенныя пѣсни, вотъ
 ния вѣ- некоторые:
 сти у Сер-
 боовъ.

Надежнѣва се момак и девојка:
 Момак маже двадсет и три снома,
 А девојка двадсет и четири.
 Кад у вече овечери било,
 Момак пије двадсет и три чаше,
 А девојка двадсет и четири.

(*) Kollar: Národ. Zpiew, ч. I. с. 303-310.

Кад у јутру бео дан освану,
Меник Јамы, ни главо не дижа,
А девојка нитан всак пеза.

По окончаніи жатвы, жнецъ беретъ пукъ колошевъ, перебривааетъ его по срединѣ, и становится въ херуводный кружокъ. Дѣвушки ходятъ вокругъ него съ пѣніемъ, и въ то время каждая старается выдернуть соломенку. Кто выдергнетъ, той быть за мужемъ.

Да с'ватемо танке сламке, танке, танане,
Да гледамо, ко ће с киме да се любимо.
Ватајте се танке сламке, танке, танане,
Да гледамо, ко ће кому у среби пасти.
Коме старо, коме младо ком' што срећа да.
Било старо, било младо любинѹ га ја,
Косе не ће полюбити, убо га Бог!
Убила га света Петка Параскевија!
Пуштајте ее, беле руке не држите се,
Косе с киме уватко, да се любимо (*)

Задунайскіе Славяне, весьма богатые въ изліяніи простосердечныхъ чувствъ, обнаруживаютъ ихъ во всей своей жизни, своихъ занятіяхъ и работахъ. У нихъ существуютъ поговорки, причитанія и пѣсни, даже на самое кушанье. — Въ Россіи равно существуютъ свои причитанія и пѣсни, но онѣ извѣстны одному народу. Мнѣ случалось много разъ слышать причитанія на многія вещи, но время изгладило изъ моей памяти, а обстоятельства не дозволили собирать ихъ. — Въ Малороссіи

(*) Караджичъ : Народно српске пјеме, Лип. 1834 года кн. I. с. 42-47.

зажививныя причитаѣмъ въ болѣешемъ употребленіи, и онѣ во многомъ сходствуютъ съ славянскими.

Зажививны
и обильны
ки въ Ма-
лорос-
сіи.

Малороссійскій хозяинъ отправляется прежде осмотрѣть свое поле: не пора ли жать? Если хлѣбъ созрѣлъ, то онъ, нарвавъ пучокъ колосьевъ, принесетъ ихъ домой, закладываетъ на образа и тамъ оставляетъ ихъ до сѣдующаго урожая. При принесеніи ихъ колосьевъ, происходитъ въ домѣ общее веселіе: всѣ радуются и ждутъ съ нетерпѣніемъ началія жатвы. Хозяинъ, если самъ не можетъ управиться, то онъ отправляется къ сосѣдамъ и ихъ проситъ помочь ему. Когда онъ появится съ жнецами въ полѣ, тогда онъ прежде всего дѣлаетъ крестное знаменіе, обратясь къ востоку лицомъ, и говоритъ: *помози Боже сожати житю, пшеницю и всяку пашницю*, и первый захватываетъ серпомъ рожъ; за нимъ начинаютъ жать и всѣ прочіе. Начало жатвы называется заживками. Иногда, вмѣсто хозяина, зачинаетъ жница, извѣстная своимъ благочестіемъ.

Собіраніе хлѣба сопровождается пѣніемъ, исполненнымъ душевной радости. По полямъ раздаются беззачетно игривыя пѣсни; сама природа, кажется, веселится съ жнецами: все имъ благоухаетъ и все живить упительной веселостію. — Смотря на нихъ, сердце невольно завидуетъ ихъ счастью. Душа свободы, доверчивая откровенность и простосердечное самодовольствіе, ставятъ ихъ выше всѣхъ счастливицевъ въ мірѣ. — Ряды жнецовъ работаютъ дружно. Малые и большіе: съ серпами въ рукахъ, съ граблями на спинѣ, всѣ трудятся и всѣ поютъ. — Пѣсни зажививныя поются безъ разбора, но чаще всего шуточные и веселыя:

Казала намъ пивка,
Що є у пана горилка,
Въ комори, на полиці,

Въ крестателной складанихъ,
Въ коморѣхъ: видѣлавого,
Приросла муравною.

На гори крыниця,
Коло неи пиенниця.
Жали (и жинцы),
Та сами молододцы;
Хлопцы вусатыи,
И дивки косатыи.
Добра нивонька буда,
Сто копъ уродыла.
Що кона, то колода,
Надоби награда.
Запрягайте волю,
Идите по подпору:
Скирдтоньки подпираты,
Вязальниковъ прошаты. —

У нашего пана,
Золотая брама,
Золотая присна,
Сило вязальниковъ зъ триета.
Не добру долиньку має,
Рано зъ поля сызжае,
Тылько тужаночка,
Що жинки не має.

Ой у чужого господара обидаты пора,
А у нашего господара ще и думки не ма.
Ой паноньку нашъ! обидаты часъ!
У чужого господара горилочку пьють,
А у нашего господара воды не дають.
Ой паноньку нашъ! обидаты часъ!
У чужого господара полуджовиты поря,
А у нашего господара ще и душки не ма.

Ой паноньку нашъ! полудноваты часъ!
 У чожого господаря полелудновалы,
 А у нашего богатого ще й не думалы.
 Ой паноньку нашъ! полудноваты часъ!

Закатылось сонечко
 За виноградный садъ.
 Цилуйтеса, милуйтеса,
 Кто кому радъ.

Ой Маруся зъ Иванькомъ
 Цилувалась, милувалась,
 И ручницку дала:
 Отъ се тоби, Иваньку,
 Рученька моя!
 Ой якъ пождемъ до осени,
 Буду я твоя.

Выйди паноньку до насъ,
 Выкупъ винецъ у насъ.
 Положи червоного,
 Видъ винца пологого.
 Бо якъ не выйдешъ до насъ,
 Не выкупитиъ винца у насъ.

До корчмы понесемо,
 Отъ до того жнда;
 Горилки напьемось,
 И не будымъ до обиды. —

Эту пѣснь поютъ еще, когда жнецы, возвращаясь на господскій дворъ, встрѣтить дочь хозяйки, и требуютъ, чтобы она выкупила у нихъ ѡбнотъ. Дѣвушка выкупаетъ, платя имъ по чарки водки.

Ой чѣ жъ то поле,
 Зажовуло степя?

Иванове поле,
 Замештало стоя..
 Женцы молоды,
 Серпы золотыи?
 Ой чіе жъ то поле,
 Задремало стоя?
 Гришкове поле,
 Задремало стоя..
 Женцы все старыи,
 Серпы все изломаны.
 А мы своему пану,
 Наробыли славу:
 Житечко пожалы,
 Въ снопы повязалы,
 У копы сложили.
 А мы своему пану,
 Наробыли славу.
 Ой паноньку нашъ,
 Обжиночки часть!
 Благослови жъ Боже!
 Обжиночки часть.

Ой упала нивка въ кинцы матырынка,
 Тамъ дивчина жито жала, сама чернобрылка.
 Идетъ козакъ дорогою : помогай Бигъ жинцы!
 Вона стала, отгадала, сердынькомъ назвала.
 Сія жъ слава на все село пала,
 Що дивчині козаченьніи сердынькомъ назвала.
 А щожъ, моя маты, неженатый хожу,
 Калыночку дошло?
 Оженися сынку, оженися Максимку:
 Возьми соби панянку, у шинкарки дочку.
 Шинкарчина дочка мени ни равная..
 Ходить вона до рыночку, дить королева.

Мени зъ нею не стати, тай же говорыты,
Только стати, шанку шныты.

Ой за гасемъ, гасемъ, гасемъ зелененькимъ,
Тамъ орала дивчицеца
Волыкомъ чериенькимъ —

Орала, орала, ни щидла гукаты,
Тай наняла москалика (*) у скрышку граты.
Мос каликъ, играе, бровамы моргае.

Чорты батька его знае, чего линиъ моргае!

Чи на мои дры, чи на мои коровы?

Чи на мое биле личко, чи на мои черны бровы?

Волы и коровы уся позыдають,

Биле личко зъ румянцемъ ни злиае.

Ой покинувъ сизый голубъ на поли живицца,

Ой похваъ москаликъ у Польшу женицца!

Шумытъ, шумытъ дубровонька, шумытъ зелененька,

Плаче, плаче дивчицеца, плаче молоденька.

Ой ждала я, ждала, нема моего пана.

Ой пйду я до домочку, та зайду въ комеру.

Въ мой комери тай всего довольно,

Только того не довольно, що я одна въ комери.

Стану билу постель слаты:

Была постель мени не мила, ни съ кимъ размалаты.

Ой прильнувъ сизый голубъ зъ поли, ни парцисъ.

Ой прихавъ москаликъ зъ Польши, ни женившись.

Ой не шуми дубровонька, та ты зелененька;

Не плачь, не плачь дивчицеца, та ты молоденька.

Кошу я та кошу, досередь покосу,

А такую наляку николи не брошу.

Пйду я на ричку, та пймаю шуду.

Возьму я наляночку за билую ручку.

(*) *Москал*, уменьшительное отъ *негровъ москал*, значить Русской. — Иные поютъ еще: *тай наняла козаченька*, и т. д.

Ой горе, горе, несчастная, дядя!
 Изарала Марусенька бровесеньками пале,
 Карыни очима тай заволочила,
 Дрибнесенькими сливочками все поле омочила.

Ой по горахъ, горахъ, пищеченяни яры,
 А по долинонькамъ щелковимъ травы.

Ой на тій же на травони, коровки столды.

Марусю пытали:

Марусенька, пам'ять, чи пам'ять твій дома?

Нема мого пана, конівавъ на лави.

Колы нема пана, відды де насъ сажа:

Марусенька вийшла, въ черешнякхъ вийшла,

Середь двора стала, коней аспинала:

Ой ни есть же вы козапеньки,

Вы бурлаки-разбойники!

Мого пана убили в коней забрады.

Не правду говоришь и насъ козачишкисвъ,

Въ безславопкку вводисвъ.

Бо сіи кони въ степи покунды,

На зелений отавди за гроши получили.

Булы жъ у насъ сваты, — зеленіи дубки,

Була у насъ шинкарочка, — билая березочка.

Могорычи запырады, — водичей въ крышниц.

Послала мене маты,

Зеленого жыта жаты.

Ой нуте косары,

Що не рано почали!

Хоть не рано почали,

Да богадько утали.

А я жыта де нажада

Въ борозденьки пролежала.

Ой нуте косары, и т. д.

Напхали чужеземцы,

Нашли мене въ борозденьки.

Ой нуте косары, и пр.

Осердылася Марыша,

Що не кошачий домыли,
Ой нуте косары, и пр.

Отозвался чернобровый:
Не сердись моя Марыно!

Ой нуте косары, и пр.
Мы покосимъ, погребемъ,
И въ копелъцы сложимъ.

Ой нуте косары, и пр.
Черезъ твои были ручки,
Нема еще жита въ кучки.

Ой нуте косары, и пр.
За твои черны брови,
Мы накосимъ перелогы.

Ой нуте косары, и пр.
За твою ласку,
Готовъ выдать копей кублачку

Ой нуте косары, и пр.
Пийшла маты до Нылева,
Мене въ дома покинула.

Ой нуте косары, и пр.
Мени маты наказала,
Робыты дома приказала.

Ой нуте косары, и пр.
Робы, донько моя, робы,
За всимъ сама ходы.

Ой нуте косары, и пр.
Хто робыты полиниця.
Тому ляхо приключиця.

Ой нуте косары, и пр.
Пришла маты, засветыла,
Мене дома не зустріла.

Ой нуте косары, и пр.
Продай маты дви корёвы,
Купы мени чорны брови.

Ой нуте косары, и пр.
Продай маты дви телниця,

Купи мени два снодійця.

Ой нуте косары, и пр.

Продай мати нутти миру,
Сведи мене въ тому жовнарку.

Ой нуте косары,
Що не рано почали!
Хоть не рано почали,
Да богацько утали.

Звелела мени мати,

Ячмню жати.

Жми, жми, моя доненько!

Жми, жми, мое серденько!

Ячмню не жала,

На межі лежала.

Лежи, лежи, моя доненько!

Лежи, лежи, мое серденько!

Снопчикъ нажала,

Къ сердечку прижала.

Жми, жми, моя доненько!

Жми, жми, мое серденько!

Ячмнее зернячко,

Укоголо сердячко.

Терпи, терпи, моя доненько!

Терпи, терпи, мое серденько!

Ой жми терпала,

Да жми вомила.

Мій, мій, моя доненько!

Мій, мій, мое серденько!

Щобъ сердце зничити, —

Треба козака любити.

Люби, люби, моя доненько!

Люби, люби, мое серденько!

Щобъ моя мати,

Въ козакомъ мени гуляти.

Гуляй, гуляй, моя доненько!

Гуляй, гуляй, мое серденько!

Еще жъ моя ната,
И волю сну давати.

Давай, давай, моя дошенька!

Давай, давай, мое сердешно!

По окончаніи работы дѣвушки плетутъ ржанный вѣнокъ, который перевиваютъ цвѣтами и травами. Мушны связываютъ особый снопъ и перевиваютъ его рожью, а иногда цвѣтами. Вѣнокъ надѣваютъ на голову одной изъ красавицъ, предъ кою мальчикъ несетъ снопъ. Прочія дѣвушки окружаютъ свою подругу, такъ же съ вѣнками на головѣ, но плетенными изъ васильковъ, незабудочекъ, коловальничковъ и другихъ полевыхъ цвѣтовъ. Всѣ идутъ къ хозяину на дворъ: тамъ онѣ дарятъ его снопомъ и вѣнкомъ, и желаютъ ему дождаться еще изобильнѣйшей жатвы. Хозяинъ выслушиваетъ ихъ съ трогательною признательностію, благодаритъ и всѣхъ проситъ *отвечеряти* (отужинать); вѣнокъ и снопъ вносятъ въ избу и хранятъ за образами до будущей жатвы.—На дворѣ, подъ открытымъ небомъ, угощаются всѣ ужиномъ хлѣбосольнымъ и радужнымъ.

Въ послѣдній день жатвы, называемой обжинками, жнецы идутъ съ равнымъ торжествомъ на господскій или хозяйскій дворъ. Тамъ давно стоятъ для нихъ столы накрытые.—Грешивыя дѣвушки съ саломъ (кѣлки) ставятъ на столъ, и тутъ уже подносятъ по чаркѣ водки. Хозяйка находится безотлучно при сельскомъ, но гостепріимномъ ужиинѣ, и проситъ всѣхъ *вечеряти* какъ у себя дома. — Въ другихъ мѣстахъ, по уборки хлѣба съ полей, угощаютъ жнецовъ въ одинъ изъ дней свободныхъ отъ работъ, или въ праздникъ, особымъ обѣдомъ, при чемъ подаютъ горячіе пироги изъ мяса, творога и паляницы со сметаной; потомъ борщъ, молочную кашу или дашу, жаркое изъ говядины или баранины. Въ продолженіи обѣда жарка съ водкой

постоянно ходить по рукамъ. Самъ хозяинъ съ хозяйкою раздѣляютъ общій столъ; и они строго смотрятъ, чтобы всѣ были сыты и довольны. Въ заключеніе подаютъ варенуху, и день непременно обращается въ праздникъ *обжинокъ*. Послѣ стола гостепріимные хозяева надѣляютъ жнецовъ пирогами и паланищами, или чѣмъ другимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносятъ въ церковь *первинки* для освященія, которые состоятъ изъ новопеченнаго хлѣба, и если въ то время созрѣли плоды, то яблоки и груши (*). На особой деревянной тарелкѣ ставятъ медовые соты, а на прочихъ первинки. Священникъ, отслуживъ благодарственный молебенъ, окропляетъ первинки священной водою и потомъ они съ благовѣніемъ раздаются домашнимъ; нѣкоторую часть изъ нихъ оставляютъ и хранятъ дома, какъ предохранительныя средства отъ многихъ болѣзней. —

Здѣсь, по окончаніи жатвы, выбираютъ женщины изъ ^{Обжинокъ въ черной Россіи.} дѣвушекъ одну прелестнѣйшую и украшаютъ ея голову плетенымъ вѣнкомъ: изъ ржи и васильковъ. Хоръ дѣвушекъ, окруживъ ее, отправляется съ нею къ господскому дому, при пѣніи радостныхъ пѣсней. Помѣщикъ встрѣчаетъ ихъ на крыльцѣ, и потомъ подходитъ въ увѣчанной: снимаетъ съ нея вѣнокъ и благодаритъ жнецовъ за успѣшное и благополучное окон-

(*) Повсюду въ обыкновеніи, что при кушаніи въ первый разъ первинкою, или при видѣ на комъ либо обноты, дерутъ за уши, какъ бы въ наказаніе, за вкушеніе плодъ, напоминая этимъ, что за вкушеніе запрещенныхъ плодовъ, были изгнаны изъ райа первые два человека. — Въ послѣдствіи это обстоятельство примѣнено къ обнотѣ, при чемъ уже люди, не привыкшіе драть за уши, поздравляютъ съ обнотой. — Этотъ обычай господствовалъ по всему востоку.

чаніе работы. За тѣмъ онъ угощаєтъ ихъ водкою и ужиномъ, или даетъ имъ на водку. Между тѣмъ въ его комнату появляются на стѣнѣ вѣйки, съ пукомъ колосовъ.

Въ Подлясін (червоной Россіи) *посадица* (старшая изъ жнецовъ) начинаетъ всякій разъ жатву, обряднымъ дѣйствіемъ. Связавъ снопъ хлѣба, она поднимаетъ его въ гору, и произноситъ громко:

Ото наша веселка,
Одъ полудня до вечера :
Щобъ жалось веселенко,
И здоровенько,
И Богу миленько,
И людямъ и намъ,
И нашимъ панамъ.

А жните, пожинайте,
Колосъ побирайте.
Не стоить панъ о колосъ
Оно' о соломѣ,
Поживаты стодалу и обору.
Мій снопъ воевода,
Ходить коло города;
Мій снопъ остаецъ,
Поведе посадицу въ танецъ.
Що поведе, поцмуге,
Медомъ, винцомъ почастує.

Съ окончаніемъ причитанія, она бросаетъ изъ за своей головы снопъ, въ ознаменованіе тяжелыхъ работъ жнецовъ (*).

Пожни-
ки и ви-
винки.

Въ другихъ мѣстахъ (пензенской и симбирской губерніяхъ), существуютъ пожинки. Тамъ, по окончанія жатвы,

собирается народъ въ поле дожидать послѣдніе загонны, и когда уже свяжутъ послѣдній снопъ, называемый *имляники*; тогда наряжаютъ его въ сарафанъ и кокошникъ, и съ пѣснями несутъ его на господскій домъ, гдѣ жнецовъ угощаютъ пивомъ и виномъ. (*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, послѣдній снопъ такъ же называется *имляникомъ*. Ему придѣлываютъ руки, убираютъ въ пестрое женское платье и несутъ его на хозяйскій дворъ, гдѣ ожидаетъ ихъ богатое угощеніе. Хозяинъ печетъ тогда коровай изъ новаго хлѣба и раздѣляетъ его между своими гостями. Въ сѣверо-восточной Россіи такъ же пекутъ коровай, но его водносятъ жнецы хозяину въ подарокъ. Въ смоленской губерніи придѣлываютъ къ снопу руки, надѣваютъ на него бѣлую насовку, а на вершину снопа кичку, или наматываютъ женскій уборъ, называемый *накидка*, и двѣ женщины несутъ на господскій дворъ. Хозяинъ выходитъ имъ навстрѣчу, жнецы поздравляютъ его съ счастливымъ окончаніемъ жатвы и бьютъ снопъ вѣтникомъ березовымъ, съ особыми приговорками, въ томъ предубѣжденіи, что животныя, истребляющія поля, истребятся послѣ этого таинственнаго обряда. Потомъ угощаютъ всѣхъ; пѣсни и пляски заключаютъ всеобщее веселіе.

Въ вологодской губерніи снятый послѣдній снопъ съ поля, называется *кумушка*. Тамъ собираются овесъ послѣ всѣхъ хлѣбовъ. Остатокъ его срѣзывается дружно съ корья, всѣми жнецами; верхъ этого снопа повязывается платкомъ. *Головная жнея* — первая, начинающая жать первый загонъ — беретъ *кумушку* и несетъ его въ домъ своего помѣщика, въ сопровожденіи пѣсней своихъ подругъ, которыя поздравляютъ своего ба-

(*) Снегирь: Русск. прост. праздн. и пр. выпускъ IV. с. 84.

рина съ двумя полями сжатыми а съ третьимъ засыян-
нымъ. Поблагодаривъ ихъ за усердіе, онъ принимаетъ
кумушку и ставитъ его въ передній уголъ подъ образами;
тутъ онъ остается цѣлую недѣлю; потомъ снимается и
хранится до Покрова. Въ этотъ день кормятъ куму-
шкой, рогатый скотъ, закармливаемый на зиму.

Въ саратовской губерніи по уборкѣ хлѣба наряжа-
ютъ солеменную куклу, въ кумачный сарафанъ; на
голову надѣваютъ чуплюкъ, на шею ожерелье и ук-
расивъ цвѣтами, несятъ чучело по селенію, съ пѣсня-
ми и плясками.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Литвы и Бѣлоруссіи, до-
жинки и пожинки называются *госпожками*.

Госпо-
жинъ
день,
осени,
осени-
ца, де-
жень
и
спасо-
день.

Въ другихъ мѣстахъ Россіи окончаніе жатвы из-
вѣстно подъ именемъ *спожинокъ, оспожинокъ, госпожи-
нокъ и опожиницъ*, а въ лѣтописяхъ *госпожинъ день*. По
мѣстному положенію они совершаются не въ одно
время, но всегда послѣ уборки хлѣба. Названіе го-
спожинъ день, произошло отъ древняго простонарод-
наго слова *спожинать*, доканчивать жатву. Въ Бѣло-
руссіи *Госпожа*, значитъ *Богоматерь*, а самый Успен-
скій постъ называется *госпожинками*, и въ это время
довершается жатва. Въ витебской губерніи обжинки
совершаютъ единообразно, какъ почти во всей Бѣло-
руссіи. Жнецы обоего пола, особенно дѣвушки и мо-
лодки, наряжаются въ праздничныя одежды и идутъ,
при пѣніи пѣсней съ самого поля, къ дому помѣщика.
Дѣвушки украшаютъ свои головы вѣнками, и одна изъ
нихъ, славящаяся красотою, идетъ впереди; за нею
всѣ прочія. Мужчины несутъ на плечахъ грабли и ко-
сы, а женщины держутъ въ рукахъ серпы: все идетъ
попарно, съ торжественной радостію. Помѣщикъ,
услыхавъ издалека голосъ поселянъ, выходитъ со
всѣмъ своимъ семействомъ къ нимъ на встрѣчу. Тол-

ны жнецовъ входятъ въ дворъ, поздравляютъ барина съ окончательной жатвою, и желаютъ ему дожидаться слѣдующей, еще изобильнѣйшей. Красавица снимаетъ съ своей головы вѣнокъ, и надѣваетъ его на голову барышни; если ее нѣтъ, то на голову молодой барыни. Тогда всѣ стоящіе попарно жнецы, кланяются ей, привѣтствуютъ и желаютъ, если это дѣвушка: добраго и богатаго жениха, а барыни дожидаться счастья своей дочери. Помѣщикъ угощаетъ всѣхъ: ужиномъ, водкою и пивомъ. Послѣ ужина они предаются забавамъ и играмъ, и потомъ расходятся по домамъ. —

Достоинно замѣчанія, что въ этой губерніи поселяне, во время жатвы, всегда надѣваютъ на себя чистое платье, и особенно щеголяютъ бѣлыми рубашками. При жатвѣ хлѣба дѣвушки становятся другъ противу друга, и поютъ попеременно пѣсни, и своими тѣлодвиженіями выражаютъ радость и печаль, любовь и безнадежность.

Въ Бѣлоруссіи *Госпожа* имѣетъ два названія: *малая Пречистая* и *большая Пречистая*. Первая означаетъ рожденіе Божіей Матери, а вторая Ея смерть или Успеніе. —

Въ большую Пречистую не только въ Бѣлоруссіи, но и въ Литвѣ, Малороссіи и во всѣхъ прочихъ мѣстахъ Россіи, совершаютъ освященіе созрѣвшихъ плодовъ, хлѣбныхъ колосьевъ, и медовыхъ сотовъ. Въ Россіи большая Пречистая извѣстна подъ именемъ *Успенщины*, а въ Малороссіи *Успенія*. — Съ Успеніемъ почти оканчиваются всѣ работы жнецовъ, и начинается повсемѣстная уборка и возка зерноваго хлѣба.

Въ Литовскихъ мѣстахъ уборка хлѣба извѣстна подъ именемъ *малыхъ осеннихъ*. Самое названіе осеннихъ показываетъ, что они произошли отъ осени, потому что въ эту пору оканчиваются полевые работы. Въ дру-

гихъ мѣстахъ отправляются *помишки* по мертвымъ въ осеннины, какъ въ дмитріевскую субботу или въ поминальные дни.

Въ костромской губерніи поселяне, предъ начатіемъ жатвы, молятся на три стороны, кромѣ сѣверной. По окончаніи жатвы оставляютъ на полѣ небольшой клочъ хлѣба, называемый *волотка на бородку* (волотка значитъ хлѣбный колосъ); обвязываютъ оставшееся соломою свои серпы и кладутъ ихъ въ домъ, предъ св. иконами. Другіе катаются по нивѣ, приговаривая: *жница, жница! отдай мою силку на пестъ на мѣшокъ, на колотило, да на молотило и на криво веретено* (*). Съ окончаніемъ жатвы, угощаютъ жнецовъ. —

Въ сѣверо-восточной Россіи совершаютъ овсянницу въ день св. Андріана и Наталіи, (августа 26). Жнецы несутъ домой снопы овса, и ставятъ его подъ образами въ уголъ, называемый *сутки*. Хозяинъ приглашаетъ ихъ садиться за столъ, и угощаетъ ихъ толокномъ, называемымъ сдѣсь *дежень*, а потомъ пирогами и овсяннымъ киселемъ или кашею. Во время кушанья сравниваютъ урожай овса нынѣшняго года съ прошедшимъ, и считаютъ *суслонами*, (количество сноповъ). Если нынѣшній урожай богаче прошлогодняго, то жнецы получаютъ отъ хозяина по немного всякой муки, въ противномъ случаѣ остаются довольными угощеніемъ, и благодарятъ хозяина и хозяйку за сладкій *дежень*, и выхода изъ избы, кланяются на четыре стороны. —

Ръ рязанской губерніи празднуютъ *аспосовъ* или *спосовъ* день, и нѣтъ сомнѣнія, что это спасовъ день, въ который приносятъ въ церковь для освященія первые зеленые плоды.

(*) Свєгир. прос. праздн. русск. и пр. вып. IV. с. 80-82.

Въ великой Россіи такоеже происходитъ радушіе при <sup>Домаш-
на и об-
женивъ
Россіи.</sup> собираніи хлѣба, и такъ же сопровождается пѣніемъ веселыхъ пѣсней. — Жатва повсюду есть предметъ радости. Богатая награждаетъ земледѣльца, скудная никого не веселитъ. — Предъ окончаніемъ жатвы жнецы угощаются хозяиномъ водкою и пирогами, и это угощеніе называется дежинками. Они употребительнѣе въ югозападныхъ частяхъ Россіи: въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и въ сопредѣльныхъ съ этими мѣстами губерніяхъ. — Тамъ вѣшаютъ вѣнки, изъ полевыхъ цвѣтовъ, въ полѣ на шестѣ; головы дѣвушекъ украшаются цвѣтами, а женщины и мужчины принимаютъ участіе въ забавахъ молодыхъ людей. Иногда дѣвушки составляютъ хореводъ около жита: ходятъ вокругъ него, побравшись за руки, и поютъ приличные своимъ забавамъ сельскія пѣсни. Вечеръ заключаютъ плясками подъ гудокъ, и возвращаются домой съ пѣніемъ и радостію.

Послѣ жатвы наступаютъ для жнецовъ обжинки, получившіе свое названіе отъ слова обжинать, окончить жатву. Хозяинъ приглашаетъ къ обжинкамъ не только жнецовъ, но часто сосѣдей и постороннихъ людей; угощаетъ ихъ сначала водкой и пирогами, печеными изъ новаго умолога хлѣба; потомъ щами, кашею и печенымъ, — обыкновеннымъ деревенскимъ столомъ, который однако не вездѣ одинаковъ: смотря по зажиточности хозяина, онъ измѣняется. — Остальное время дня проводится въ пляскахъ, хореводахъ и народномъ пѣніи. —

Рабочая пора у земледѣльца соединена съ замѣчаніями и обрядами, а время трудной работы называется <sup>Страда,
или стра-
дная по-
ра.</sup> *страдаю* или *страдною порою*. И это справедливо, потому что тогда земледѣлецъ болѣе всего терпитъ, и страдаетъ отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ. Онъ не жалеетъ ни рукъ, ни силъ: онъ работаетъ до изнеможенія. О, какъ часто, истощивъ свои силы, онъ никакихъ не помыш-

наетъ плодовъ! По этому самому, приступаетъ ли къ по-
сѣву или жатвы, онъ напередъ совершаетъ крестные
ходы съ св. образами, молитъ Бога уѣнчать его тру-
ды, и спѣшитъ принести во храмъ Божій первые пло-
ды отъ своего хозяйства.

Помочь
и другія
ея наз-
ванія.

Въ разныхъ полосахъ Великороссіи, происходитъ въ
августѣ мѣсяцѣ сельское пиршество, называемое *помочи*.
Многіе хозяева, когда остается на ихъ поляхъ хлѣбъ
не дожатый почему нибудь, тогда они созываютъ со-
сѣдей, чтобы помочь собирать его. — На дворѣ уже
заготовлены столы, съ хлѣбомъ-солью, пирогами и пше-
ничными калачами. Вдовы, нуждающіяся въ помочахъ
и не имѣющія способовъ угостить своихъ добрыхъ со-
сѣдей, получаютъ отъ зажиточныхъ все нужное для
этого пиршества. Угощенные сосѣды отираются въ
поле: тамъ снимаютъ хлѣбъ, возятъ сѣно а хозяины
за то снабжаютъ ихъ на зиму: дровами и лучинами. —
Поселяне, считающіе за великій грѣхъ работать въ
воскресенье, идутъ охотно послѣ обѣдни работать на
вдовой землѣ. — Народная поговорка: *за вдовою и Богъ*
съ сурою, безъ сомнѣнія произшля отсюда.

Въ Малороссіи, Сибири, першской, вятской, оренбург-
ской и смежныхъ съ ними губерніяхъ, выпаливаніе и
совершеніе полевыхъ работъ извѣстно подъ именемъ
помочей, но онѣ, по роду занятій, носятъ разные назва-
нія. Поленіе огородовъ называется *полотушка*, трепаніе
льна и конопля *потрепушка*, пряжа *супрялки*, у наво-
живаніе *назми* и *толоко*, собираііе рѣпы, рѣдьки, мор-
кови, картофеля и проч. называется копаніемъ *порт-
ницы*, *оборкою* и *скижкою* *земляницы*; сниманіе лука и
чеснока, *луковымъ днемъ*; рубленіе капусты, *капустни-
цью*. Въ Сибири рубка капусты называется еще *вечеромъ*
капустки. Въ чебоксарскомъ уѣздѣ (казанской губерніи)
враздникъ капустки, принадлежащій собственно этому

уѣзду, издавна есть народный. Такъ капустку ожидаютъ точно съ такимъ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ, какъ рождественскіе святки. По наступленіи времени рубить капусту, собираются сначала одні дѣвушки: рубить ее весело и радостно, и спѣвать какъ можно поскорѣй окончить свою работу. После рубки угощаютъ ихъ ужиномъ; потомъ собираются сюда въ нарядныхъ своихъ одеждахъ мужчины: они не смѣютъ войти прямо въ пѣбу, но подходятъ сначала къ окошку просить позволенія у хозяина, и получивъ его созволеніе, входятъ въ комнату съ начальнымъ привѣтствіемъ къ хозяйкѣ: *поздравляю милость вашу съ капусткой. — Покорно благодаримъ, отвѣчаетъ хозяйка, прошу бесѣдовать съ нами.* — Каждый молодецъ приноситъ съ собою лакомства. — Когда парней соберется довольно, тогда начинаютъ разныя святочные игры, и забавы продолжаются до разсвѣта. Въ продолженіи игръ, женихи стараются извѣдать нравъ и сердце молодыхъ дѣвушекъ, шутятъ съ ними, рѣвуются, поютъ пѣсни и ходятъ попарно перешепчиваясь, однако украдкой, безъ нарушенія приличія: впротивномъ случаѣ, за несоблюденіе должной скромности, молодцы не допускаются къ играмъ, и они должны немедленно оставить вечернее собраніе.

Родителямъ весьма не нравятся капустки, потому что женихи часто приходятъ высматривать невестъ не тѣхъ, которыя имъ нравились, а тѣхъ, которыя имъ не нравятся, и случается, что женятся на другихъ, претиву ожиданія родителей, предполагавшихъ въ нихъ будущихъ своихъ зятѣй (*) Такое празднество совершается

(*) Г-жа Фуксъ, въ описаніи шестыхъ обрядовъ Чувашей, ошибочно сравниваетъ вечеръ капустки, съ гуляемъ 1-маго въ Петербургѣ, говоря, что у насъ въ Петербургѣ сходятся 1-маго гулять для того, чтобы высматривать невестъ. — Гулянье 1-маго у насъ, есть встрѣча весны, и оно происходитъ въ Екатеринбургѣ,

въ Малороссіи и въ большей части Россіи. Тамъ капустницы, собирающіеся для сѣченія капусты, ходятъ первоначально по сосѣдямъ, чтобы приглашать молодыхъ и молодцевъ рубить капусту. Молодые люди, занимаясь сѣчкою капусты, проводятъ вечеръ въ дружескомъ пѣніи и шуточныхъ разказахъ. — Послѣ рубки угощаютъ ихъ пирогомъ изъ капусты, который называется *хлебальнымъ пирогомъ*, потому что его ѣдятъ со щами. Въ другихъ мѣстахъ нарочно варятъ пиво; угощеніе вообще заключается пляскою. Въ приволжскихъ губерніяхъ дѣвцы ходятъ въ праздничныхъ нарядахъ по домамъ, поздравлять хозяиновъ съ праздникомъ капусты и въ ихъ честь поютъ пѣсни. — Пѣсельницы угощаютъ пирогами. Въ Малороссіи было въ обыкновѣніи, что молодыя дѣвушки, нарядившись въ праздничныя одежды, ходили по домамъ поздравлять хозяекъ съ капусткою. Но это не было празднество, а приготовленіе къ капусткѣ, для которой созывали обыкновенно однихъ молодыхъ, чтобы работа шла веселѣе. Молодые обою пола, преимущественно сѣвшили воспользоваться этимъ временемъ; имъ тогда представлялся удобный случай пошутить и порѣзвиться между собою. — Тогда уже вечера капустки обращались въ вечерницы, т. е. въ вечернія забавы для молодыхъ: всѣхъ ихъ угощали паланицами и пирогами съ капустою. Молодежь созывали не только для сѣчки капусты, но для квашенія бураковъ (свеклы), моченія конопля, льна и для окончанія другой легкой домашней работы. —

куда сходятся и сѣзжаются не только со всей столицы, жители и государственные люди, министры и дипломатическій корпусъ; но и Царская фамилія, сопровождаемая Государемъ Императоромъ. — Можетъ ли это быть смотръ невестъ? — Этнограф. описаніе казанск. губ., помѣщ. въ жур. мин. внут. дѣлъ, № 3, 1841 г., с. 371.

Въ другихъ частяхъ Россіи (вятской и пермской губерніяхъ) называютъ помочами удобреніе полей, равно-мѣрно такъ же и то же самое называется въ сѣверной полосѣ Россіи, въ смоленской губерніи и нѣкоторыхъ литовскихъ мѣстахъ, но такое названіе не вездѣ сохра-няетъ прямой свое значеніе, або косить сѣно на-зываютъ уже тамъ толокомъ (*). Въ другихъ мѣстахъ говорятъ вмѣсто помочъ, *мазлы рыны*, т. е. унаво-живать поля наземомъ. Помочи и толоко, суть одне-значущія. Лифляндскій лѣтописецъ Кельхенъ говоритъ: владѣющіе обширными полями, созываютъ во время жатвы своихъ сосѣдей, для подаванія имъ помощи въ се-браніи хлѣба, и вечеромъ угощаютъ ихъ, и такое уго-щеніе называется толокомъ.

Въ смоленской губерніи толоко обратилось собственно въ значеніе унавоживать землю, гдѣ ея удобреніе со-вершается не иначе, какъ чрезъ навозъ. Тамъ толоко занимаетъ всѣхъ домохозяевъ, и начинается обыкно-венно съ Петрова дня; иногда и ранѣе, и продолжается до поздней осени. Хозяинъ сзываетъ сосѣдей на ржаный пирогъ и пиво, и угостить ихъ, просить по-мочь ему возить толоко. Большіе и малые, и дѣти обо-его возраста, возятъ на поле навозъ и тамъ разбрасыва-ютъ его кучками. По окончаніи работы, ихъ угощаютъ вновь. Однажды я былъ свидѣтелемъ сельскаго уго-щенія послѣ толока. — Рабочіе сидѣли кружкомъ, лица ихъ были блѣдныя и высохшія, — тягостенъ трудъ зе-мледѣльца! Они сидѣли въ молчаніи: предъ ними лежа-

• (*) Должно думать, что толоко происходитъ отъ древне-прусскаго, или вѣстскаго слова *talek*, которое означаетъ вознагражденіе за трудъ не деньгами, но угощеніемъ. — Keltch: Lif-land. Sifter. Въ Литвѣ говорятъ *толоко*.

ли ломти хлѣба, но когда подали куншнѣ: скидку похлебку изъ гороха и зелени; тогда принесли, на деревянномъ блюдѣ, ржанный хлебальной пирогъ, начиненный кашустою и горохомъ. Хозяинъ подносилъ по чаркѣ вина, и потомъ каждый бралъ свою долю пирога и закусывалъ; наконецъ стали хлебать похлебку изъ общей деревянной миски, а тамъ, послѣ похлебки, подавали крошимо, рубленное мясо на куски, печеное и гречневую кашу съ масломъ. Во время обѣда подносили кружками черное пиво, нарочно вареное для этого дня. За нѣсколько дней до толокного угощенія, всегда варятъ здѣсь пиво; его пьютъ вдоволь. — О какъ было бы хорошо, если бы Русской, отъ природы умный, добрый, честный и трудолюбивый, замѣнилъ водку пивомъ. — Водка, губительница нравственности, ведетъ ко всѣмъ порокамъ и несчастіямъ. — Водка адъ, — тихій, но вѣрный.

Уборка. За собираніемъ святаго хлѣба, слѣдуетъ обыкновенно снѣмка его съ полей, и это называется *уборкою*. Уборка хлѣба не сопровождается особымъ какимъ либо угощеніемъ или празднествомъ; хозяинъ благодаритъ только помогавшихъ ему въ работѣ, и общается помочь имъ въ свою очередь, и если онъ зажиточный, то угощаетъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уборка и обертка означаютъ послѣдній день оранія.

Не вездѣ свозка хлѣба съ полей, извѣстна подъ именемъ уборки. По мѣстности она называется различно, а именно: *свозка*, *увозонъ*, *перевозка*; но вездѣ они обрадуютъ народное веселіе, и можно сказать, празднество. Земледѣлецъ радуется, что благополучно снялъ съ поля хлѣбъ и уложилъ его вовремя въ свои скирды.

Въ костромской губерніи празднуютъ *овинъ* (сентября 24) въ день мученицы Феклы, именуемой въ простонародіи *Феклою зарваницею*. Овинъ собственно значить гумно: хозяинъ собираетъ молотильщиковъ въ

овинъ, который въ тотъ день называется *имянинникомъ*; тамъ варятъ кашу въ честь имянинника и угощаютъ ею всѣхъ работниковъ.—Это не есть особое празднество, но обрядъ гостепріимный: угостить новой кашею.—Когда поспѣетъ каша, тогда молотильщики садятся въ кружокъ и непременно въ самомъ овинѣ. Хозяинъ первый отвѣдываетъ кашу, а молотильщики говорятъ: *хозяину хлѣба варошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ*, и потомъ ѣдятъ ее съ масломъ. Въ другихъ мѣстахъ сѣверовосточной Россіи, это дѣйствіе слыветъ подъ именемъ *овинныхъ имянинъ* и тамъ варятъ кашу, но она называется уже *домолотною*, т. е. сваренною изъ окончательнаго умолога.

Х.

БАБЬЕ ЛѢТО.

Измѣненіе временъ года, праздновалось въ языче-
скомъ мірѣ съ религіозными обрядами, коихъ слѣды Бабье
лѣто. остались въ христіанствѣ. У всѣхъ народовъ весна и
осень, совпадали съ полевыми работами. — Въ эту пору
совершались повсюду торговыя сдѣлки, годовыя сроки
и міренія сѣвѣшанія. — Весенній у насъ Юрьевъ день и
осенній Семенъ день, были срочными условіями для по-
селенъ и владѣльцевъ земель, и потому Семенъ день пре-
вращенъ простолюдинами въ бабье лѣто. — Нѣкоторые
думаютъ, что сентябрь мѣсяцъ прославилъ въ простона-
родіи бабьимъ лѣтомъ, со временъ Петра I., измѣ-
нившаго лѣтосчисленіе, которое велось прежде съ сентя-
бря 1., со дни преподобнаго Симеона перваго столпника.
Эта догадка ни на чѣмъ не основана. Бабье лѣто суще-
ствовало до временъ Петра I., и оно терлется въ гла-
бокой древности. Германцы знали его, въ самое отдален-
ное время, подъ именемъ *маріинской пряжи* (*Marient-
garn*), *маріинскихъ нитей* (*Marientfäden*) и *старого бабьяго
лѣта* (*Alter Weiber-Sommer*). — Въ это время видно на небѣ
созвѣздіе бабы, расположенное изъ семи соединенныхъ
вмѣстѣ звѣздъ, какъ бы утячье гнѣздо и называемое въ
астрономіи Плеяды, посему нѣкоторые стали произ-
водить бабье лѣто отъ созвѣздія бабы; но и это не

правильно. Намъ извѣстно, что до перемѣны у насъ лѣтосчисленія, называлось это время *Симеономъ лѣтопроводцемъ*. Славянскія племена, исконно любя полевые работы, оканчивали ихъ въ эту пору; женщины дружно принимались за собственныя свои работы: онѣ мочили конопель и ленъ, сушили, трепали, ткали, сучили нитки, веревки и проч. Эти занятія, свойственныя женскому полу, всегда именовались бабьими работами и бабьими трудами, а самое время, которое бывало какъ нарочно теплое и какъ бы возвращало еще лѣто, совпадало съ бабскими трудами, и потому обратилось въ названіе *бабьяго лѣта*. —

Бабье лѣто продолжается одну недѣлю: оно начинается въ нѣкихъ мѣстахъ съ 1 сентября, а въ другихъ съ 8 сентября, съ Рождества Богородицы, какъ у Чеховъ, гдѣ оно называется *Семена панна Маріа*, у карпатскихъ Славянъ *бабьинъ морозъ*. — Тамъ поется преданіе, что морозъ заморозилъ на полонынь (на Альпахъ) бабу чародѣйку. Это намекъ на статуи тѣхъ каменныхъ бабъ, которыя становились долгое время и въ христіанство, на карпатскихъ дорогахъ.

Въ Польшѣ подъ именемъ бабьяго лѣта разумѣютъ продолжительную, теплую погоду, — тоже самое что бабье лѣто; въ Малороссіи и Литвѣ; оно называется *бабыно лѣто*. —

Семеновъ
день.

Въ прѣстонародіи и въ отечественныхъ лѣтописяхъ, первое сентября извѣстно подъ именемъ *Семенова дня*, *Семеновъ день* и *дни Семена*. Въ церковныхъ праздникахъ называется еще этотъ день *Семень лѣтопроводецъ*, по случаю праздника преподобнаго отца Симеона перваго столпника, и по прежнему исчисленію года, коимъ оканчивалось тогда лѣто и начинался новый годъ — Праздникъ Симеона перваго столпника, уставленъ на первомъ никейскомъ соборѣ (въ 325 г.)

Время отъ 1 до 8 сентября называется *семянскою медвѣдою*. Если погода стоитъ теплая, въ продолженіи семи дней, то говорятъ обыкновенно, въ насмѣшку: вотъ и бабье лѣто! Это лѣто часто долго сопровождается зеленью луговъ, и самыя листья деревьевъ, цвѣтовъ и прочихъ растѣній, не скоро вянуть и кажется зеленѣютъ. Простолудины тогда замѣчаютъ, что если пауки сплутъ паутину и запутываются, то предвѣщаютъ тихую осень и зиму непостоянную. Иди, если домашнія птицы шлеплютъ траву на поляхъ, а перелетныя не улетаютъ; то вѣрный знакъ теплой зимы. Примѣчанія поселянъ измѣняются, по мѣстному расположенію страны. На сѣверѣ, гдѣ природа суровая и самое лѣто скоропроходящее, бабье лѣто не продолжительное. — Однако бываетъ, что оно при всемъ непостоянствѣ, напримѣръ, петербургскаго климата, продолжается около трехъ недѣль. — Холода сентябрскіе, пасмурная погода и частые дожди, имѣя вліяніе на расположеніе духа людей, измѣняютъ ихъ веселость и здоровье. — Каждый смотритъ на умирающую природу съ душевнымъ волненіемъ, потому что все вокругъ его сохнетъ и погибаетъ. Ненастный и безжизненный сентябрь, дѣлаетъ почти каждого угрюмымъ и задумчивымъ, сердитымъ и нечальнымъ, потому вошло говорить въ обычай: *онъ смотритъ сентябремъ, на него нашла сентябрская хандра; онъ угрюмъ, какъ сентябрь; у него сентябрскія думы.*

Есть обычай, что подъ Семень день въ деревняхъ гасятъ вечеромъ огонь въ избахъ, и не держатъ его въ эту ночь. — На утро раздуваютъ новый огонь знахари и знахарьки, съ особыми приговорами. Со времени Семена дня, повсемѣстныя сельскія работы называются бабьими. Къ этому названію способствовало самое время: ни холодное, ни теплое, которое какъ нарочно выгоняетъ женщинъ изъ избъ, чтобы работать на открытомъ воз-

духъ. — Тамъ онѣ шнуръ и трещаетъ ценьку, мочатъ и сушатъ ленъ, шрядутъ и спуютъ холотъ. Если дѣвушка затыкается красна въ Семень день, то она замѣчаетъ, какъ ложатся нитки: если прямо, то у нее будетъ хорошій мужъ; если не ровно, то негодный. — На женскія работы стекаются молодые люди, чтобы имъ помочь, и помогаютъ преимущественно молодымъ и красивымъ дѣвушкамъ. — Въ вечеру начинаются посидѣлки, и тутъ просиживаютъ за работами до первыхъ пѣтуховъ. Въ первые посидѣлочные дни, угощаютъ разными кушалами и живомъ; въ Малороссіи гречаниками и кулинемъ съ саломъ.

Пиво варить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до нынѣ сохранилась ессиня игра съ хороводомъ, подъ именемъ пиво варить. Эта игра взята изъ обыкновенія варить пиво къ бабушкѣ. Молодые женщины выходятъ съ братомъ къ воротамъ, за коими давно тѣснится толпа праздничныхъ поселянъ, и угощаютъ ихъ: напередъ старыхъ, потомъ молодыхъ, а послѣ дѣвушки начинаютъ хороводъ пиво варить. Составивъ кругъ, дѣвушки ходятъ и поютъ съ насмѣшливыми движеніями. Дѣйствіями рукъ, плечъ и всего тѣла, онѣ обнаруживаютъ съ наигрѣшимъ состояніемъ пьянаго, которое явно указываетъ на разгульную жизнь мужика, обращающаго каждый случай въ бражничество. Поясненіе этого находится въ самой пѣснѣ:

Ай на горѣ мы пиво варили,
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Мы съ этого пива всѣ вокругъ соберемся,
Ладо мое, ладо, всѣ вокругъ соберемся!
Мы съ этого пива всѣ разойдемся,
Ладо мое, ладо, всѣ разойдемся!
Мы съ этого пива всѣ присядемъ,
Ладо мое, ладо, всѣ присядемъ!

Мы съ этаго пива ешать лизнемъ!

Ладо мое, ладо, ешать лизнемъ!

Мы съ этаго пива опять встанемъ,

Ладо мое, ладо, опять встанемъ!

Мы съ этаго пива всѣ въ ладоши ударимъ!

Ладо мое, ладо, въ ладоши ударимъ!

Мы съ этаго пива всѣ перепьемся,

Ладо мое, ладо, всѣ перепьемся!

Теперь съ этаго пива всѣ передеремся,

Ладо мое, ладо, всѣ передеремся!

По окончаніи хоровода, женщины приносятъ купивныя браги, и угощаютъ дѣвушекъ. —

Въ Малороссіи существуютъ подобныя этому обычаи: тамъ равномерно варятъ брагу, дѣвушки гуляютъ на зеленыхъ лугѣ, играютъ въ хороводы и поютъ пѣсни, сообразно игрѣ. Пѣснь поется также самая. —

Въ югозападной и сѣверовосточной полостѣ Россіи, Похороны мухъ существуютъ похороны мухъ. Съ Семена дня или Семени и изгнаніе таракановъ. *лѣтопроводца*, наѣкомыя начинаютъ исчезать. —

Увеличивающееся холодное время, производитъ тогда мѣръ на блохъ, прусаковъ, таракановъ и мухъ. Простой народъ зная, что съ этого времени наѣкомыя и многія животныя замираютъ на зиму, погребаютъ заранѣе мухъ съ шуточными обрядами. — Нарядныя дѣвушки дѣлаютъ гробы изъ кавуновъ или тыквъ, огурцовъ, рѣдьки и рѣпы; укладываютъ сюда мухъ, съ притворнымъ воплемъ, и несутъ къ выкопанной могилѣ. — Другой обычай, не менѣе странный, есть изгнаніе таракановъ во время заговѣнъ, предъ Филиповымъ постомъ. — Всѣ находящіеся въ избѣ должны, побравшись за руки и зажавъ ротъ, тянуть за ногу изъ пабы, привязаннаго къ плетчѣ таракана, черезъ весь дворъ на улицу. Между тѣмъ одна изъ женщинъ, стоящая съ растрепанными волосами подъ окномъ, стучитъ и спрашиваетъ: чѣмъ вы

заговлется? — Говядиною. — А тараканъ чѣмъ? — Тараканъ тараканами, — Это ужъ произносятъ тогда, какъ вытаскать его изъ избы. Этимъ оканчивается изгнаніе, и тогда думаютъ, что тараканы не появляются болѣе. (*)

Въ это заговѣнье дѣвушки загадываютъ о суженыхъ. Во время ужина онѣ оставляютъ кусокъ говядины, чтобы никто не видѣлъ и не зналъ ихъ намѣренія; потомъ, ложась спать, кладутъ его себѣ подъ изголовье, приговаривая: суженый, ряженный, приди ко мнѣ заговѣться. — Это повторяется три раза. На другой день хвалится каждая подруга, что видѣла будущаго своего, — такого хорошенькаго! точно онъ мой женихъ! —

Семень день; превращенный въ бабье лѣто, не есть народный праздникъ, а мѣстный обычай угощенія по окончаніи полевыхъ работъ, которыя, какъ извѣстно, не вездѣ оканчиваются въ одно время, потому что все это зависитъ объ обыкновенія и положенія страны. За всѣмъ тѣмъ, бабье лѣто извѣстно по всей Европѣ.

(*) У старовѣровъ и другихъ суевѣровъ, считается за грѣхъ изгонять таракановъ, и размноженіе ихъ принимаютъ за Божье благословеніе. Некоторые еще кормятъ ихъ, сберегая подъ вѣшникомъ въ печуркѣ или подъ печью.

XI.

БРАТЧИНЫ.

Мірскія сходки въ древнее время, были въ большомъ обыкновеніи. На нихъ рѣшались семейныя и частныя дѣла, и весьма часто однимъ сходомъ, по братски. Послѣ примиреній предлагались взаимныя угощенія, обратившіяся въ послѣдствіи какъ бы въ особое празднество, известное подъ именемъ братчинъ, братовщины и братовищинокъ. Тутъ прекращались навсегда сельскіе раздоры, водворялось дружество, миролюбіе и побратство. Время однако измѣнило значеніе братчинъ, преобразовавъ его въ народное празднество, и эта перемена произошла послѣ введенія повсемѣстныхъ судовъ и сельской расправы. Тогда сельскія старшины, головы и старосты, совывали свой міръ, изъ одной обязанности, но по окончаніи дѣлъ, старые люди не покидали стариннаго обычая гостепріимства: приглашали другъ друга на хлѣбъ — соль и чарку вина. Такимъ образомъ братчины сами по себѣ, малу по малу измѣнялись, и народъ сталъ сходиться только въ известные праздники, для однихъ пирушекъ, кои составлялись изъ дружелюбной складчины. Въ другихъ мѣстахъ тогда варили пиво, на собравшія деньги, и готовили кушанье. —

Значеніе братчинъ.

Михай-
ловская
и ни-
коль-
ская
братчи-
ны.

Главныхъ братчицъ суть двѣ: михайловская и никольская; первая въ честь архистратига Михаила (сентября 6), а вторая въ честь св. Николы зимняго (декабря 6). Въ эти два дни поселяне ставятъ общимъ міромъ въ церкви большую свѣчу и служатъ молебень о ниспосланіи изъ нихъ всякихъ благъ. Послѣ угощаютъ на свой счетъ поселянъ изъ своего окологда; остатки отъ стола раздають нищимъ; хлѣбныя крохи бросаютъ на во-здухъ, чтобы нечистые духи не портили ни деревь-евъ, ни полей. — По многимъ городамъ, деревнямъ и селамъ, зажиточные люди дѣлають складчину, изъ благо-говѣнія къ празднику какого нибудь святаго, или такого угодиака, который почитается покровителемъ цѣлой деревни, или во имя того проводника, въ честь коего выстроена церковь, по какому нибудь чудесному событію. Такого-то обычайъ общеупотребителенъ и въ римско-католической церкви. Тамъ, какъ и у насъ, от-правляютъ молебны и взаимно угощаютъ. Въ юго-за-падной Россіи и въ большей части сѣверо-восточной, празднуютъ еще братчину по случаю заложенія или окон-чанія церкви. Тогда прикормиве отправляютъ братчину съ собой въ веселостію; со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ съ-зываются къ нимъ на праздникъ: тутъ проводятъ время съ забавами и играми. Мѣгомъ празднуютъ обыкновен-но: поды открываютъ небожь, близъ церкви, а зимомъ въ домѣ священника или церковнослужителя.

Домашнее или семейное празднество, называемое ново-селье, по случаю перехода на жилье въ новой домъ, тако-же доставляетъ соседямъ случай поприбавовать. Сосѣди съходятся къ хозяину, поздравлять его съ новосельемъ и приносятъ хлѣбъ-соль. Ни одинъ изъ Русскихъ не пере-ходитъ въ новой домъ, не освятить его. Тутъ соб-людаются нѣкоторыя дѣйствія: по угламъ комнаты вбиваютъ бумажки, съ написаннымъ заглавиемъ; та-

туютъ молитвы на изгнаніе нечистыхъ духовъ, и по-
томъ окрошаютъ комнаты освященной водою. (*)

Въ старые годы было даже обязанности, чтобы яв-
лять на братчины: это происходило изъ уваженія къ хра-
мовому празднику. Пирьы были тогда столь частыя и
столь разорительныя, что особыми грамотами запре-
щалось ѣздить на пирьы, братчины и свадьбы, всѣмъ
же званнымъ. (°)

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, такое разгулье Конотъ.
называется копрномъ. Въ это время тамъ было разни-
тное мѣро для веселія: варенуха, брага, пиво и крѣпкіе
меды, не сходили со столовъ, — я присутствовалъ при
одномъ изъ копрнѣ. Послѣ совершенія службы, — это было
лѣтомъ, — прихожане чинно ушли за приготовленны-
ми столами, подъ деревьями благоухающими; священ-
никъ, благословивъ кушанье, поздравлялъ гостей съ
праздникомъ, и потомъ пилъ чарку водки, которую под-
несъ ему староста, распоривавшійся обилиемъ виномъ,
и также чарка обходила всѣхъ кругомъ. Подали пироги
и палачицы со сметаной, за тѣмъ горячее кушанье. —

(°) При заложеніи дома кладетъ хозяинъ по четыремъ уг-
ламъ основныхъ бревенъ, по куску хлѣба, и оставляетъ тамъ на
всю ночь. На другой день смотритъ: цѣлы ли положенные
куски? Если пропадетъ какой либо кусокъ, то полагаютъ, что
это мѣсто несчастливое, потому перекладываютъ бревно въ дру-
гую сторону. — Поселенцы основываютъ свое благосостояніе на
куску хлѣба, потому пропавъ хлѣба, даетъ ему поводъ заклю-
чить, что при заложеніи избы на таковомъ мѣстѣ, явное для не-
го несчастіе. — Онъ не рѣшается еще строить и на томъ мѣстѣ,
гдѣ пролежала дорога: тутъ, по его мнѣнію, шатался дьяволъ. —
Дерево сломленное бурей, не употребляетъ при постройкѣ, вѣ-
ря, что дьяволъ поднимаетъ бурю.

(**) Истор. русск. іерархій т. 1.

Священнику подавали прежде воѣтъ, за нимъ по старшинству остальнымъ. — Угощеніе состояло изъ разныхъ сытныхъ блюдъ; во время кушанья пили, кто что хотѣлъ. Послѣ обѣда молодыя женщины, дѣвушки и парни занялись играми и хороводами. — Прочіе веселились плясками и пѣніемъ. —

Ссыичи-
ны, коро-
вой день
николь-
щина.
Холки.

Съ братчинами имѣютъ больше сходства ссыичины, коровый день, никольщина и холки. Всѣ они служатъ предметомъ для народныхъ увеселеній: сельскія сходбища и забавы, составляемыя по предварительному соглашенію зажиточныхъ семействъ, происходятъ по случаю какого нибудь деревенскаго праздника. Пиво и вино, пироги съ яйцами и кашею, суть главное кушанье. — Не одинъ мужескій, но и женскій полъ принимаетъ участіе въ веселіи, которое продолжается за полночь.

Во время ссыичинъ являются часто скоморохи, а гости, развеселенные чаркою вина, просятъ другъ друга убытки, нанесенныя имъ въ продолженіи лѣтнихъ работъ, какъ то: потравы хлѣба и травы, закосъ въ чужихъ дугахъ и т. п. — Молодки, дѣвушки и парни, пускаются въ присядку и поютъ пѣсни, какія вздумаютъ, какъ напримѣръ:

Во шру была во бесѣдушкѣ,
Я не медъ пила, я не полпивце;
А пила, пила сладку водочку.
Я не чарочкой, не стаканчикомъ;
Я пила, пила сполна ведра.
Я домой пошла не шаталася,
Ко двору пришла пошатнулася,
За веревочку схватилася.
Веревя моя, ты дубовая!

Поддержи меня бабу пьяную,
Бабу пьяную, исламу хмельную.

Въ это время развеселившіеся гости, поднимаютъ чарки и провозглашаютъ:

За здоровье того,
Кто любитъ кого;
На погибель тому,
Кто завидуетъ кому!

Или, взявъ чарку, припѣваютъ :

Чарочка моя серебряная!
Да кому-жъ чару нить?
Да кому-жъ наливать?
Наливать чару да Иванушкѣ, (*)
Выпивать чару да Зиновичу.

Пирующие, разгорячаясь виномъ болѣе и болѣе, употребляютъ часто выраженія довольно нескромныя, отъ коихъ, какъ говорится, уши вянутъ.—Конецъ пированія сыновнины или братчаны, иногда бываетъ притинною ссоръ и новыхъ поносокъ на мировую.—Юровый день, получившій свое названіе отъ праздника св. Георгія, празднуется сибирскими рыболовами послѣ счастливаго улова рыбы. — Никольщина же есть общій веселый русскій праздникъ, совершается въ день Св. Николая (мая 9). Люди собираются къ храмовому празднику Николая, если въ деревнѣ есть церковь во имя Св. Николая, и послѣ службы пируютъ. Гдѣ нѣтъ церкви во имя св.

(*) Называютъ не имени того, кому наливать и кому пить.

Николая, тамъ отпѣваютъ молодежь въ обрѣзанной приходской, заступнику Николаю, и потомъ предлагаются общему радостному разгулу. Никольщина была, въ прежніе годы, срочнымъ днемъ для саѣлокъ, платежей и повинностей. — По хорошему и безоблачному дню Св. Николаю, судятъ о благопріятной осени. — Холки, забавы одиѣхъ дѣвушекъ, составляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сельскія угошенія. — Холки конечно происходятъ отъ *холить*, — нѣжить, ласкать, потому что дѣвушки, рѣзаясь въ своихъ холкахъ, высматриваютъ жениховъ, коихъ не перестаютъ съ тѣхъ поръ ласкать, и стараются нравиться имъ. — Въ казанской губерніи холки составляютъ увеселеніе; они начинаются съ половины сентября и продолжаются до самой сырной недѣли. Первые холки бываютъ по снятіи шерсти съ овецъ. Бѣдные, нуждающіеся въ шерсти, варятъ саво и созываютъ сосѣдей на холку; каждый приглашенный, долженъ непременно принести съ собою сколько нибудь шерсти. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени, созываютъ мятъ и трепать лентъ и пеньку; потомъ прютъ, и всакій разъ приглашаемые приносятъ съ собою мятъ и конопель. Многие бѣдные созываютъ единственно соседей для того, чтобы они помогли имъ отъ своего избытка; богатые охотно принимаютъ приглашеніе, и имѣя здѣсь случай повеселиться. Сюда охотится молодежь обоюго пола, и верѣдко, на скихъ холкахъ, променяются любовныя изъясненія, которыя на посѣдѣнкахъ исключаются между молодыми тайнымъ створореніемъ.

Посѣ-
дѣлка.

Нѣтъ уголка на всѣмъ мѣрѣ, чтобы не происходила по вечерамъ собранія молодыхъ людей, состоящая въ пріятномъ бесѣдованіи съ любимыми особами, и эти собранія извѣстны у нашего народа подъ именемъ *посѣдѣлокъ, бесѣдъ и досвѣтокъ*. По окончаніи полевыхъ работъ, наступаютъ темныя и продолжительная зима. — То-

гда съезжались молодые дѣвушки и женщины, чтобы поговорить между собою кой-о чемъ, или идуть другъ къ другу съ свидѣемъ, пряжкой и вѣзаньемъ, чтобы работать охотнѣе. Въ прежнія годы это было въ обычаѣ, даже между боярынями и боярышнями. Незнатные и не богатые, купеческое сословіе и простые, собирались на посидѣлки, по зову своихъ пріятелей, но и тутъ соблюдалось вѣкоторое обрядное приличіе: женщина позыватка ходила скликать молодыхъ дѣвушекъ, чтобы посидѣть вечеромъ, отсюда произошло названіе посидѣлокъ. — Однако молодыхъ людей обоого пола не стѣсняли приходить на вечеръ, по одному приглашенію; не приглашаемые такъ же проходили весело, какъ и тѣ, которые были приглашаемы особо. Дѣвушки не долго занимались своей работою, ибо онѣ увлекались разсказами, близкими ихъ сердцу: потомъ нечувствительно переходили къ играмъ, пѣнію и пляскѣ.

Молодые люди пользовались на посидѣлкахъ пріятнымъ случаемъ—свободно сидѣть подлѣ своей милой, говорить съ нею и перешептываться о своей любви; жали другъ другу руки и давали обѣщаніе видѣться почаще. Ихъ свиданія большей частью оканчивались свадьбою, которая на Руси всего болѣе совершается послѣ осени. — Посидѣлки у зажиточныхъ сопровождались закусками и пивомъ. Иногда онѣ происходили въ особо нанятомъ домѣ, гдѣ угощеніе дѣлалось на счетъ складчины. — Строгіе родители не всегда позволяли своимъ дочерямъ посѣщать таковыя собранія, потому что съ ними распространялась худая молва и безславіе о девической добродѣтели. Посидѣлки не продолжались далѣе полуночи. Мушны провожали своихъ дѣвушекъ домой и разставались съ ними до перваго радостнаго свиданія.

Нышѣшнія посидѣлки совершаются такъ же, какъ и въ старину. Дѣвушки собираются въ назначенную

ими нѣбу, и тамъ сидятъ за работою: онѣ прядутъ ленъ, псковъ, конопель и шерсть.

Прихи, сидя за мочкою, рассказываютъ про домашнія дѣла, толкуютъ про своихъ парней и свѣются, и тутъ же запѣваютъ:

Пряди моя приха,
Пряди, не лѣнися. (*)
Я рада бы прядла,
Меня во гости звали
Къ сосѣду во бесѣду,
На пиръ пировать:
Пива, меду пити,
Вина зеленого.
А я молоденька,
Не пью никакого,
Окромя простого.

Зеленая роща,
Всю ночь прошумѣла;
А я бѣдная Дуныша,
Всю ночь просидѣла,
Къ себѣ мила друга ждала.
Приѣхали трое,
На вороныхъ коняхъ;
Шапка со углами,
Головка съ кудрями.

(*) У простолюдиновъ есть поговорка: *только пряди, домождать*, это значить, что работа, производимая съ отчетливостію, требуетъ терпѣнія; что не много выработать, но хорошо, — хотя долго ждать, вознаграждаетъ трудъ; что тонкая пряжа, хотя ее доплетается долго, несравненно прибыльнѣе.

Съ начала вечера до ужина, всѣ занимаются усердно, чтобы въ ужинѣ показать своей матушкѣ, какъ много поработали. Но часа два послѣ ужина, пропадаетъ вся охота къ работѣ:

Сядешь прѣсть,
Донце хрясть,
Мочки хлопками летать!

Тутъ всѣ бросаютъ работу и начинаютъ между собою игры. Мало по малу появляются къ нимъ парни: съ дудками камышевыми, скрипками и балалайками. Они любезничаютъ съ дѣвушками, напр: *каты Дунька*, тонко прядешь! или: эхъ ты Машка, какъ исхудала! Хотя Машка, — чуть не треснетъ отъ жира. — Любезности продолжаются не долго: появляются наряженные, и тутъ прощай гребни, вертена, мыкольники и донцы! все летитъ подъ лавки. — Наряженные ходятъ по всѣмъ угламъ и ищутъ спрятавшихся отъ нихъ дѣвушекъ. Послѣ начинаются пляски подъ свистъ дудки, скрипки и балалайки, или подъ однѣ пѣсни. — Часто, до начатія плясокъ и игръ, поютъ однѣ пѣсни безъ всякаго разбора, какія прійдутъ въ голову: унылыя и шуточные, плясовые и протяжныя; вотъ для примѣра:

Вспомни, вспомни, мой любезный!
Мою прежнюю любовь :
Какъ мы съ тобой, мой любезный погуливали,
Осеннія темныя ночи просиживали,
Забавныя тайны рѣчи говаривали:
Тебѣ мой дружечекъ не жениться,
Мнѣ за мужъ дѣвкѣ не идти.
Скоро, скоро, моя любезная передумала ;
Женись, женись, мой милнѣйшій! — я замужъ пойду

Въ чистомъ полѣ, полѣ, при дождѣхъ
 Стоитъ новъ высокъ теремъ;
 На томъ новомъ теремочкѣ, двинуки ибсенами немы:
 Знать то, знать то, мою любезную за мужъ отдать.
 Среди двора крыльце стоитъ разкрашеное,
 Съ того крыльца ведутъ къ вину,
 Красну двинцу душу.
 Одинъ ведетъ за рученьку, а другому жаль,
 Третій стоитъ, слезы ронитъ: любилъ да не взялъ!
 Постой, постой, красавица! простимся со мной.
 Я бы рада проститься, женихъ не везитъ.

Скучно, матушка! голова болить!
 Ай люли, люли, голова болить.
 • Худо можется, не адорвится;
 Ай люли, люли, не адорвится!
 Не адорвится, гулять хочется;
 Ай люли, люли, гулять хочется!
 Я украдуся, нагуляюся;
 Ай люли, люли, нагуляюся,
 Со милымъ дружкой повидаюся.
 Ай люли, люли, повидаюся!
 Ахъ ты милой мой, милъ сердечный другъ!
 Ай люли, люли, милъ сердечный другъ!
 11 Научи меня какъ домой притти?
 Ай люли, люли, какъ домой притти!
 Ахъ глупая, неразумная,
 Ай люли, люли, неразумная!
 Поди улицей, сърой утицей.
 Ай люли, люли, сърой утицей.
 Широкииъ дворомъ бывай лебедью.
 Ай люли, люли, бывай лебедью.
 Во высокъ теремъ яснымъ соколомъ.
 Ай люли, люли, яснымъ соколомъ!
 Твой высокъ теремъ разтворень стоитъ,
 Ай люли, люли, разтворень стоитъ!

Твой ромашный мужъ, за столомъ сидѣть,
 Ай люли, люли, за столомъ сидѣть!
 За столомъ сидѣть, самъ домается.
 Ай люли, люли, самъ домается,
 Надо мной и надъ мной надругается!
 Ай люли, люли, надругается!
 За шельмову пать принимается;
 Ай люли, люли, принимается!
 Плетка свиснула, а я вскрикнула!
 Ай люли, люли, а я вскрикнула!...
 Свекору батюшкинъ возмолвилася,
 Ай люли, люли, возмолвилася!
 Свекоръ батюшка, отыми меня,
 Ай люли, люли, отыми меня!
 Отъ своего сына, отъ моего мужа,
 Ай люли, люли, отъ моего мужа!
 Свекоръ батюшка, велѣть больше бить;
 Ай люли, люли, велѣть больше бить!
 Велѣть больше бить, кожу до пать спустить,
 Ай люли, люли, кожу до пать спустить!
 Кожа волочится, гулять хочется,
 Ай люли, люли, гулять хочется!

Ты дуброва жол, добровушка,
 Ты дуброва моя зеленная!
 Ты къ чему рано зашумѣла?
 Приклонила ты свои вѣтви?
 Изъ тебя ли изъ добровушки,
 Мелки пташечки вонъ вылетали?
 Одна пташечка оставалася,
 Горемычная кукушечка.
 Что кукуешь она и день и ночь,
 Ни на малый часъ ей уюлку нѣтъ!
 Жалобу твердитъ кукушечка,
 На зазетнаго, яснаго сокола.
 Разорилъ онъ ей теплое гнѣздо,

Разогналъ се малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, кукуи-дѣтушекъ, —

Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
Что во высокомѣ сидитъ красная,
Подъ носящетымъ подѣ оконшечкомъ.
Она плачетъ, какъ рѣка льется;
Возрыдастъ, что ключи кипятъ.
Жалобу творитъ красна дѣвица,
На завязлаго молодца:
Что сманилъ онъ красну дѣвицу!
Что отъ батюшки, что отъ матушки;
И завезъ онъ красну дѣвицу,
На чужу дальну сторону,
На чужу дальну незнакомую:
Что завезши, хотеть покинуть.

Среди пѣсней грустныхъ, вдругъ затѣваютъ пляску. — Плясуньи, стоя одна противу другой, топаютъ ногами въ тактъ музыки; потомъ кружатся въ противоположныя стороны, перемѣняются и снова топаютъ и снова кружатся. Пляска въ смоленской губерніи почти всегда начинается припѣвомъ :

Заиграйте музыки,
Мои лапти велики;
Мнѣ татунька сплелъ,
На святой Покровъ.

Или:

Вотъ такъ чини,
Какъ я чиню!
Люби дѣвка по обычаю:
И поповъ и дьяковъ,
И хорошихъ мужиковъ.
Вотъ такъ! разъ,
Вотъ такъ! два. —

Или одна плясунья, гордая тѣмъ, что она богаче своей подруги, припѣваетъ:

Пять моль на переди, 2. р.

Другая, хотя бѣднѣе еѣ, но желая снаться, что и она бываетъ тамъ, гдѣ и богатые, отвѣчаетъ въ при-
сядку:

А въ три штуки, туда жъ такъ (*).

Когда пляшутъ подъ пѣсни, тогда женщины и дѣ-
вушки, ставъ въ кружокъ, поютъ; изъ круга между
тѣмъ отдѣляется одна пара, иногда и двѣ онѣ вмѣстѣ
поютъ и пляшутъ, подъ тактъ пѣнія. Вотъ плясовая:

Ахъ вы сны мои, сны, сны новыя мои!
Сны новыя кленовыя, рѣшетчатыя!
Ахъ! какъ мнѣ по вѣсь, по сныюшкамъ, не хаживати,
Мнѣ жидя друга за рученьку не ваяживати!
Выводила молодца за новыя ворота,
Выпускала сокола изъ праваго рукава!
Ты лети, лети соколъ, высоко и далеко,
И высоко и далеко на родину сторону!
На родину на сторону;
Грозень батюшка живеть;
Онъ грозень сударь, грозень онъ, немилостивый,
Не пускаетъ молодцу, куда вечеркомъ одну.
Я не слыхала отца, потышила молодца,
Я за то его потышу, что одинъ сынъ у отца:

(*) Это говорится въ три штуки о Паневѣ, которую носятъ
дѣвушки и женщины, обертывая себя платкомъ чѣмъ болѣе
ихъ, тѣмъ богаче считается дѣвушка.

Повучь Винокушко, пивоварушко,

Пивоваръ пиво варилъ,

Зелено вино курилъ :

Вы пожалуйте двайца! на пиварию на мою,

На мой ли на поварятъ, пиво пьяно на ходу,

Пиво пьяно на ходу, и на сладкоць меду. —

Какъ у нашихъ у ворота, 2.

Люли, люли, у веротъ! 2.

Стоялъ дѣвокъ хороводъ, 2.

Люли, люли, хороводъ! 2.

Молодушокъ табунокъ, 2.

Люли, люли, табунокъ! 2.

Меся дѣвки кликали, 2.

Люли, люли, кликали! 2.

Молодушки нашили, 2.

Люли, люли, нашили! 2.

На улицу погулять, 2.

Люли, люли, погулять! 2.

Съ ребятиши поиграть, 2.

Люли, люли, поиграть! 2.

Меся свекръ не пустить, 2.

Люли, люли, не пустить! 2.

Хоть и пустить, пригрѣшь, 2.

Люли, люли, пригрѣшь! 2.

Гуляй, янона, да не долго, 2.

Люли, люли, да не долго! 2.

До перышка цѣлуютъ, 2.

Люли, люли, цѣлуютъ! 2.

А я млада до поры, 2.

Люли, люли, до поры! 2.

До утренней до зари, 2.

Люли, люли, до зари! 2.

Линь зарюшка залязасъ, 2.

Люли, люли, залязасъ! 2.

А я издали подымаюсь, 2.
 Люли, люли, подымаюсь! 2.
 На встречу мне деревни, 2.
 Люли, люли, деревни! 2.
 Деревушки батюшкина, 2.
 Люли, люли, батюшкина! 2.
 Проводи меня домой, 2.
 Люли, люли, домой! 2.
 До моего двора, 2.
 Люли, люли, до двора! 2.
 До крыльца терема, 2.
 Люли, люли, терема! 2.
 Подхожу я ко двору, 2.
 Люли, люли, ко двору! 2.
 Свекорь ходить ко двору, 2.
 Люли, люли, ко двору!
 Повьсисти голову, 2.
 Люли, люли, голову! 2.

Переходя отъ рѣзвостей къ новымъ рѣзвостямъ, на-
 чинають игривую.

Солнце на закатъ,
 Время на утратъ.
 Слы дѣвки на лужокъ
 Гдѣ муравка, гдѣ цвѣтокъ:
 Гдѣ мы съ вѣчера рѣзвились,
 Въ хорободѣ пѣселились,
 На прѣлѣной тишинѣ,
 Подъ березкою одинъ.
 Только слышно голосекъ,
 Раздавался во лѣсомъ:
 Гдѣ красавица милая,
 Свѣтъ, радость дорогая!
 Гдѣ ты? гдѣ ты? ахъ! ахъ!
 Безъ тебя я здѣсь умру!
 Твой глазикъ меня не видитъ,

Знать ейъ немъ, момануть! :
 Вся дѣвушка спохватилась,
 И домой потаранилась,
 Свѣтъикъ Машинька дружокъ,
 Тутъ пришла на лужокъ,
 Со травы дѣтны рвала,
 Къ себѣ милаго ждала.
 Не успѣла сложить въ пучочки,
 Идетъ милый изъ за рѣчки,
 Парень милый, красавчикъ.

Свѣтъикъ Машинька дружокъ,
 Тутъ пришла на лужокъ.
 Со травы дѣтны рвала,
 Къ себѣ милаго ждала.
 Не успѣла сложить въ пучочки,
 Идетъ милый изъ за рѣчки.
 Парень милый, красавчикъ,
 Свѣтъикъ Машинькинъ дружокъ.
 Подошедши ручки жметъ,
 У Машиньки сердце бьеть!
 Сердце сердцу покорилось,
 Щечки розою покрылись.
 Ужъ любовь какъ одна,
 Намъ природою дана!

У дороднаго добраго молодца;
 Въ три ряда кудри завивались;
 Во четвертый рядъ по дѣтамъ нежатъ :
 Не сами кудри завивались,
 Завивала красна дѣвица,
 По одному русому волосу,
 Завивши кудри, сама призадумалась :
 Какъ бы я знала, млада вѣдала;
 Про свое горе, про несчастіе,
 Про замужье про бездѣлное;
 Я бы сидѣла вѣкъ во дѣвущакѣ,

У родимаго своего батюшки,
 У родимой своей матушки,
 Я бы чашку бутылку тобю,
 Я бы племя трубачу кошу,
 И вылетала бь я Ленту алую,
 Ленту алую, шелку' краснаго,
 Шелку' краснаго шемаханскаго.
 Какъ бы я знала, млада вѣдала,
 Что просватали мени, еудари батюшка,
 Не въ любимую во сторонушку,
 Не за прежняго полюбившиа,
 Не за лапушку да за мѣлаго,
 А что отдали мениа батюшка,
 Въ семью не согласную,
 Во хоромину не покрытую!

Ахъ! на горѣ слочка стоитъ,
 Ахъ, мой Божиныа! зелена стоитъ.
 А подъ тою елочкой желнерикъ лежитъ,
 Ахъ, мой Божиныа! желнерикъ лежитъ.
 Надъ тѣмъ надъ желнерикомъ воронъ конь стоитъ,
 Ахъ, мой Божиныа! воронъ конь стоитъ.
 Правымъ коньютчкомъ земельку сѣчетъ,
 Ахъ, мой Божиныа! земельку сѣчетъ.
 Для своего желнерика воды достать,
 Ахъ, мой Божиныа! воды достать.
 Знать же тебѣ конюхекъ, воды не достать.
 Ахъ, мой Божиныа! воды не достать.
 Знать мнѣ желнерику отъ земли не встать.
 Ахъ, мой Божиныа! отъ земли не встать.
 Бѣги, бѣги, коничекъ, лужкомъ бережкомъ.
 Ахъ, мой Божиныа! лужкомъ бережкомъ.
 Лужкомъ, бережкомъ ко моему двору.
 Ахъ, мой Божиныа! ко моему двору.
 Выидеть къ тебѣ коничекъ, старая пани,
 Ахъ, мой Божиныа! старая пани!

Старая няня, те няня моя,
 Ахъ, мой Божиныка! те няня моя,
 Выйдеть къ тебѣ подичить, младая няня,
 Ахъ, мой Божиныка! младая няня,
 Младая няня, те жено моя,
 Ахъ, мой Божиныка! те жено моя,
 Выйдуть къ тебѣ коницекъ, млады донцыта,
 Ахъ, мой Божиныка! млады донцыта,
 Млады донцыта, те дити моя,
 Ахъ, мой Божиныка! те дити моя,
 Стануть тебѣ коницекъ оглаживати,
 Ахъ, мой Божиныка! оглаживати,
 Стануть у тебѣ коницекъ выпрямивати,
 Ахъ, мой Божиныка! выпрямивати,
 Не сказывай коницекъ, что побить лежу,
 Ахъ, мой Божиныка! что побить лежу,
 А скажи воронинскій, что въ полку служу,
 Ахъ, мой Божиныка! въ полку служу,
 Что въ полку служу, чину заслужу,
 Ахъ, мой Божиныка! чину заслужу,
 Заслужилъ желничникъ подъ елечкой смерть,
 Ахъ, мой Божиныка! подъ елечкой смерть.

Между богатыми дворами и боярами, была свои
 обряды. Мать семейства, родственныя бабушки и ня-
 нюшки по знакомству дедаютъ, просятъ дѣтнушекъ по-
 сидѣть вѣчеромъ, преимущественно таковыхъ, которыя
 славилась богатствомъ и красотой. — И чтобы не
 уронить чести своего дома, и придать болѣе блеску
 своей знатности, созывали столько, сколько можно бы-
 ло помѣстить ихъ въ своихъ хоромахъ. Позыдажи съ
 дѣломъ, высматривали хорошихъ жениховъ: моло-
 дыхъ, богатыхъ, блондурыхъ, съ голубыми глазами,
 съ пушкомъ на бородѣ и курчавыми волосами.
 Таковой молодецъ былъ и до конца вѣнчанья бесѣлъ:

перца, правды. Наши еще деды любили вспоминать про свои посиделки, но нѣтъ предубижденій къ нимъ, но нѣтъ простоты къ жизни и строгой скромности молодыхъ людей. Сохранившіеся носидельчьи вѣсны, могутъ служить тому доказательствомъ. Нѣльзя не замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ вѣсней, отыскиваютъ сердечную тоску и безнадежную любовь.

Какъ бы и знала, какъ бы вѣдала,
Непріятство друга милаго,
Не любовь друга сердечнаго.
Не сидѣла бы поздно вѣчеромъ:
Я не дѣла бы свѣчу носку драго,
Не ждала бы я друга милаго,
Не топила бы красна золота,
Не лила бы золота кольца,
И не тратила бы золотой казны. —
Я слѣла бы себѣ крилушки,
Полетѣла бъ на нивой городъ,
Чтобъ искать себѣ друга милаго.
И я слѣла бы среди площади,
И я стала бы кличь кликати.
Кто бы сталъ со мною совѣтывать,
Какъ бы мнѣ забить друга милаго!
Преклонила бы я разлужники,
Что разлучилъ меня съ милыми дружины,
Съ милыми дружины, со сердечными.

Или:

Туманно красно солнышко, туманно,
Что краснаго солнышка не видно!
Кручина красна дѣвица, печальна,
Никто съ кручинушки не знаетъ!
На батюшка, на матушку на родные,
На баба, голубушка сестрица,

Нежность, красна, дивна, дивна!
 Не можешь мила друга позабыть.
 Ни дивною порою, ни ночью,
 Ни утренней зарею, ни вечерней.
 Въ тоску своей возгорить дивна:
 Я въ те поры милого друга забуду,
 Когда подложится мой скоры ноги,
 Когда опустятся мой былы руки,
 Засыплются глаза мой песками,
 Закроются былы груди досками.

Неизлечимые вены, заренять искри, любая въ мот
 лодья, и неопытные сарапа, были, отравой, для жизни.
 Семейная гордость, разрады, и происхождени, знают
 ныхъ родствъ, были, весьма часто, какъ, и нынѣ, моги
 дою, для любящихся.

Въ Бѣлоруссiи вечернія собранія, начинающіеся въ Супрот-
ки и до-
лины.
 Покрела, дни, и продолжающіеся до Пасхи, называются
 сумрачками. Дѣвушки собираются въ дамику, шабу, что-
 бы играть, шить, веселиться и пѣть. Сюда сходятся дѣр-
 ня, и высматриваютъ себѣ неждѣть. Молодые обоимъ пола,
 проводятъ время, въ дѣлѣ, и играхъ, а дѣвчѣ утомленіе
 дѣвушекъ разными, дакомствами. — До дожники, же
 и въ осеніе вечера, собираются, такъ же, дѣвчѣ и дѣ-
 вушки, и проводятъ время, уже не въ дѣлѣ, но въ
 подлѣ, открытымъ, небомъ. Тутъ никакой, не, занимаютъ
 се, работою, но одними, забавами, и играми, пѣніемъ
 пѣсней, и пляскою, подлѣ, музыку. На дожники, верь, да
 собираются, пожелы, чтобы, полюбоваться, юной, рѣ-
 востію; молодыя женщины приходятъ украдкой, что-
 бы повеселиться и погоревать о своей неволѣ.

Съ посидѣлками совершенно сходствуютъ малороссій- Досит-
ки и по-
черники
 ские *доситки*, кои потому такъ названы, что въ это вре-
 мя, молодые люди, проводятъ всю ночь, до сѣмь (до
 разсвѣта): въ забавахъ, играхъ и пѣніи. Сначала сходятъ

ся дѣвушки въ одну опредѣленную или хату, и въ ожиданіи прихода парубковъ, занимаются пряжею, шитьемъ, поютъ пѣсни, которыя служатъ знакомъ, что онѣ давно собрались и сидятъ за работою. Хата бываетъ освѣщена обыкновенными свѣчами или *каганцами*. (*) На досвѣтки приносятъ разныя съ обѣихъ сторонъ лакомства, въ числѣ коихъ любимыя суть: *насимячко*, сушенныя семена изъ гарбузовъ (*тыквы*), соннышникъ (*подсолышникъ*), *каланыю орѣхи*, маковки, медовыя коржи, масляники, бублики (*баранки*) и пр. Дѣвчата сначала ничего не хотятъ принимать отъ парубковъ, — такъ ужъ по своей привычкѣ. Когда разговорятся и веселостя начинаютъ одушевлять всѣхъ, тогда онѣ съ удовольствіемъ принимаютъ отъ нихъ лакомства и знакомятся. — Досвѣтки начинаются съ осени и продолжаются до великаго поста. —

По наступленіи благоухающей весны, начинаются *вечерницы*, которыя продолжаются до лѣта, и потомъ возобновляются въ теплые осенніе дни. Названіе *вечерницъ*, происходитъ отъ вечернихъ собраний. Дѣвушки и мужчины собираются около хаты и проводятъ вечера, часто и цѣлую ночь, въ играхъ и забавахъ: бѣгаютъ въ запуски, играютъ въ жугу, составляютъ хоры, танцуютъ, поютъ подъ скрипку или дудку. Всѣ молодые принимаютъ участіе въ этихъ увеселеніяхъ, а парубки, набирающіе себѣ невесты, женятся съ ними (ухаживаютъ за ними). Довольно замѣчательно, что на вечерницахъ молодые обоюдо пола,

(*) Глиняныя чашечки съ узкимъ носикомъ; въ нихъ наливаютъ коноплянаго масла и зажигаютъ *шотъ* (свѣтильникъ). Выгоравшій каганецъ, опредѣленной величины, показываетъ время ночи.

Напѣвъ ихъ грустившій, прошепестало трогательное
и печальное, иногда приготовленная смерть. Вотъ
примѣры:

Не ходи Грыцію на вечерницю,
Бо на вечерницахъ дивна чаровицы;
Бо на вечерницахъ дивна чаровицы!
Одна дивчина морцобрыла,
То чаровица, справедлива;
То чаровица, справедлива! —
Въ недѣлю рано зыла конала,
А въ понедѣлокъ перемывала.
А въ понедѣлокъ перемывала!
Прійшовъ вивторокъ, зыла зварыла,
Въ середу рано, Грыця отруила!
Въ середу рано, Грыця отруила!
Прійшовъ же четвергъ, Грыценько умеръ,
А въ пятницу Грыця поховали,
А въ пятницу Грыця поховали,
А въ субботу отпоемали!
А отпоемали: у снѣжъ запарали.
Щобъ того Грыця не делала!

Въ недѣлю рано маты дѣтку, била!
Но що ты, суко, Грыця отруила?
На що ты, суко, Грыця отруила?
Ой маты, маты! жалю не має,
Не хай же Грыценько двоухъ не кохас!
Не хай же Грыценько двоухъ не кохас!
Не хай не буде ни той, ни мени:
Не хай достанется сырой землі. —
Отъ се тобі, Грыцю, я такъ зробила,
Що черезъ тебе мене маты била!
Що черезъ тебе мене маты била!
Отъ се тобі, Грыцю, такъ заклали:
За материнъ дощакъ дощакъ маты!

Съ чоторыхъ дощекъ удивная хата!
 Рано пораненьку ижари козакъ
 И того Грыца вспоминали,
 И того Грыца вспоминали!
 Ой Грыцы, Грыцо преславный кобаче!
 За тобою Грыцю дивчина плаче!
 За тобою Грыцо, дивчина плаче!
 Тая дивка чернобрыва,
 Котора Грыця причаровала.

Тоска дѣвушки по своему милому чернобровому, ко-
 торый не подаетъ никакой о себѣ вѣсточки. Она пла-
 четъ и только ей легче, какъ поплачетъ; она полетѣ-
 ла бы къ нему, но нѣтъ у нея крыльевъ, а онъ не
 возвращается. Горюетъ, сохнетъ и умираетъ съ каж-
 дымъ часомъ. — Напѣвъ пѣсни чрезвычайно жало-
 бный:

Віють вѣтры, віють буйны,
 Ажъ деревья гнуця!
 Ой якъ болитъ мое сердце,
 Самы слезы льюця.
 Трачу дѣла въ лѣтѣмъ торі,
 И ницѣ не бачу.
 Только мени и легче стане,
 Якъ тришки поплачу!
 Не помогутъ слезы счастью,
 Сердцю легче буде!
 Кто счастливъ бувъ цѣль часочекъ,
 Повикъ не забуде!
 Есть же люди що и жові
 Замидують доли!
 Чи счастлива ти былинка,
 Що росте у полі?
 Ой у полі на песочку,
 Безъ росы на сонці!

Тяжко жити: безъ ніякого;
На чужій стороні.

Безъ ніякого діла нема,
Стане: сивий тиранко;
Безъ ніякого счастья нема,
Нема: а полюб!

Де ты: ший, чернобривий?

Де ты? озвнес!

Якъ безъ тебе я горюю?

Прійди, подивися.

До кого я пригорюся,

И кто пригудить?

Коли нема того тутъ,

Якій мене любить.

Политила бъ я до тебе,

Да крылицъ не маю!

Сохну, чахну я безъ тебе

Всякій часъ умираю!

Вѣрность двухъ любовниковъ, — веселый напѣвъ:

Дивчино кохана, здорова була!

Чи ще жъ ты мене не забула?

Принхавъ до тебе, — Богъ тебе знае!

Чи твое серденько мене кохає?

Козаче коханий, чого ты питаєшь?

Скорій, козаче, въ могилу буду,

Нежъ тебе серденько поабуду!

Спасибо, дивчино, за добре слово,

А може ты любишь когось другого?

Коли правдыда подоньма твоя,

Такъ будешъ серденько поахать когось!

Ты добре не знаєшь, що я сирота;

Ни маю я срібра, ни маю золота,

Оприть тою любови, ще къ тебе я маю.

Я всимъ убога, — того ни маю!

Не треба мені родота, я самъ приймаю,
 Треба мені людини, що я кохаю!
 Ходимо до церкви, зв'язуємо руки,
 Нехай у насъ не буде на серцяхъ мутні!

Печальніе нап'явѣ въ сльзующихъ цѣсняхъ :

Сидить голубъ на березѣ,
 Голубка на вишнѣ.
 Сидить серце мені правду:
 Що маєшъ на думки?

Ой якъ тобі присягада:
 Любиты змѣ думу:
 Теперъ мені поминають
 Я плакати мушу!
 Будь щастливий зъ того,
 Которую кохаєшъ;
 А надъ мене жорстокій,
 На свити не найдешъ..
 Буду Бога я просити,
 Щобъ ты бувъ щастливий:
 Чи зо мною, чи зъ другою,
 Повикъ мені милий!
 Якъ не зхочешъ, серце мое,
 Варнымъ буту;
 То дай мені таке зиле,
 Щобъ тебе забути!
 Есть у мене таке зиле,
 Близько перелазу;
 Якъ дамъ тобі напиться,
 Забудешъ видъ разу!
 Буду пити черезъ сѣлу,
 Не капли не пушчу;
 Хиба тебе забуду,
 Якъ очі заплочу! —

Ой ходять чумаки у Нарасъ-Бибаръ,
Та чорною хусточкою голову закривають.

Ой ходять же вназ сина зать до Дону,
Та не буде пригодоний сину на роду.

Стала пригода зъ Дону наудя,
У чистимъ поляхъ при дорожжѣ волы пасучи.

Ой пасъ, чумаки пасъ, да вназъ и лежить.

Ня хтожъ его же смитає : що у его болить?
Болить у его сердце, голова;

Сежъ у того чумаченька, що роду не ма. —

Прийшовъ до его, товарищъ его;

Бере его за ручешку, жалкує его.

Товарищу мій! жалкує мене.

Берижъ мои волы й воны, поковай мене.

Да скидай кожухъ, надивай жуцанъ.

Волыжъ мои сириньий, сежъ буде вамъ панъ.

Ой у Києви зазвонили въ дзвонъ;

Сежъ по тому чумачови, що ходять на Динь.

Ой у Києви зазвонили въ дзвонъ;

Сежъ по тому чумачови, що роду нема. —

Ой по горахъ сивимъ лежать,

По долинамъ воды стоять,

А по шляхамъ маки цвітуть.

То не маки цвітуть,

То не маки, а чумаки:

Вони зъ Крыму науть,

Рыбу везуть. —

Матъ сына вчизнавала,

Та не вчизнала, — выкликає :

Иди мій сынку до домоу!

Змыю тобі гловоньку —

«Измый, моя дечко, сама собі,

«Або мої рідчій сестры; —

«Мене змыють дрибни дожди,

«Розчешуть густы терны,

«Розчешуть густя терна,
 «Розкудрють буйны вятры,
 «А рознесуть кости, — чорны вороны.» —

Чи се тая крыниченька,
 Що я воду пивъ?
 Чи се тая дивчинонька,
 Що люблю и люблю?
 Ой жаль мени буде,
 ● Возьмутъ людѣ, —
 Недоля моя!

Чи сежъ тая крыниченька,
 Що голубъ кукався?
 Чи се тая дивчинонька,
 Що я женихався?
 Ой сежъ тая крыниченька,
 И ключъ и ведро;
 А вже вже дивчинонька,
 Забула дащо!
 Засыпалась крыниченька,
 Золотымъ листомъ;
 Злюбила дивчинонька,
 Зъ другимъ козакомъ. —
 Давжежъ мени до той крыниченьки,
 Стежки заросли;
 Давжежъ по мою дивчиноньку,
 Сваты прийшли.

Шумять вербы,
 Що надъ той крыницею ростуть;
 Да вжежъ мою дивчиноньку,
 До церкви ведуть.

| Одинъ веде за рученьку,
 Другий за рукавъ;
 Третій стоить,
 Сердце болить:
 Любивъ да не вивъ!

Жалоба молодого казака на долю, что она доселѣ
не указала ему счастья.

Де ты ходишь, моя доля?

Не докличешься тебе!

Досибъ можно дикое поле,

Пригорнуты до себе!

Я тебе ось не влажаю,

До якою то поры?

Все шукаю, да пытаю,

Що ажъ серденько знурувъ!

Чи на мори межъ купцами,

Личишь зъ крамомъ барыши?

Чи въ хоромахъ зъ панянками,

Ты рогочешъ у ночи?

Чи на небі изъ викиньця,

Сучишь дули бидякамъ?

Чи при місяци, безъ сонця,

Чешешъ ты кудры зиркамъ?

Чи край моря на долини,

Дикимъ макомъ ты цвѣтеши?

Чи у лузи на калыни,

Ты возулею куєши?

Ой змилуйся, моя мене!

По край мене хоть присядь;

Хоть постій ты біля мене,

То й тому я буду радъ.

Безнадежная любовь:

Надъ ричкою, надъ быстрою,

Спизнався я съ дивчиною. 2 р.

Лучше бъ було не знаться,

Нижъ спизнавшись разстаться;

Лучше бъ було не влюбляца,

Нижъ влюбившись разлюбляца!

Свитьтыть мислиць, та не гріє,

До дивчини сердце ніє.

Шумить, гудеть добровонька,

Плачеть, тужить дивчинонька;

Плачеть, тужить, нарекає,

Свою долю проклинає.

Долежъ моя несчастлива!

На що ты мене спородыла? 2 р.

Ой вы люды, вы сусиды,

Сжальтесь, сжальтесь мой биды! 2.

Що мени зъ того, що всякъ знає,—

Що мене милый покидає! 2.

Абожъ пійду, утоплюся,

Абожъ объ каминь убьюсь. 2.

Нехай будуть люды знаты,

Якъ зъ коханья умираю! 2.

На тимъ боци огонь горыть,

На сивъ боци дымно;

Не мажъ мого миленького,

Комусь буде дивно!

На тимъ боци огонь горыть,

На сивъ боци—жаръ, жаръ;

Не мажъ мого миленького,

Комусь буде — жаль, жаль. —

Хылытєся густы лозы,

Видкиль витєрь віє;

Дывытєся карі очі,

Видкиль милый вїїде.

Хылылыся густы лозы,

Та вжей — перестали;

Дывылыся карі очі,

Тай плакаты стали

Плыве шука зъ Кременчука,

Пробытая зъ лука,

Тепєрь мени мое сердце,

Зъ тобою розлука!

Ой! не шуми дуже великий байраче!
 Не плачъ, не журися, молодий козаче!
 Ой якъ не шумити,
 Коли зеленієй! —
 Ой якъ не любити,
 Коли молоденькій!
 Сусиди близькіи, — дороги тяжкіи,
 Не велять ходити, — дивчому любити.
 Якъ дивчину люблю и за себе шпаную,
 За себе в акаму, а за ії укручу.
 Ой укручу я мила, а ты будиши жива,
 Не забувай мила, де моя могила.
 А моя могила у тихого моря,
 Де була мижъ цимъ тиха рямора.
 А моя могила у синію роши.
 Полягли де жарти, полягли любови.
 Вийдешъ на могилу, та не тужи дуже,
 Скажуть вороженьки, — любились ми дуже.
 Вийдишъ на могилу, не кивай рукою,
 Скажуть вороженьки, що я спитьъ съ тобою.
 Вийдешъ на могилу, та не сльзь заслюю.
 Бо сама ты знаєшъ, якъ тяжко нидъ нею.

Бывали примѣры, что на вечерницахъ совершались убійства. — Изъ соперничества другъ къ другу, заводили между собою ссоры, оканчивавшіяся смертью одного изъ нихъ. Часто изъ уговора, изъ ссоры милой, отважный парубокъ гвалтъ другого. Оскорбленіе имени чіею нибудь, неменшею рандало кровавое мщеніе. — Матери и отцы, строго воспрешали своимъ дочерямъ и сыновьямъ ходить на вечерніи сходбища; но онѣ украдкой выходили изъ дома, и возвращались тихо, когда еще спали домашніе. — Вечерниці прѣшали и паньчи (дѣти дворянскія), но казаки, считая себя равными, вели съ ними постоянные раздоры, и по той

причинѣ, что паньчи скорѣе пріобрѣтали вниманіе дѣвушекъ. Это самое раздувало между ними пламя взаимной ненависти: составлялись партіи соперниковъ, и взаимное преслѣдованіе оканчивалось смертоубійствомъ, которое до того возросло въ послѣдствіи, что рѣдкая недѣля проходила, чтобы не выходили окровавленныхъ труповъ. Полиція принимала свои мѣры, но ей стоило великаго труда достигнуть цѣли своей. Часто случалось, что разбивали полицейскихъ чиновниковъ. — Вечерницы обратились нынѣ въ тихія и дружескія собранія.

На вечерницахъ молодые обоюго пола имѣли въ виду высмотрѣть для себя будущаго друга, а потомъ посылали свахъ съ предложеніями, на которыя большею частію отвѣчали согласіемъ. Тѣ же, коихъ желанія не выполнялись, вступались за свою честь и честь дома, и только одно посредничество постороннихъ останавливало мстительное преслѣдованіе. Если посредничество оставалось безъ дѣйствія, то съ нимъ страдало имя дѣвушки и всего дома, и это воспламеняло отчаянное покушеніе на погибель взаимную. Тогда никто не щадилъ другъ друга.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

I. Первое марта	3.
II. Встрѣча весны	5
III. Красная горка	15.
IV. Радунница.	27.
V. Запашка	33.
VI. Кукушка .	37.
VII. Купало.	51.
VIII. Ярило	99.
IX. Обжинки	105.
X. Бабье лѣто.	143.
XI. Братчины .	149.

ПОГРѢШНОСТИ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Страницы.	Строки.	Напечатано.	Читать.
15.	2.	а съ него	а съ нею
36.	9.	потомъ а	а потомъ
—	24.	молебень	молебень
37.	8.	птиц-	птице-
38.	6.	куканіи	кукуканіи
—	8.	кукуеть	кукукуеть
41.	2.	кукуеть	кукукуеть
45.	12.	поражало	поражали
—	16.	привысонихъ	привысонихъ
46.	22.	предъ Бога,	къ Богу,
48.	3.	и тотъ	не тотъ,
49.	19.	кукуеть	кукукуеть
62.	4.	я бубу	я буду
75.	22.	дѣшцы вдовье	дѣшцы, вдовы
84.	11.	О перва	Ой перва
—	31.	дичина	дичина
87.	6.	зуклакии	зуклаками
—	8.	Одѣя яги бабы (*)	Одѣя яги бабы (**)
96.	32.	съ свойственныиъ	съ свойственнымиъ
110.	19.	впереди всѣ	впереди всѣхъ
124.	8.	Мос каликъ	Москаликъ
—	13.	ки влияе	возлияе.
128.	24.	Грешивые	Грешивыи
147.	24.	Нарадвыи	Нарадныи
148.	4.	не появляются	не появляются
—	17.	окончиваются	оканчиваются
159.	19.	малу по малу	мало по малу
150.	30.	, поздравлять	, поздравляютъ
155.	26.	скадчныи	скадчныи
159.	29.	пшащетка	пшащетка
—	31.	кукуеть	кукукуеть
163.	16.	Люли	Люли
173.	8.	Ой Грышы	Ой Грыню
175.	1.	Не треби	Не треба
181.	13.	высмотрѣть	высмотрѣть